

НОВЫЙ РОМАН АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ

“ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА” и “КНИГА БАЛТИМОРОВ”

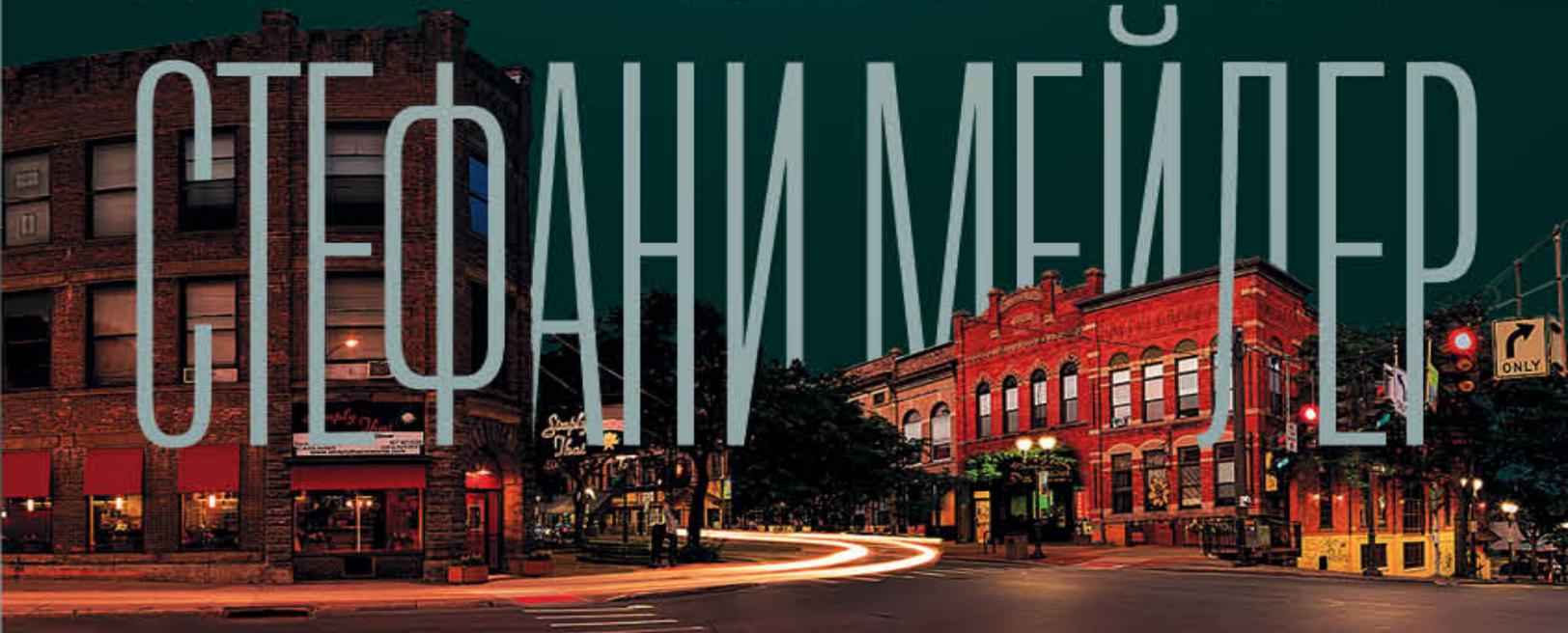
ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

CoRpus

СТЕФАНИ МЕЙДЕР

Жоэль Диккер
Исчезновение Стефани Мейлер

Посвящается Констанс

Joël Dicker

La disparition de Stephanie Mailer

Перевод с французского *Ирины Стаф*

© éditions de Fallois, 2018

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство Аст”, 2019

Издательство CORPUS →

Дорогие читатели!

Сейчас, когда вы собираетесь погрузиться в этот роман, мне хочется отдать дань памяти моему издателю Бернару де Фаллуа, покинувшему нас в январе 2018 года. Это был необыкновенный человек, обладавший исключительным издательским чутьем. Я обязан ему всем. Он был главной удачей в моей жизни. Мне его будет страшно не хватать.

Давайте читать!

В связи с событиями 30 июля 1994 года

О том, что случилось 30 июля 1994 года в фешенебельном курортном городке Орфеа на океанском побережье, слышали только люди, хорошо знающие район Хэмптонов^[1], штат Нью-Йорк.

В тот день в Орфеа открывался первый театральный фестиваль – событие национального масштаба, собравшее многочисленную публику. Под вечер все туристы и местные жители начали стекаться на Мейн-стрит, где мэрия устроила праздничные мероприятия. Опустевшие жилые кварталы походили на город-призрак: ни пешеходов на тротуарах, ни семейных пар на террасах, ни ребятишек, гоняющих на роликах, ни души в садах. Все ушли в центр.

Около восьми часов единственным признаком жизни в безлюдном квартале Пенфилд был автомобиль, медленно кативший по пустынным улицам. Мужчина за рулем напряженно вглядывался в окрестности, в глазах его читалась смертельная тревога. Первый раз в жизни он чувствовал себя настолько одиноким. Помощи ждать неоткуда. Что делать, непонятно. Он безуспешно искал жену: та ушла на пробежку и до сих пор не вернулась.

Сэмюел и Меган Пейделин относились к числу тех редких горожан, что решили в первый день фестиваля остаться дома. Билетов на спектакль, которым открывался фестиваль, им не досталось – кассы брали с бою, а толкаться на народных гуляньях на Мейн-стрит и набережной у них не было ни малейшего желания.

Под вечер, около половины седьмого, Меган, как обычно, отправилась на пробежку. Каждый вечер она делала свой неизменный круг по городу и только в воскресенье давала телу короткий отдых. От дома всегда бежала вверх по Пенфилд-стрит до Пенфилд-кресент, огибавшей полукругом небольшой парк. Там

останавливалась, делала на газоне комплекс упражнений (всегда один и тот же) и тем же путем бежала обратно. Все вместе занимало ровно сорок пять минут. Иногда пятьдесят, если она упражнялась подольше. Но никак не больше.

В 19.3 °Сэмюелу Пейделину показалось странным, что жены до сих пор нет дома.

В 19.45 он начал беспокоиться.

В 20.00 он шагал взад-вперед по гостиной, не находя себе места.

Наконец, в 20.10 он не выдержал, сел в машину и стал объезжать квартал. Логичнее всего было двинуться по обычному маршруту Меган. Так он и сделал.

Доехал по Пенфилд-стрит до Пенфилд-кресент и свернул. Было 20.20. Вокруг ни единой живой души. Он на минуту остановился, взгляделся в парк, но там никого не было. Уже тронувшись с места, он вдруг заметил какие-то очертания на тротуаре. Сперва решил, что это куча тряпок. Потом понял, что видит человеческое тело. С колотящимся сердцем он выскочил из машины. Это была жена.

В полиции Сэмюел Пейделин скажет: первое, что пришло ему в голову, – ей стало плохо из-за жары. Он испугался, что у Меган сердечный приступ. Но, подойдя поближе, увидел кровь и дырочку у нее в затылке.

Он закричал, стал звать на помощь, не понимая, то ли ему оставаться подле жены, то ли куда-то бежать, стучаться во все двери, пусть кто-нибудь вызовет скорую. Перед глазами все плыло, ноги подгибались. В конце концов его крики услышал житель одной из соседних улиц, он-то и позвонил в службу спасения.

Через несколько минут полиция оцепила квартал.

Один из полицейских, которые первыми прибыли на место и устанавливали ограждения, заметил, что в доме мэра, совсем рядом с телом Меган, приоткрыта дверь. Заинтересовавшись, он подошел поближе. Дверь была выбита. Выхватив револьвер, он одним

прыжком взлетел на крыльцо и крикнул: “Полиция!” Ответом было молчание. Он толкнул дверь носком ботинка и увидел в коридоре труп женщины. Он тут же вызвал подкрепление и медленно двинулся вглубь дома, не опуская револьвер. В маленькой гостиной по правую руку с ужасом обнаружил тело мальчика. А потом, на кухне, нашел и убитого мэра, плавающего в луже крови.

Убийца уничтожил всю семью.

Часть первая

В пучине

– 7. Исчезновение журналистки
Понедельник, 23 июня – вторник, 1 июля 2014
года

Джесси Розенберг

Понедельник, 23 июня 2014 года

33 дня до открытия 21-го театрального фестиваля в Орфеа

В первый и последний раз я видел Стефани Мейлер, когда она заявила на небольшой прием по случаю моего ухода в отставку из полиции штата Нью-Йорк.

В тот день целая толпа полицейских из всех отделов жарилась на полуденном солнце у деревянного помоста, который воздвигали по торжественным случаям на парковке окружного отделения полиции штата. На помосте стоял я, а рядом – мой шеф майор Маккенна, под чьим началом я прослужил все эти годы. Майор расхваливал меня по полной программе:

– Джесси Розенберг – молодой капитан полиции, но ему, видно, страшно не терпится нас покинуть, – вещал майор под смех собравшихся. – У меня и в мыслях не было, что он может уйти раньше меня. Странно все-таки устроена жизнь: всем хочется, чтобы я ушел, а я остаюсь, всем хочется, чтобы Джесси остался, а он уходит.

Мне было 45 лет, и я выходил в отставку счастливый и с легкой душой. Отслужив двадцать три года, я заработал право на пенсию и решил довести до ума один проект, занимавший меня уже давно. Мне оставалось отбыть последнюю неделю, до 30 июня. А потом откроется новая глава моей жизни.

– Помнится мне первое крупное дело Джесси, – продолжал майор. – Кошмарное убийство, четыре трупа. И он блестяще его раскрыл, а ведь никто в отделе не думал, что он справится. Совсем

еще молоденький был полицейский. С тех пор все поняли, что Джесси – крепкий орешек. Все, кто работал с ним бок о бок, знают, что в расследовании ему нет равных, могу даже сказать, что он был лучшим из нас. Мы прозвали его “Капитан сто процентов”, он раскрыл все дела, какие вел, второго такого детектива днем с огнем не найти. Этим полицейским восхищались коллеги, к нему обращались за советом как к эксперту, он много лет был инструктором академии. Позволь сказать тебе, Джесси: мы все уже двадцать лет тебе завидуем!

Новый взрыв хохота.

– Мы не совсем поняли, что за новый проект тебя ждет, Джесси, но желаем тебе удачи. Знай, нам тебя будет не хватать, полиции будет тебя не хватать, но главное – тебя будет не хватать нашим женам, которые на всех полицейских праздниках не сводили с тебя глаз.

Речь завершилась под гром аплодисментов. Майор дружески обнял меня, и я спустился со сцены – поприветствовать собравшихся друзей, пока они все не ринулись в буфет.

Когда я на миг остался один, ко мне подошла очень красивая женщина лет тридцати. Не помню, чтобы я когда-нибудь ее видел.

– Значит, это вы знаменитый Капитан сто процентов? – игриво спросила она.

– Выходит, я, – ответил я с улыбкой. – Мы знакомы?

– Нет. Меня зовут Стефани Мейлер. Я журналистка “Орфеа кроникл”.

Мы пожали друг другу руки, и Стефани сказала:

– Вы не обидитесь, если я буду называть вас Капитан девяносто девять процентов?

Я нахмурился:

– Вы что, намекаете, что я раскрыл не все дела?

Вместо ответа она вытащила из сумки ксерокопию статьи из “Орфеа кроникл” от 1 августа 1994 года и протянула мне:

УБИЙСТВО В ОРФЕА: ЧЕТЫРЕ ТРУПА УБИТЫ МЭР И ЕГО СЕМЬЯ

В субботу вечером мэр Орфеа Джозеф Гордон, его жена и 10-летний сын были убиты у себя дома. Имя четвертой жертвы – Меган Пейделин, 32 года. Молодая женщина, совершавшая в тот момент пробежку, видимо, оказалась нежелательной свидетельницей событий. Ей выстрелили в затылок на улице, перед домом мэра.

К статье прилагалась фотография: я и мой тогдашний напарник Дерек Скотт на месте преступления.

– Куда вы клоните? – спросил я.

– Вы не раскрыли это дело, капитан.

– Что за чушь!

– Тогда, в 1994 году, вы не нашли настоящего преступника. Я подумала, что вам лучше узнать об этом, пока вы не ушли из полиции.

Сперва я подумал, что это какая-то глупая шутка коллег, но Стефани говорила вполне серьезно.

– Вы что, ведете собственное расследование? – поинтересовался я.

– Вроде того, капитан.

– Вроде того? Если хотите, чтобы я вам поверил, не виляйте и говорите прямо.

– Я говорю правду, капитан. У меня прямо сейчас назначена встреча. Надеюсь, она позволит мне получить неопровержимые доказательства.

– Встреча с кем?

– Капитан, – насмешливо отозвалась она, – я не первый год работаю. Ни один журналист не упустит такой сенсации. Обещаю со временем поделиться с вами своими открытиями. А пока хочу

попросить вас об одолжении: мне нужно получить доступ к архиву полиции штата.

– По-вашему, это одолжение, а по-моему, шантаж! – возразил я. – Для начала покажите свое расследование, Стефани. Ваши обвинения очень серьезны.

– Знаю, капитан Розенберг. Потому и не хочу, чтобы полиция меня обогнала.

– Позвольте вам напомнить, что вы обязаны сообщить полиции любую важную информацию, имеющуюся в вашем распоряжении. Таков закон. Кроме того, я вправе произвести обыск в редакции вашей газеты.

Стефани явно разочаровала моя реакция:

– Тем хуже, Капитан девяносто девять процентов. Мне казалось, вам это будет интересно, но вы, похоже, думаете только про свою отставку и тот новый проект, о котором говорил ваш майор. Что за проект? Старую лодку чинить будете?

– Это вас не касается, – сухо ответил я.

Она пожала плечами и сделала вид, будто собралась уходить. Я не сомневался, что она блефует, – и она, сделав пару шагов, в самом деле остановилась и повернулась ко мне:

– Ответ был прямо у вас перед глазами, капитан. Вы его просто не увидели.

Меня разбирали одновременно и любопытство, и злость.

– Не уверен, что понимаю вас, Стефани.

Она подняла руку и подержала у моего лица.

– Что вы видите, капитан?

– Вашу руку.

– А я вам показываю пальцы, – поправила она.

– А я вижу руку, – в недоумении возразил я.

– В том-то и проблема. Вы увидели то, что хотели увидеть, а не то, что вам показывали. Потому и промахнулись двадцать лет назад.

Это были ее последние слова. Она ушла, оставив мне свою загадку, визитную карточку и ксерокопию статьи.

Углядев в буфете бывшего своего напарника Дерек Скотта, ныне прозябавшего в отделе административных правонарушений, я кинулся к нему и показал вырезку из газеты.

– А ты ничуть не изменился, Джесси, – улыбнулся он, с любопытством разглядывая архивное фото. – Что от тебя хотела эта девица?

– Она журналистка. Говорит, мы в 1994 году облажались. Якобы что-то упустили в расследовании и промахнулись с убийцей.

– Что? – поперхнулся Дерек. – Ерунда какая-то.

– Знаю.

– Что именно она сказала?

– Что ответ лежал перед глазами, а мы его не увидели.

Дерек озадаченно помолчал. Он тоже был явно смущен, но в итоге решил не забивать себе голову.

– Вот ни на столько не поверю, – буркнул он. – Просто заштатная журналюшка решила сделать себе дешевую рекламу.

– Может быть, – задумчиво ответил я. – А может, и нет.

Я оглядел парковку и заметил Стефани. Садясь в машину, она помахала мне рукой и крикнула: “До встречи, капитан Розенберг”.

Но встреча так и не состоялась.

Потому что в тот день она пропала.

Дерек Скотт

Как сейчас помню день, когда началось все это дело. В субботу, 30 июля 1994 года.

Вечером мы с Джесси были на дежурстве и остановились поужинать в “Голубой лагуне” – модном ресторане, где Дарла с Наташей работали официантками.

Джесси тогда уже не первый год жил с Наташей. Дарла была ее лучшей подругой. Они собирались вместе открыть ресторан и целыми днями напролет занимались своим планом: нашли помещение и теперь получали разрешение на строительные работы. А по вечерам и на выходных обслуживали посетителей в “Голубой лагуне”, откладывая половину заработка, чтобы вложить в свое будущее заведение.

В “Голубой лагуне” они прекрасно могли бы заниматься бумагами или кухней, но владелец говорил: “Вашим смазливym личикам и круглым попкам место в зале. И не нойте, чаевых вы получаете куда больше, чем заработали бы на кухне”. Тут он был прав: многие ходили в “Голубую лагуну” только ради официанток. Обе были красивые, приветливые, улыбчивые. Все при них. И ресторан их ждал бурный успех, о нем уже говорили на всех углах.

Парня у Дарлы не было. И признаюсь, с тех пор, как я ее встретил, она не выходила у меня из головы. Я приставал к Джесси, упрашивал сходить в “Голубую лагуну”, когда там были Наташа с Дарлой, и выпить с ними кофе. А когда обе работали у Джесси над планами своего ресторана, я тоже к ним пристраивался, увивался за Дарлой, но дело шло со скрипом.

В тот пресловутый вечер 30 июля мы с Джесси около половины девятого ужинали у барной стойки и весело перекидывались словами с Наташей и Дарлой, вертевшимися рядом. Вдруг наши с Джесси биперы одновременно запищали. Мы в тревоге уставились друг на друга.

– Наверно, стряслось что-то серьезное, если бибикает у вас обоих, – заметила Наташа.

Она показала, где в ресторане телефонная кабина; второй аппарат стоял на стойке. Джесси направился в кабину, я остался у стойки. Разговаривали мы недолго.

– Общая тревога, четверо убитых, – объяснил я Наташе с Дарлой, повесив трубку и бросаясь к выходу.

Джесси натягивал куртку.

– Поворачивайся! – рявкнул я на него. – Та группа, что первой прибудет на место, получит дело.

Мы были молоды и честолюбивы. Нам впервые выпал случай вести вместе серьезное расследование. Я был опытнее Джесси, успел дослужиться до сержанта. Меня невероятно ценило начальство. Все говорили, что мне светит головокружительная карьера.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину: я за руль, Джесси на переднее сиденье.

Я нажал на газ, а Джесси, подобрав с пола мигалку, включил ее и через открытое окно поставил на крышу нашей немаркированной машины; ночь осветилась красными проблесками.

Вот так все и началось.

Джесси Розенберг

Четверг, 26 июня 2014 года

30 дней до открытия фестиваля

Я воображал, что всю последнюю неделю в полиции буду слоняться по коридорам и прощаться с коллегами за чашечкой кофе. Но последние три дня я с утра до ночи сидел взаперти у себя в кабинете, зарывшись с головой в добытое из архива досье расследования убийства четырех человек в 1994 году. Этой Стефани Мейлер все-таки удалось вывести меня из равновесия. У меня не

шла из головы эта ее газетная заметка и фраза, которую она произнесла: “Ответ был прямо у вас перед глазами. Вы его просто не увидели”.

Но вроде бы мы увидели все. Чем дальше я листал досье, тем больше убеждался, что передо мной одно из самых основательных расследований за всю мою карьеру: все факты на месте, улики против предполагаемого убийцы неопровержимы. Мы с Дерекотработали серьезно, со всей дотошностью и непреклонностью. Я не находил ни единого изъяна. Как же мы могли промахнуться с преступником?

Под вечер ко мне в кабинет заявился Дерек собственной персоной.

– Ты чего тут возишься, Джесси? Тебя все ждут в кафетерии. Коллеги из секретариата испекли тебе торт.

– Прости, Дерек, сейчас приду, задумался немножко.

Он взглянул на разбросанные по столу документы, взял одну бумажку и воскликнул:

– О нет! Только не говори, что принял за чистую монету ахинею этой журналистки!

– Дерек, я только хотел убедиться, что...

Он не дал мне закончить фразу:

– Джесси, досье железобетонное! И ты это знаешь не хуже меня. Ладно, пошли, народ ждет.

Я кивнул:

– Минутку, Дерек. Сейчас иду.

Он вздохнул и вышел из кабинета. Я взял лежавшую на столе визитку и набрал номер Стефани. Телефон у нее был отключен. Накануне я уже пытался ей звонить, но тоже тщетно. Сама она после нашего понедельничного разговора со мной не связывалась, и я решил не настаивать. Где меня искать, она знала. В общем, я сказал себе, что Дерек прав, нет никаких причин сомневаться в выводах расследования 1994 года, и с легким сердцем спустился к коллегам в кафетерий.

Но через час, вернувшись в кабинет, я обнаружил факс от полиции штата из Ривердейла, в Хэмптонах: пропала молодая женщина, Стефани Мейлер, журналистка тридцати двух лет. С понедельника о ней ничего не известно.

У меня кровь застыла в жилах. Я вырвал бумагу из аппарата и схватился за телефон – связаться с отделением в Ривердейле. Полицейский на том конце провода сообщил, что сегодня после обеда к ним приходили родители Стефани Мейлер. Они беспокоятся, что дочь с понедельника не проявлялась.

– Почему родители обратились напрямую в полицию штата, а не в местную полицию? – спросил я.

– Они обращались, но, похоже, местная полиция не восприняла их всерьез. Вот я и решил связаться с уголовным отделом. Может, это все ерунда, но уж лучше я вам сообщу.

– Правильно сделали. Я этим займусь.

Я немедленно позвонил матери Стефани. Она сказала, что очень волнуется: последний раз они с дочерью разговаривали в понедельник утром, и с тех пор тишина. Мобильник Стефани отключен. Подруги тоже не могут с ней связаться. В конце концов она с местными полицейскими отправилась на квартиру к дочери, но там тоже никого не было.

Я помчался к Дереку в административный отдел.

– Стефани Мейлер, та журналистка, что приходила в понедельник, она исчезла!

– Ты что городишь, Джесси?

Я протянул ему факс.

– Смотри сам. Надо ехать в Орфеа. Посмотреть, что там происходит. Это не может быть совпадением.

Он вздохнул:

– Джесси, ты вроде собирался уходить из полиции?

– Не сейчас, через четыре дня. Четыре дня я еще коп. Стефани, когда мы с ней виделись в понедельник, говорила, что у нее

назначена встреча и что она получит недостающие детали своего расследования...

– Передай дело кому-нибудь из своих коллег, – предложил он.

– Даже не заикайся! Дерек, эта девушка уверяла меня, что в 1994 году...

Он перебил меня:

– Мы закрыли дело, Джесси! Все в прошлом! Какая муха тебя укусила? Зачем тебе непременно надо опять во все это влезть? Ты что, вправду хочешь пережить это заново?

Жаль, что он не хочет мне помочь.

– Значит, не поедешь со мной в Орфеа?

– Нет, Джесси. Прости, но ты, по-моему, совершенно спятил.

Короче, в Орфеа я поехал один. Первый раз за двадцать лет. После того убийства четырех человек я туда не возвращался.

Дорога от окружного отделения полиции штата занимала примерно час, но я, чтобы не соблюдать скоростной режим и выиграть время, включил на своей немаркированной машине сирену и маячок. Выехал на 27-ю автостраду и, свернув на Риверхед, двинулся на северо-запад по 25-й. Шоссе на последнем отрезке рассекало роскошный пейзаж, петляло среди пышной лесной зелени и прудов с россыпью кувшинок. Вскоре я добрался до ровного и пустынного 17-го шоссе, упиравшегося в Орфеа, и полетел по нему стрелой. Громадный дорожный щит возвестил, что я у цели:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОРФЕА,
ШТАТ НЬЮ-ЙОРК!

Национальный театральный фестиваль, 26 июля – 9 августа

Было пять часов вечера. Я въехал на Мейн-стрит, главную улицу Орфеа, полную зелени; чередой ресторанов, террас и магазинчиков сияла яркими красками. Мирная, отпускная атмосфера. Близилось Четвертое июля^[2], на фонарях красовались звездно-полосатые

флаги, рекламные щиты возвещали вечером праздничный фейерверк. Вдоль набережной, обнесенной цветочными клумбами и подстриженными кустами, неспешно бродили гуляющие, в одних киосках предлагали отправиться на катере посмотреть на китов, в других – взять напрокат велосипед. Казалось, передо мной не город, а декорации какого-то фильма.

Первым делом я отправился в местную полицию.

Шеф полиции Орфеа Рон Гулливер принял меня в своем кабинете. Мне не пришлось напоминать, что мы с ним уже встречались двадцать лет назад: он меня помнил.

– Вы несколько не изменились, – сказал он, трясая мою руку.

Про него я бы так не сказал. Он постарел, подурнел и изрядно раздался вширь. Хоть время было уже не обеденное, а до ужина еще далеко, он поедал спагетти из пластикового контейнера. Пока я излагал ему причины своего появления, он успел заглотать полкоробки, причем самым неопрятным образом.

– Стефани Мейлер? – удивленно пробурчал он с набитым ртом. – Мы уже занимались этим делом. Ни о каком исчезновении речи нет. Я говорил с ее родителями, они мне всю плешь проели. Лезут и лезут, их в дверь – они в окно!

– Наверно, родители просто беспокоятся за дочь, – заметил я. – Они три дня не имеют вестей от Стефани и говорят, что это совсем на нее не похоже. Поймите, я не могу оставить это без внимания.

– Стефани Мейлер тридцать два года, она что, не может делать что хочет? Честное слово, капитан, если бы у меня были такие родители, я бы давно сбежал. Стефани просто отлучилась на время, можете быть спокойны.

– Почему вы так уверены?

– Мне сказал ее патрон, главный редактор “Орфеа кроникл”. Она прислала ему эсэмэску в понедельник вечером.

– Как раз в тот вечер она и пропала, – возразил я.

– Никуда она не пропадала, сколько раз вам говорить! – разозлился Гулливер.

При каждом слове у него изо рта вылетал фонтанчик томатного соуса. Я сделал шаг назад, чтобы он не забрызгал мне безупречно белую рубашку. Гулливер сглотнул и заговорил снова:

– Мой помощник ходил с ее родителями к ней домой. Они открыли дверь своим ключом и все осмотрели: вещи на месте. Сообщение, полученное главным редактором, подтверждает, что поводов для беспокойства нет никаких. Стефани ни перед кем не обязана отчитываться. Ее жизнь нас не касается. Мы свою работу сделали, как положено. Так что, ради бога, перестаньте компостировать мне мозги.

– Родители очень волнуются, – настаивал я. – С вашего позволения, мне бы хотелось самому убедиться, что все в порядке.

– Если вам нечем заняться, капитан, то обо мне не беспокойтесь. Вам всего лишь надо дождаться, когда вернется с дежурства мой помощник, Джаспер Монтейн. Он как раз этим всем занимался.

Старший сержант Джаспер Монтейн наконец явился. Моим глазам предстал здоровенный шкаф с выпирающими мышцами; вид у него был устрашающий. Шкаф рассказал, что вместе с родителями Стефани Мейлер ходил к ней домой. Они заходили в квартиру, ее там не было. Ничего подозрительного не замечено. Никаких следов борьбы, ничего необычного. Затем Монтейн объехал близлежащие улицы, искал машину Стефани, но тоже не нашел. Его служебное рвение простерлось даже до обзвона больниц и соседних отделений полиции – ничего. Стефани Мейлер попросту в отъезде.

Я хотел взглянуть на жилище Стефани, и он вызвался меня проводить. Она жила на Бендам-роуд, маленькой тихой улочке неподалеку от Мейн-стрит, в узком трехэтажном здании. Первый этаж занимала скобяная лавка, единственную квартиру на втором снимал какой-то жилец, а Стефани обитала на третьем.

Я долго звонил в дверь. Стучал кулаком, кричал, но все впустую: в квартире явно никого не было.

– Как видите, ее нет дома, – сказал Монтейн.

Я подергал дверную ручку; дверь была заперта на ключ.

– Мы можем войти? – спросил я.

– А ключ у вас есть?

– Нет.

– И у меня нет. В прошлый раз дверь открывали родители.

– Значит, зайти нельзя?

– Нельзя. Не хватало еще высаживать людям двери по любому поводу! Если вам так не терпится, можете сходить в местную газету и поговорить с главным редактором, он вам покажет сообщение, которое получил от Стефани в понедельник вечером.

– А сосед снизу? – спросил я.

– Брэд Мелшоу? Я его вчера спрашивал, он ничего особенного не видел и не слышал. К нему ломиться бесполезно: он повар в кафе “Афина”, модном ресторане в конце Мейн-стрит, и сейчас на работе.

Но я не успокоился: спустился этажом ниже и позвонил в дверь этого Брэда Мелшоу. Никого.

– Я же вам говорил. – Монтейн со вздохом стал спускаться по лестнице, а я еще на минуту задержался на площадке, надеясь, что мне откроют.

Когда я тоже стал спускаться, Монтейн уже был на улице. Оказавшись в холле, я, пока он не видит, заглянул в почтовый ящик Стефани. Через щель я заметил, что внутри лежит письмо; мне удалось его подцепить кончиками пальцев. Я сложил письмо вдвое и незаметно сунул в задний карман брюк.

После нашего визита к Стефани Монтейн отвез меня в редакцию “Орфеа кроникл”, переговорить с главным редактором газеты Майклом Бердом.

Редакция находилась в двух шагах от Мейн-стрит, в красном кирпичном здании. Снаружи оно выглядело вполне прилично, зато внутри оказалось обшарпанным.

Главный редактор Майкл Берд принял нас в своем кабинете. В 1994 году он уже жил в Орфеа, но я не помнил, чтобы мы с ним пересекались. Берд объяснил, что по стечению обстоятельств встал у руля “Орфеа кроникл” через три дня после убийства, а потому по большей части сидел, зарывшись в бумаги, и не появлялся в городе.

– Давно у вас работает Стефани Мейлер? – спросил я.

– Примерно девять месяцев. Я ее взял на службу в прошлом сентябре.

– Она хорошая журналистка?

– Очень. Благодаря ей газета вышла на новый уровень. Для нас это важно, ведь постоянно иметь качественный контент очень нелегко. Видите ли, в финансовом плане дела у газеты идут плохо: мы еще живы только потому, что мэрия бесплатно предоставила нам помещение. Люди сегодня прессу не читают, рекламодатели в нас не заинтересованы. Прежде мы были серьезной районной газетой, нас читали и уважали. А теперь с чего вы вдруг станете читать “Орфеа кроникл”, если можете читать в сети “Нью-Йорк таймс”? Не говоря уж о тех, кто больше вообще ничего не читает и черпает информацию из фейсбука.

– Когда вы видели Стефани последний раз? – спросил я.

– В понедельник утром. На еженедельной летучке.

– Вы не заметили ничего особенного в ее поведении? Что-нибудь необычное?

– Нет, ничего такого. Я знаю, что родители Стефани волнуются, но я и им, и Монтейну, помощнику шефа полиции Орфеа, уже вчера объяснил, что поздно вечером в понедельник Стефани прислала мне эсэмэску, написала, что ей надо отлучиться.

Он вынул из кармана мобильник и показал мне сообщение. Получено в полночь с понедельника на вторник:

Мне надо на время уехать из Орфеа. Это важно. Я тебе все объясню.

– И с тех пор вы не получали от нее никаких известий? – спросил я.

– Нет. Но, честно говоря, меня это не тревожит. Стефани – очень независимая журналистка. Над статьями она работает в собственном ритме. Я не особо вмешиваюсь в то, что она делает.

– О чем она сейчас пишет?

– О театральном фестивале. У нас в Орфеа каждый год в конце июля проходит важный театральный фестиваль...

– Да, я в курсе.

– Так вот, Стефани решила показать фестиваль изнутри и готовит цикл статей на эту тему. Сейчас берет интервью у волонтеров, на которых держится фестиваль.

– И она имеет обыкновение вот так “исчезать”? – поинтересовался я.

– Я бы сказал, “отлучаться”, – уточнил Майкл Берд. – Да, она регулярно бывает в отъезде. Работа журналиста, знаете ли, требует часто отрываться от письменного стола.

– Стефани говорила вам о том, что ведет масштабное расследование? – спросил я напоследок. – По ее словам, она в понедельник вечером должна была с кем-то встречаться по этому поводу...

Я намеренно говорил уклончиво, не вдаваясь в детали. Но Майкл Берд покачал головой:

– Нет, мне она ничего не говорила.

По выходе из редакции Монтейн предложил мне покинуть город: он не видел поводов для беспокойства.

– Шеф хочет знать, уезжаете вы сейчас или нет.

– Да, – ответил я, – по-моему, я уже все осмотрел.

В машине я вскрыл конверт, который обнаружил в почтовом ящике Стефани. Это была выписка с кредитной карты, и я внимательно ее изучил.

Помимо бытовых трат (бензин, покупки в супермаркете и в книжном магазине Орфеа, снятие наличных), мне бросилась в глаза регулярная уплата дорожной пошлины на въезде в Манхэттен. Стефани в последнее время часто ездила в Нью-Йорк. А главное, покупала билет на самолет до Лос-Анджелеса: короткий перелет туда-обратно, с 10 по 13 июня. Несколько платежей на месте, в частности оплата гостиницы, – значит, поездка состоялась. Может, у нее дружок в Калифорнии. Так или иначе, эта женщина на месте не сидела. Неудивительно, что она в отъезде. Я прекрасно понимал местную полицию: ничто не говорило о том, что она пропала. Стефани – совершеннолетняя и вольна делать все, что хочет, она никому не обязана давать отчет. Зацепиться было не за что, и я, в свою очередь, уже готов был отказаться от этого дела, но вдруг меня поразила одна деталь. Что-то не сходилось. Редакция “Орфеа кроникл”. Тамошняя обстановка совершенно не вязалась с моим представлением о Стефани. Конечно, я ее совсем не знал, но три дня назад она заговорила со мной так самоуверенно, что мне легче было бы представить себе ее в “Нью-Йорк таймс”, чем в местной газетенке курортного городка в Хэмптонах. Именно эта мелочь заставила меня покопаться еще немного в этом деле и нанести визит родителям Стефани. Жили они в Саг-Харборе, в двадцати минутах пути.

Было семь часов вечера.

* * *

В это время в Орфеа, на Мейн-стрит, Анна Каннер остановила машину перед кафе “Афина”. Она собиралась поужинать с Лорен, своей подругой детства, и ее мужем Полом.

С тех пор как Анна перебралась из Нью-Йорка в Орфеа, она встречалась с Лорен и Полом чаще, чем с прочими своими друзьями. У родителей Пола был загородный дом в полутора десятках миль отсюда, в Саутхэмптоне, и они регулярно приезжали туда на

выходные. Из Нью-Йорка они выбирались в четверг, чтобы не стоять в пробках.

Собираясь выйти из машины, Анна заметила Лорен и Пола: те уже сидели за столиком на террасе ресторана, причем с ними был какой-то мужчина. Анна сразу догадалась, что происходит, и позвонила Лорен.

– Ты опять сводничаешь, да, Лорен? – с ходу спросила она, как только та сняла трубку.

После минутного замешательства та ответила:

– Может, и да. А ты откуда знаешь?

– Чувствую, – соврала Анна. – Лорен, ну зачем ты со мной так?

Анна очень любила подругу, но та все время лезла в ее личную жизнь и норовила пристроить ее первому встречному.

– Этот тебе придется по вкусу, – заверила Лорен, отходя от столика, чтобы сидевший с ними мужчина не слышал разговора. – Положись на меня, Анна.

– Знаешь, Лорен, на самом деле мне сегодня вечером не удобно. Я еще на службе, надо кучу всяких бумажек доделать.

Анна с усмешкой смотрела, как Лорен забежала по террасе.

– Анна, попробуй только меня кинуть, я тебе запрещаю! Тебе тридцать три года, тебе нужен мужик! Ты когда последний раз трахалась, а?

К этому доводу Лорен прибегала только в крайнем случае. Но у Анны решительно не было настроения маяться на подставном свидании.

– Мне очень жаль, Лорен. К тому же я на дежурстве...

– Ой, только не начинай про свои дежурства! В этом городе сроду ничего не случилось. Имеешь ты право тоже развлечься раз в жизни?

В этот момент загудела какая-то машина, и Лорен услышала гудок и с улицы, и по телефону.

– Ах вот как! Спалилась, старушка! – закричала она, выскакивая на тротуар. – Ты где?

Анна не успела удрать.

– Я тебя вижу! – воскликнула Лорен. – Думаешь, сейчас смоешься и меня подставишь? Ты хоть понимаешь, что каждый вечер сидишь одна, как бабка какая? Слушай, правда, я не знаю, по-моему, ты зря себя тут похоронила...

– Ох, Лорен, помилуй! Ты прямо как мой папа!

– Если так будет продолжаться, ты так и состаришься в одиночестве, Анна!

Анна расхохоталась и вышла из машины. Если бы ей давали монетку всякий раз, как она слышала эти слова, она бы купалась в деньгах. Тем не менее приходилось признать, что Лорен не так уж неправa: она недавно развелась, детей у нее нет, живет в Орфеа одна.

Лорен считала, что постоянные любовные неудачи Анны объясняются двумя причинами: во-первых, той не хватает решимости и доброй воли, а во-вторых, ее профессия “отпугивает мужчин”. “Никогда не говори им заранее, кем работаешь, – всякий раз твердила подруге Лорен, устраивая ей очередное свидание. – По-моему, они стремятся”.

Анна поднялась на террасу. Нынешнего кандидата звали Джош. И выглядел он мерзко, как все чересчур самоуверенные мужчины. Здороваясь с Анной, откровенно пялился на нее и устало отдувался. Ей сразу стало ясно, что нынче вечером встреча с прекрасным принцем не состоится.

* * *

– Мы очень волнуемся, капитан Розенберг, – сказали хором Труди и Деннис Мейлер, родители Стефани. Мы сидели в гостиной, в их прелестном домике в Саг-Харборе.

– Я звонила Стефани в понедельник утром, – рассказывала Труди Мейлер. – Она сказала, что у нее совещание в редакции и она перезвонит. Но так и не перезвонила.

– Стефани всегда перезванивает, – добавил Деннис Мейлер.

Я сразу понял, почему родители Стефани так раздражают полицию. У них любая мелочь превращалась в драму. Даже то, что я отказался от кофе.

– Вы не любите кофе? – расстроилась Трудит Мейлер.

– Может, хотите чаю? – спросил Деннис Мейлер.

Завладев наконец их вниманием, я задал несколько предварительных вопросов. У Стефани были какие-то проблемы? Нет, в этом они не сомневались. Она баловалась наркотиками? Ни в коем случае. Есть у нее жених? Или дружок? Насколько им известно, нет. Были ли у нее причины удариться в бега? Никаких.

Мейлеры-старшие заверяли меня, что дочь никогда и ничего от них не скрывает. Но я быстро выяснил, что дело обстоит несколько иначе.

– Зачем Стефани летала в Лос-Анджелес две недели назад? – спросил я.

– В Лос-Анджелес? – удивилась мать. – Что вы такое говорите?

– Две недели назад Стефани на три дня летала в Калифорнию.

– Мы об этом ничего не знаем, – огорчился отец. – Она уезжала в Лос-Анджелес и не предупредила нас? Не похоже на нее. Может, это связано с газетой? Она никогда особо не распространяется о том, над какими статьями работает.

Мне плохо верилось, что “Орфеа кроникл” может себе позволить отправлять репортеров на другой конец страны. И как раз ее работа в газете вызывала у меня изрядное количество вопросов.

– Когда и как Стефани приехала в Орфеа? – спросил я.

– Последние годы она жила в Нью-Йорке, – объяснила Трудит Мейлер. – Изучала литературу в университете Нотр-Дам. Она с детства хотела стать писателем. И несколько ее рассказов уже напечатаны, причем два – в “Нью-Йоркере”. После университета она работала в редакции журнала “Нью-Йорк литерари ревью”, но в сентябре ее уволили.

– По какой причине?

– Кажется, финансовые трудности. Все случилось очень быстро: она нашла место в “Орфеа кроникл” и решила вернуться в наши края. Похоже, она была рада уехать из Манхэттена куда подальше, вернуться в более спокойную обстановку.

Мы помолчали, потом отец Стефани нерешительно сказал:

– Капитан, поверьте, мы не из тех, кто беспокоит полицию из-за пустяков. Мы с женой никогда бы не стали бить тревогу, если бы не были уверены, что случилось что-то необычное. Полиция Орфеа дала нам понять, что никаких зацепок у них нет. Но Стефани, даже когда ездила на день в Нью-Йорк, всегда присылала нам сообщение или звонила, когда возвращалась, просто сказать, что все в порядке. Почему она послала эсэмэску главному редактору, а не родителям? Если она не хотела, чтобы мы волновались, она бы нам тоже написала.

– Кстати, о Нью-Йорке, – подхватил я. – Зачем Стефани так часто ездит в Манхэттен?

– Не сказал бы, что часто, – уточнил отец, – я просто для примера сказал.

– Нет, очень часто, – ответил я. – Причем нередко в одни и те же дни недели и часы. Как будто с кем-то регулярно встречается. Что ей там делать?

И снова Мейлеры-старшие явно были не в курсе. Труды Мейлер, чувствуя, что не до конца убедила меня в серьезности ситуации, спросила:

– Вы были у нее дома, капитан?

– Нет, я хотел попасть в квартиру, но дверь заперта, а ключа у меня нет.

– Хотите, заглянем туда сейчас? Вдруг вы увидите что-то такое, чего мы не заметили.

Я согласился по одной-единственной причине: мне хотелось закрыть это дело. Посмотрю на жилище Стефани и окончательно удостоверюсь, что полиция Орфеа права: нет никаких поводов тревожиться и считать, что человек пропал. Стефани вольна ездить в

Нью-Йорк и в Лос-Анджелес сколько угодно. А что касается работы в “Орфеа кроникл”, то наверняка она после увольнения за неимением лучшего просто ухватилась за первый подвернувшийся вариант.

К дому Стефани на Бендам-роуд мы подъехали ровно в восемь вечера. Поднялись все втроем на третий этаж. Труды Мейлер дала мне ключ открыть дверь, но я не смог повернуть его в скважине. Ключ застрял. Дверь была не заперта. Я почувствовал мощный прилив адреналина: внутри кто-то был. Стефани?

Я легонько нажал на ручку, дверь приоткрылась. Знаком велел родителям не шуметь, я слегка толкнул ее. Она беззвучно отворилась, и мне сразу бросился в глаза беспорядок в гостиной: кто-то явно рылся в вещах.

– Спускайтесь вниз, – шепнул я родителям. – Идите к машине и ждите меня там.

Деннис Мейлер кивнул и потащил жену по лестнице. Я достал револьвер и шагнул через порог. В доме все было перевернуто вверх дном. Сперва я осмотрел гостиную: этажерки валяются на полу, диванные подушки вспороты. Внимание мое отвлекли рассыпанные по полу предметы, и я не заметил угрожающей фигуры, которая бесшумно подкрадывалась ко мне сзади. Не успел я повернуться, чтобы обойти другие комнаты, как передо мной выросла какая-то тень и распылила мне в лицо баллончик со слезоточивым газом. Глаза ожгло огнем, дыхание перехватило. Ничего не видя, я согнулся пополам – и получил удар по голове.

Дальше – чернота.

* * *

Кафе “Афина”, 20.05.

Говорят, Амур всегда является без предупреждения, но в этот раз, навязав Анне дружеский ужин, Амур явно предпочел остаться дома.

Джош уже битый час без остановки молот языком. Монолог его был посвящен отваге. Анна давно перестала слушать и смеха ради считала слова “я” и “меня”: они выпрыгивали у него изо рта, словно тараканчики, и с каждым разом становились все противнее. Лорен, не зная, куда девать глаза, допивала пятый бокал белого вина, а Анна довольствовалась безалкогольным коктейлем.

В конце концов Джош, видимо, утомился от собственных речей, схватил стакан с водой и залпом выпил, для чего ему пришлось умолкнуть. После благословенного мига тишины он, повернувшись к Анне, чопорно спросил:

– А ты, Анна, кем работаешь? Лорен мне так и не сказала.

Ровно в эту секунду у Анны зазвонил телефон. Увидев номер на дисплее, она сразу поняла, что дело срочное.

– Простите, я должна ответить на звонок.

Она встала из-за стола, отошла на несколько шагов, но почти сразу вернулась и сообщила, что, к несчастью, ей надо бежать.

– Уже? – На лице Джоша читалось разочарование. – Но мы даже не успели познакомиться...

– Я все про тебя знаю, это было... впечатляюще.

Она чмокнула Лорен и ее мужа, сделала Джошу ручкой, явно имея в виду “до невестречи!”, и быстро вышла с террасы. Бедняге Джошу она, похоже, приглянулась – он выбежал за ней на тротуар.

– Тебя, может, подбросить? – спросил он. – У меня...

– “Мерседес” купе, – перебила она. – Знаю, ты мне это успел сообщить дважды. Очень мило с твоей стороны, но вот моя машина.

Она открыла багажник. Джош по-прежнему торчал за спиной.

– Я попрошу у Лорен твой телефон, я сюда часто забегаю, можем выпить кофе.

– Отлично, – ответила Анна, только чтобы он наконец отстал, и открыла огромную матерчатую сумку, занимавшую весь багажник.

Но Джош не унимался:

– Вообще-то ты так и не сказала, кем работаешь.

Не успел он договорить, как Анна вытащила из сумки бронежилет и натянула на себя. Поправляя застёжки на поясе, она взглянула на Джоша: глаза у него вылезли на лоб, он как замороженный таращился на светоотражающую нашивку с надписью прописными буквами: полиция.

– Я помощник шефа полиции Орфеа, – сказала она, доставая кобуру с револьвером и пристегивая ее на пояс.

Остолбневший Джош глядел на нее, разинув рот. Она села в немаркированную машину и рванула с места, расцветив спускавшиеся сумерки синими и красными проблесками маячков, потом включила сирену и умчалась. Прохожие провожали ее взглядами.

По словам диспетчера, в одном из домов неподалеку произошло нападение на сотрудника полиции штата. На место были вызваны все свободные патрули и дежурный офицер.

Анна на полной скорости неслась по Мейн-стрит; люди на переходах отпрыгивали назад на тротуар, машины по обе стороны прижимались к бордюру при ее приближении. Она мчалась по средней полосе, выжимая до упора педаль акселератора. Сказывался опыт экстренных вызовов в Нью-Йорке в час пик.

Когда она подъехала к дому, полицейский патруль был уже на месте. В подъезде она столкнулась с коллегой, спускавшимся по лестнице, и тот крикнул:

– Подозреваемый удрал через черный ход!

Анна бросилась через весь первый этаж к пожарному выходу. За ним открывалась пустынная улочка. Вокруг стояла странная тишина. Она прислушалась и, не услышав ни звука, побежала дальше, к маленькому пустынному парку. Здесь тоже все было тихо.

Ей почудился какой-то звук в зарослях, она выхватила револьвер из кобуры и бросилась в парк. Никого. Вдруг вдали как будто мелькнула бегущая тень. Она пустилась было следом, но быстро потеряла ее из виду и остановилась, запыхавшаяся, растерянная. В висках стучала кровь. За живой изгородью послышался какой-то

шорох; она медленно, с колотящимся сердцем, подошла поближе. В кустах явно кто-то крался. Улучив момент, она с криком “стой!” прыгнула вперед и наставила на подозреваемого револьвер. Перед ней стоял Монтейн, тоже с поднятым револьвером.

– Блин, Анна, ты охренела? – заорал он.

Она со вздохом убрала револьвер и согнулась пополам, переводя дыхание.

– Ты что тут делаешь, Монтейн?

– Это я у тебя хотел спросить! Ты сегодня вечером не на службе!

Монтейн, помощник шефа полиции, фактически был ее начальником. Сама она была всего лишь вторым замом.

– Я на дежурстве, – объяснила Анна. – Меня вызвал диспетчер.

– Черт, я же его чуть не сцапал! – злился Монтейн.

– Сцапал? Я раньше тебя приехала. У здания была только патрульная машина.

– Я по той улице, что сзади. А ты должна была сообщить свои координаты по радио. Напарники поступают так. Обмениваются информацией, а не строят из себя супергероев.

– Я была одна, и без радио.

– У тебя что, радио в машине нет? Ты задолбала, Анна! Ты тут с первого дня всех задолбала!

Он сплюнул и двинулся к дому. Анна пошла за ним. Вся Бендам-роуд была теперь запружена полицейскими машинами.

– Анна! Монтейн! – издали окликнул их Рон Гулливер.

– Шеф, мы его упустили! – пробурчал Монтейн. – Я его чуть не словил, да тут Анна бардак устроила, как всегда.

– Да иди ты в пень, Монтейн! – крикнула она.

– Сама иди! – взорвался Монтейн. – Катись домой, это мое дело!

– Нет, мое! Я раньше тебя приехала.

– Будь добра, отстань от нас от всех и вали отсюда! – зарычал Монтейн.

Анна обернулась к Гулливеру, призывая его в свидетели:

– Шеф... может, вы вмешаетесь?

Гулливер терпеть не мог конфликты.

– Ты не на службе, Анна, – умиротворяюще произнес он.

– Я на дежурстве!

– Оставь это дело Монтейну, – отрезал Гулливер.

Монтейн торжествующе осклабился и направился к дому, оставив Анну наедине с Гулливером.

– Это несправедливо, шеф! – вспыхнула она. – Почему вы позволяете Монтейну так со мной разговаривать?

Но Гулливер не желал ничего слушать.

– Ради бога, Анна, давай обойдемся без сцен! – добродушно попросил он. – На нас все смотрят. Это сейчас совершенно лишнее. – Он с любопытством взглянул на нее. – Ты со свидания, что ли?

– С чего вы взяли?

– Губы накрасила.

– Я часто крашу губы.

– Нет, тут другой случай. Вид у тебя такой, как будто ты со свидания. Может, тебе лучше вернуться? Увидимся завтра на службе.

Гулливер в свою очередь двинулся к дому. Она осталась одна. Вдруг кто-то ее окликнул. Она оглянулась. К ней подошел Майкл Берд, главный редактор “Орфеа кроникл”:

– Анна, что случилось?

– Без комментариев, я не при делах, – отрезала она.

– Скоро будешь при делах, – улыбнулся он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ха, когда возглавишь городскую полицию! Вы из-за этого ругались с Монтейном?

– Не понимаю, о чем ты, Майкл.

– Да неужели? – наигранно удивился тот. – Все знают, что следующим шефом полиции будешь ты.

Она молча пошла к своей машине. Сняла бронежилет, бросила его на заднее сиденье и тронулась с места. Можно было вернуться в кафе “Афина”, но у нее пропало всякое желание. Дома она

устроилась под навесом на крыльце, с бокалом вина и сигаретой.
Вечер выдался теплый.

Анна Каннер

В Орфеа я приехала в субботу, 14 сентября 2013 года.

Дорога от Нью-Йорка заняла от силы часа два, но мне показалось, что я обогнула весь земной шар. Вместо небоскребов Манхэттена я оказалась в мирном городке, залитом вечерним солнцем. Я поехала по Мейн-стрит, потом свернула в свой новый квартал, к арендованному дому. Ехала медленно, разглядывала прохожих, детишек, толпившихся около фургона торговца мороженым, добропорядочных соседей, возившихся на клумбах и грядках. Вокруг царил абсолютный покой.

Вот наконец и мой дом. Передо мной открывалась новая жизнь. От прежней осталась только мебель, которую доставили из Нью-Йорка. Я достала ключ, открыла входную дверь, вошла в темный холл и включила свет. К моему изумлению, весь пол оказался заставлен коробками. Я обежала весь первый этаж: мебель не распакована, наверх ничего не поднято, ящики с моими вещами свалены в комнатах.

Я немедленно позвонила в транспортную компанию, с которой заключила договор. Но дама на другом конце провода нелюбезно ответила: “Вы ошибаетесь, миссис Каннер. Ваши бумаги лежат передо мной. Вы, по-видимому, не там поставили галочку. У вас заказана доставка, но не распаковка”. В трубке раздались короткие гудки. Я снова вышла из дома, чтобы не видеть весь этот хаос, и в досаде уселась на ступеньки крыльца. Вдруг передо мной выросла какая-то фигура, в каждой руке у нее была бутылка пива. Фигура оказалась моим соседом Коди Иллинойсом. До этого мы с ним виделись дважды: когда я смотрела дом и когда приезжала подготовить переезд, подписав договор об аренде.

- Хотел сказать вам “добро пожаловать”, Анна.
- Вы очень любезны, – хмуро сказала я.
- А вы, похоже, не в настроении, – отозвался он.

Я пожала плечами. Он протянул мне бутылку пива и сел рядом. Я рассказала про свои злоключения с переездом, он вызвался помочь распаковать вещи, и через несколько минут мы уже подняли кровать в комнату, предназначенную для спальни. Я спросила:

– Что мне делать, чтобы меня здесь приняли?

– Не берите в голову, Анна. Люди вас оценят. Вообще-то можете летом устроиться волонтером на театральный фестиваль. Работа на таком мероприятии очень сплачивает.

Коди был первым человеком, с которым я подружилась в Орфеа. Он держал чудный книжный магазин на Мейн-стрит, вскоре ставший для меня вторым домом.

В тот вечер, когда я после ухода Коди распаковывала коробки с одеждой, мне позвонил бывший муж.

– Анна, что за шутки? – услышала я, не успев снять трубку. – Уехала из Нью-Йорка и даже не попрощалась!

– Мы с тобой давно попрощались, Марк.

– И тебе меня не жалко?

– Зачем ты звонишь?

– Захотелось с тобой поговорить, Анна.

– А мне не хочется с тобой говорить, Марк. Мы разошлись. Окончательно. Точка.

Он пропустил мою фразу мимо ушей.

– Я сегодня ужинал с твоим отцом. Это было потрясающе.

– Слушай, оставь в покое моего отца.

– Я что, виноват, что он меня обожает?

– Зачем ты мне все это говоришь, Марк? В отместку?

– Ты не в духе, Анна?

– Да, – вспылила я, – не в духе! У меня вся мебель разобрана на составные части, я не знаю, как ее собрать, и мне, конечно, нечем заняться, кроме как выслушивать твои стенания!

Я сразу пожалела о своих словах. Конечно же он за них уцепился и собрался мчаться на помощь:

– Тебе помочь? Я уже в машине, выезжаю!

– Нет, только не это!

– Через два часа буду. Будем всю ночь собирать мебель, строить мир заново... Как в старое доброе время.

– Марк, я запрещаю тебе приезжать.

Я нажала на отбой и выключила телефон, чтобы он оставил меня в покое. Но наутро меня ожидал неприятный сюрприз: на крыльце стоял Марк.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила я, открыв дверь.

– Какой сердечный прием! – расплылся он в улыбке. – Приехал тебе помочь.

– Кто тебе дал мой адрес?

– Твоя мама.

– О нет, я ее убью!

– Анна, она мечтает, чтобы мы снова были вместе. Она хочет внуков!

– Прощай, Марк.

Я хотела захлопнуть дверь у него перед носом, но он придержал ее.

– Подожди, Анна, дай я хотя бы тебе помогу.

Одной мне было не справиться, и я согласилась. К тому же он ведь все равно уже приехал. Мне были исполнены все трюки идеального мужчины: Марк расставил мебель, развесил по стенам картины и повесил люстру.

– Ты тут будешь жить одна? – спросил он под конец, сверля очередную дырку.

– Да, Марк. Тут я начну новую жизнь.

* * *

В следующий понедельник я первый раз пришла на работу в полицию Орфеа. В восемь утра я стояла у окошка приемной, в штатском.

– Что у вас? Жалоба? – спросил полицейский, не поднимая глаз от газеты.

– Нет, – ответила я. – Я ваша новая коллега.

Он уставился на меня и, дружески улыбнувшись, крикнул куда-то назад: “Парни, она здесь!” В следующий момент передо мной вырос целый полицейский отряд, разглядывавший меня, словно диковинную зверушку. Шеф Гулливер вышел вперед и сердечно протянул мне руку: “Добро пожаловать, Анна!”

Приняли меня тепло. Я поздоровалась по очереди со всеми новыми коллегами, мы перекинулись парой слов, мне принесли кофе, засыпали вопросами. Кто-то весело крикнул: “Чуваки, я скоро поверю в Санта-Клауса: старый заскорузлый коп уходит в отставку, а на его место садится роскошная девица!” Они дружно расхохотались. К несчастью, благодушная атмосфера царила недолго.

Джесси Розенберг

Пятница, 27 июня 2014 года

29 дней до открытия фестиваля

На рассвете я выехал в Орфеа.

Мне обязательно надо было выяснить, что произошло накануне в квартире Стефани. Гулливер считал, что это просто ограбление. Я в это не верил ни секунды. Криминалисты из полиции штата работали в квартире до поздней ночи, искали отпечатки, но ничего не нашли. Со своей стороны, я склонялся к мысли, что нападавший был мужчиной – судя по силе удара.

Нужно было найти Стефани. Я чувствовал, что время поджимает. Выехав на 17-е шоссе, я перед въездом в город, на последнем прямом отрезке, прибавил скорость, но не включил ни маячок, ни сирену.

Только миновав дорожный щит, обозначающий границу Орфеа, я заметил спрятавшийся за ним немаркированный полицейский автомобиль, который немедленно пустился за мной в погоню. Я затормозил у обочины и увидел в зеркало заднего вида, как из машины выходит красивая женщина в форме и направляется ко мне. Так я познакомился с первым человеком, согласившимся помочь мне распутать это дело, – с Анной Каннер.

Когда она подошла к открытому окну моей машины, я с улыбкой показал ей свой полицейский жетон.

– Капитан Джесси Розенберг, – прочитала она. – Срочный вызов?

– По-моему, я вас вчера вечером видел мельком на Бендам-роуд. Я тот самый коп, на которого напали.

– Помощник шефа полиции Анна Каннер, – представилась женщина. – Как ваша голова, капитан?

– С головой все отлично, спасибо. Но, признаться, мне не дает покоя то, что произошло в этой квартире. Гулливер считает, что это ограбление, а мне не верится. И я все думаю, не вляпался ли в какое-то очень странное дело.

– Гулливер – безмозглый осел, – сказала Анна. – Расскажите лучше про это свое дело, мне интересно.

Я понял, что Анна может быть для меня ценной союзницей в Орфеа. Впоследствии выяснилось, что она еще и незаурядный коп. Я предложил:

– Анна, можно обращаться к тебе по имени? Давай выпьем кофе, я тебе все расскажу.

Через несколько минут мы уже сидели в маленьком спокойном придорожном кафе-магазине, и я объяснял Анне, с чего все началось: как Стефани Мейлер подошла ко мне в начале недели и рассказала про свое расследование убийства четырех человек в Орфеа в 1994 году.

– Что это за убийства 1994 года? – спросила Анна.

– Убили мэра Орфеа и всю его семью, – пояснил я. – И еще случайную женщину на улице, она вышла на пробежку. Самая настоящая бойня. Случилось это вечером, в день, когда в Орфеа открылся первый театральный фестиваль. А главное, это было мое первое крупное дело. Мы с напарником, Дерекотом Скоттом, тогда его раскрыли. Но в понедельник Стефани специально приходила мне сказать, что мы, по ее мнению, ошиблись: расследование не завершено, а настоящего преступника мы не нашли. С тех пор она пропала, а вчера кто-то проник в ее квартиру.

Анну мой рассказ явно заинтриговал. Выпив кофе, мы вдвоем отправились домой к Стефани. Квартира была заперта и опечатана, но родители дали мне свой ключ.

Внутри все было перевернуто вверх дном, вещи в полном беспорядке. В нашем распоряжении был один-единственный непреложный факт: дверь в квартиру не взломали.

– Мейлеры-старшие говорят, что второй ключ был только у них, – сказал я. – А значит, у того, кто сюда проник, был ключ Стефани.

Я уже рассказал Анне, что Стефани прислала сообщение Майклу Берду, главному редактору “Орфеа кроникл”, поэтому она сразу предположила:

– Если у кого-то есть ключ Стефани, значит, у него может быть и ее мобильник.

– Ты хочешь сказать, что эсэсмэску послала не она? Тогда кто?

– Кто-то, кто хотел выиграть время.

Я вытащил из заднего кармана конверт, который достал накануне из почтового ящика, и протянул Анне:

– Это выписка с кредитной карты Стефани. В начале месяца она ездила в Лос-Анджелес, и нам еще надо выяснить зачем. По моим сведениям, с тех пор она никуда не летала. Стало быть, если она уехала добровольно, то только на машине. Я объявил в розыск ее номера; если она где-то в пути, дорожная полиция быстро ее найдет.

– Ты времени даром не терял, – уважительно сказала Анна.

– Время терять нельзя, – ответил я. – Еще я запросил детализацию ее звонков и выписку с кредитки за последние месяцы. Надеюсь, сегодня к вечеру получу.

Анна быстро пробежала глазами выписку.

– Последний раз она использовала кредитную карту в понедельник вечером, в 21.55, в “Кодиаке”. Это ресторан на Мейн-стрит. Поехали туда. Может быть, кто-то что-то видел.

“Кодиак Гриль” находился в конце Мейн-стрит. Управляющий, справившись с графиком работы на неделю, указал нам, кто из персонала был на месте в понедельник вечером. Одна из опрошенных официанток узнала Стефани по фото, которое мы ей показали.

– Да, помню ее. Была здесь в начале недели. Красивая девушка, и одна.

– Вы заметили что-то особенное? Ведь к вам каждый день ходит множество посетителей, а вы запомнили именно ее.

– Она не первый раз приходила. Всегда просила один и тот же столик. Говорила, что ждет кого-то, но никто не приходил.

– А что было в понедельник?

– Она пришла около шести вечера, в начале моей смены. Сидела и ждала. Потом заказала салат “Цезарь” и колу и в конце концов ушла.

– Точно, около десяти.

– Возможно. Время я не помню, но она долго сидела. Расплатилась и ушла. Вот все, что я помню.

Выйдя из “Кодиака”, мы заметили, что в соседнем здании расположен банк с банкоматом на улице.

– Там обязательно должны быть камеры слежения, – сказала Анна. – Возможно, Стефани в понедельник на них попала.

Спустя пару минут мы сидели в тесном кабинете банковского охранника, и тот показывал нам, куда направлены разные камеры в здании. Одна смотрела на тротуар, на ней была видна терраса

“Кодиака”. Охранник прокрутил нам понедельничные записи, начиная с 18.00. Я вглядывался в прохожих на экране и вдруг увидел ее.

– Стоп! – закричал я. – Это она, это Стефани.

Охранник остановил картинку.

– Теперь медленно отмотайте назад, – попросил я.

Стефани на экране пошла задом наперед. Сигарета у нее во рту стала целой, потом она поднесла к ней золотистую зажигалку, взяла двумя пальцами и убрала в пачку, а пачку положила в сумку. Отошла еще назад, свернула с тротуара к синей компактной машинке и уселась в нее.

– Это ее машина, – сказал я. – Двухдверная синяя “мазда”. Я видел, как она в нее садилась на парковке окружного отделения полиции штата.

Я попросил охранника прокрутить запись вперед, и мы увидели, как Стефани выходит из машины, зажигает сигарету, выкуривает ее на ходу и направляется к “Кодиаку”.

Затем мы промотали запись до 21.55, когда Стефани расплатилась за ужин кредитной картой. Через две минуты она показалась на экране снова. Взвинченной походкой подошла к машине. Прежде чем сесть в нее, достала из сумки телефон. Кто-то ей звонил. Она поднесла телефон к уху, звонок был очень короткий. Сама она явно не говорила, только слушала. Нажав на отбой, она села в кабину и с минуту сидела неподвижно. Ее было отчетливо видно через ветровое стекло. Потом она поискала в телефоне номер, позвонила, но тут же нажала на отбой. Как будто звонок не проходил. Подождала пять минут за рулем. Явно нервничала. Потом позвонила снова – на этот раз с кем-то поговорила. Звонок длился секунд двадцать. Наконец машина тронулась, двинулась на север и скрылась из виду.

– Похоже, это последнее изображение Стефани Мейлер, – пробормотал я.

После полудня мы долго опрашивали подруг Стефани. Большинство жили в Саг-Харборе, где она родилась.

Никто из них с понедельника не имел от Стефани никаких вестей, все тревожились. Тем более что Мейлеры-старшие тоже их всех обзвонили и добавили беспокойства. Все пытались с ней связаться – и по телефону, и по электронной почте, и через социальные сети, стучались к ней в дверь. Безуспешно.

Из разговоров выходило, что Стефани была женщиной порядочной во всех отношениях. Не кололась, пила немного, прекрасно со всеми ладилась. Друзья знали про ее личную жизнь больше, чем родители. Одна из подруг сказала, что недавно познакомилась с ее парнем:

– Да, был один тип, некий Шон, она с ним однажды на вечеринку приходила. Это было очень странно.

– Что именно странно?

– Химия между ними. Что-то не ладилось.

Другая подруга утверждала, что Стефани вся в работе:

– В последнее время мы со Стефани почти не виделись. Она говорила, что у нее куча работы.

– А над чем она работала?

– Понятия не имею.

Третья рассказала о ее поездке в Лос-Анджелес:

– Да, две недели назад она летала в Лос-Анджелес, но просила никому об этом не говорить.

– Зачем она туда ездила?

– Не знаю.

Последним из друзей, кто с ней разговаривал, был Тимоти Волт. Они встречались со Стефани накануне, в воскресенье вечером.

– Она ко мне заходила, – сказал он. – Я был один, мы немножко выпили.

– Она не показалась вам нервной, озабоченной? – спросил я.

– Нет.

– Что за человек Стефани?

– Она гениальная девушка, блестящая, даже больше, но характер у нее тот еще, упрямая как осел. Если что взбредет ей в голову, ни за что не отступится.

– Она вам рассказывала, над чем работает?

– Немного. Говорила, что затеяла сейчас очень большой проект, но в детали не вдавалась.

– Какого рода проект?

– Книгу. Во всяком случае, она потому и вернулась в наши края.

– Как так?

– У Стефани непомерные амбиции. Она мечтает стать знаменитым писателем и своего добьется. На жизнь она до сентября месяца зарабатывала на стороне, в каком-то литературном издании... забыл название...

– Да, – кивнул я, – в “Нью-Йорк литерари ревью”.

– Точно, он самый. Но вообще-то это была просто подработка, счета оплачивать. Она, когда уволилась, говорила, что хочет вернуться в Хэмптоны, чтобы спокойно писать. Помню, однажды она сказала: “Я здесь только затем, чтобы написать книгу”. По-моему, ей нужно было свободное время и покой, и здесь она их нашла. Иначе с чего бы ей работать внештатником в какой-то местной газетенке? Она честолюбивая, я же говорю. Ей луну с неба надо. Если переехала в Орфеа, значит, на то была веская причина. Может, не могла сосредоточиться в нью-йоркской суете. Писатели ведь часто живут за городом, верно?

– Где она писала?

– Наверно, дома.

– На компьютере?

– Понятия не имею, откуда мне знать.

Когда мы выходили от Тимоти Волта, Анна обратила мое внимание на то, что дома у Стефани компьютера не было.

– Или его унес вчерашний вечерний визитер, – ответил я.

Раз уж мы приехали в Саг-Харбор, то заодно зашли к родителям Стефани. Те ничего не знали про парня по имени Шон, и компьютер

Стефани у них не оставляла. На всякий случай мы попросили разрешения взглянуть на комнату Стефани. Она не жила там с тех пор, как окончила школу, и внутри все осталось, как было: постеры на стенах, спортивные кубки, мягкие игрушки на кровати и школьные учебники.

– Стефани уже много лет здесь не ночевала, – сказала Труд Мейлер. – После школы уехала в университет, жила в Нью-Йорке, пока ее в сентябре не уволили из “Нью-Йорк литерари ревью”.

– Есть ли какая-то конкретная причина, почему Стефани поселилась в Орфеа? – спросил я, не упоминая о том, что поведал нам Тимоти Волт.

– Я же вам вчера говорила. Она потеряла работу в Нью-Йорке, ей захотелось вернуться в Хэмптоны.

– Но почему именно в Орфеа? – настаивал я.

– Думаю, потому, что это самый большой город в округе.

Я решил задать еще один вопрос:

– Миссис Мейлер, а в Нью-Йорке у Стефани не было врагов? Может, она с кем-то поссорилась?

– Нет, ничего похожего.

– Она жила одна?

– Они снимали квартиру вместе с одной молодой женщиной, та тоже работала в “Нью-Йорк литерари ревью”. С Элис Филмор. Мы ее однажды видели, когда Стефани решила уехать из Нью-Йорка и мы помогли ей забрать какую-то мебель. У нее и было-то всего ничего, мы все отвезли прямо к ней на квартиру в Орфеа.

Ничего не обнаружив ни дома у Стефани, ни у ее родителей, мы решили вернуться в Орфеа и взглянуть на ее компьютер в редакции “Орфеа кроникл”.

В редакцию газеты мы приехали в пять часов вечера. Майкл Берд показал нам столы сотрудников. Ткнул пальцем в стол Стефани. На нем царил порядок: монитор, клавиатура, пачка носовых платков, астрономическое количество одинаковых ручек в чайной чашке,

блокноты и несколько отдельных листков. Я быстро просмотрел их и, не найдя ничего особо интересного, спросил:

– Кто-то мог в последние дни получить доступ к компьютеру без ее ведома?

С этими словами я нажал на кнопку, чтобы включить машину.

– Нет, – ответил Майкл, – все компьютеры защищены индивидуальным паролем.

Компьютер не включался, и я еще раз нажал на кнопку.

– Значит, никто не имел возможности проникнуть в компьютер Стефани без ее ведома?

– Никто, – заверил Майкл. – Пароль знает только Стефани и больше никто. Даже у нашего айтишника его нет. Кстати, не понимаю, как вы собрались смотреть ее компьютер, если у вас нет пароля.

– Не волнуйтесь, у нас есть специалисты, они этим займутся. Хоть бы он включился наконец.

Я нагнулся и заглянул под стол, проверить, подключен ли к сети системный блок, но системного блока не было. Не было вообще ничего.

Я поднял голову и спросил:

– Где компьютер Стефани?

– Там, где же ему еще быть, – ответил Майкл.

– Нет, там пусто!

Майкл и Анна тоже посмотрели под стол и убедились, что там нет ничего, кроме болтающихся кабелей. Потрясенный Майкл воскликнул:

– Кто-то украл компьютер Стефани!

В 18.30 вдоль фасада “Орфеа кроникл” выстроилась вперемешку целая туча машин полиции Орфеа и полиции штата.

В редакции сотрудник-криминалист подтвердил, что речь идет о краже со взломом. Мы с Анной и Майклом гуськом проследовали за ним в подсобное помещение в подвале, служившее одновременно

чуланом и запасным выходом. В глубине комнаты была дверь, выходящая на крутую лестницу; по ней можно было выйти на улицу. Стоило лишь просунуть руку через разбитое стекло, повернуть ручку и открыть дверь.

– Вы никогда не спускаетесь в это помещение? – спросил я у Майкла.

– Никогда. В подвал никто не ходит. Тут только архивы, они никому не нужны.

– Ни сигнализации, ни камер слежения нет? – поинтересовалась Анна.

– Нет, кто за них будет платить? Честное слово, будь у нас деньги, мы бы сперва канализацию починили.

– Мы пытались найти отпечатки на дверных ручках, – пояснил криминалист, – но там столько отпечатков и всякой грязи, что использовать их невозможно. Возле стола Стефани мы тоже ничего не нашли. По-моему, он вошел через эту дверь, поднялся на первый этаж, забрал компьютер и тем же путем вышел.

Мы вернулись в помещение редакции.

– Майкл, это мог сделать кто-то из сотрудников? – спросил я.

– Да никогда в жизни! – оскорбился Майкл. – Как вам такое могло в голову прийти? Я полностью доверяю своим журналистам.

– Тогда объясните, откуда посторонний мог знать, который из компьютеров принадлежит Стефани?

– Не имею представления, – вздохнул Майкл.

– Кто первым приходит сюда по утрам? – спросила Анна.

– Ширли. Обычно она по утрам открывает офис.

Мы позвали Ширли, и я спросил:

– Вы не замечали ничего необычного в последнее время, когда приходили утром на работу?

Ширли задумалась, напрягла память и вдруг просияла:

– Сама я ничего не видела. Но действительно, во вторник утром Ньютон, один из журналистов, сказал, что его компьютер включен. Он знал, что накануне его выключил, он последним уходил. Устроил

мне сцену, говорил, что кто-то без его ведома включал его компьютер, но я подумала, что он просто сам забыл его выключить.

– Где стол Ньютона? – спросил я.

– Рядом со столом Стефани.

Я нажал на кнопку включения компьютера: им за это время уже пользовались, значит, на кнопке все равно уже не могло быть пригодных отпечатков. Монитор зажегся:

ЭТОТ КОМПЬЮТЕР: НЬЮТОН

ПАРОЛЬ:

– Он включил первый попавшийся компьютер, – сказал я. – Увидел имя и понял, что не тот. Тогда включил следующий, и высветилось имя Стефани. Искать дальше было незачем.

– Что доказывает, что это сделал кто-то не из редакции, – облегченно вздохнул Майкл.

– Прежде всего, это говорит о том, что кража произошла в ночь с понедельника на вторник, – продолжал я. – То есть в ночь, когда Стефани пропала.

– Стефани пропала? – удивленно переспросил Майкл. – Что значит пропала?

Вместо ответа я попросил:

– Майкл, можете мне распечатать все статьи, написанные Стефани с тех пор, как она стала работать в газете?

– Разумеется. Но скажите наконец, что происходит, капитан? Вы думаете, со Стефани что-то случилось?

– По-моему, да, – подтвердил я. – И боюсь, что-то серьезное.

В дверях редакции мы столкнулись с шефом полиции Гулливером и мэром Орфеа Аланом Брауном; они стояли на тротуаре и обсуждали ситуацию. Мэр меня сразу узнал. Вид у него был такой, словно он увидел привидение.

– Вы здесь? – изумился он.

– Я бы предпочел повидаться с вами при других обстоятельствах.

– Каких обстоятельствах? – спросил он. – Что вообще происходит? С каких пор полиция штата выезжает на заурядное ограбление?

– Вы не имеете права здесь находиться! – добавил Гулливер.

– В этом городе пропал человек, Гулливер, такие происшествия находятся в ведении полиции штата.

– Пропал человек? – задохнулся мэр.

– Никто никуда не пропал! – в бешенстве вскричал Гулливер. – У вас нет никаких доказательств, капитан! Вы сообщили в прокуратуру? Коли вы так уверены в себе, то должны были уже это сделать! Может, это я должен им звонить?

Я ничего не ответил и ушел.

В ту ночь, в три часа, в диспетчерскую пожарной части Орфеа поступил звонок: по адресу Бендам-роуд, 77, где жила Стефани Мейлер, произошел пожар.

Дерек Скотт

Вечер 30 июля 1994 года, когда произошло убийство.

Лонг-Айленд мы пересекли за рекордное время и прибыли в Орфеа в 20.55.

Под вой сирены мы свернули на Мейн-стрит, перекрытую по случаю начала театрального фестиваля. Дежуривший там автомобиль местной полиции пропустил нас в оцепленный квартал Пенфилд, куда съехалось множество машин полиции и скорой помощи из всех соседних городов. Пенфилд-лейн обнесли заградительными лентами, за ними толпились зеваки, набежавшие с Мейн-стрит ради такого зрелища.

Мы с Джесси первыми из уголовной полиции прибыли на место. Нас встретил Кирк Харви, шеф полиции Орфеа.

– Сержант Дерек Скотт, полиция штата, – представился я, показывая жетон, – а это мой помощник, инспектор Джесси Розенберг.

– Я шеф полиции Кирк Харви, – отозвался полицейский; в голосе его звучало явное облегчение: наконец можно кому-то передать свои обязанности. – Честно говоря, я вообще не справляюсь. У нас в жизни не случилось ничего подобного. Четверо убитых, просто бойня.

Полицейские сновали туда-сюда, выкрикивали приказы и тут же их отменяли. Я был старшим по званию из присутствующих и решил взять ситуацию в свои руки.

– Перекройте все дороги, – велел я Харви. – Расставьте посты. Я вызову подкрепление из дорожной полиции и попрошу прислать все свободные группы полиции штата.

Метрах в двадцати от нас лежало в луже крови тело женщины в спортивном костюме. Мы медленно приблизились. Полицейский, стоявший рядом на посту, изо всех сил старался не смотреть на труп.

– Ее муж обнаружил. Если хотите его допросить, он в карете скорой помощи, вон там. Но самый кошмар внутри, – сказал Харви, указывая на соседний дом. – Мальчик и его мать...

Мы немедленно направились к дому. Хотели срезать угол и пройти по газону, но ботинки ушли в воду сантиметра на четыре.

– Черт, – ругнулся я, – ноги промочил, теперь на слежу везде. Что у вас тут за потоп? Дождь последний раз шел больше месяца назад.

– Прорвало трубу автополива, сержант, – сказал постовой с крыльца. – Пытаемся перекрыть воду.

– Только ничего не трогайте! – приказал я. – Оставьте все как есть до приезда криминалистов. И огородите газон, пусть все идет по плиткам. Не хватало еще затоптать все место преступления из-за этой лужи.

Я кое-как вытер ноги на ступеньках крыльца, и мы вошли в дом. Дверь была выбита ногой. Прямо перед нами, в коридоре, лежала застреленная женщина. Рядом с ней – открытый, наполовину уложенный чемодан. Справа – маленькая гостиная, в ней тело мальчика лет десяти, также убитого из огнестрельного оружия; он упал на шторы, словно пытался спрятаться, когда его подстрелили. На кухне распростерся на животе в луже крови мужчина лет сорока: явно хотел убежать, но его убили.

Невыносимо воняло мертвечиной и кишками. Мы поскорей вышли из дома – бледные, потрясенные увиденным.

Вскоре нас позвали в гараж мэра. Полицейские обнаружили в багажнике машины другие чемоданы. Мэр с семьей явно собирались уезжать.

* * *

Ночь стояла жаркая. Молодой заместитель мэра Браун обливался потом в своем костюме, торопливо спускаясь по Мейн-стрит и расталкивая толпу. Как только ему сообщили о происшествии, он

выскочил из театра и решил добраться до Пенфилд-кресент пешком: наверняка так получится быстрее, чем на машине. Он был прав – в центре не проехать, все забито людьми. На углу Дарем-стрит его обступили встревоженные слухами горожане, все хотели знать, что случилось; но он, ни слова не говоря, пустился бежать как угорелый. Свернул направо к Бендам-роуд и помчался к жилой зоне. Поначалу улицы были пусты, дома стояли с темными окнами. Потом вдали завиднелось какое-то движение. Чем ближе он подходил, тем ярче разгорался свет, мелькали маячки полицейских машин. Толпа любопытных росла на глазах. Кто-то окликал его, но он не обращал внимания и бежал дальше. Пробрался к полицейским ограждениям. Его увидел помощник шефа полиции Рон Гулливер, сразу пропустил. При виде открывшейся сцены Алан Браун сперва растерялся: шум, огни, накрытое белой простыней тело на тротуаре. Он не понимал, куда идти. Но тут с облегчением заметил знакомое лицо: Кирк Харви, шеф полиции Орфеа, как раз беседовал со мной и Джесси.

– Кирк, – бросился к нему Браун, – ради бога, что происходит? Все эти слухи – это правда? Джозеф и его семья убиты?

– Все трое, Алан, – мрачно ответил Харви.

Он мотнул головой в сторону дома, вокруг которого сновали полицейские.

– Мы обнаружили их в доме, всех троих. Не выжил никто.

Харви представил нас заместителю мэра.

– Есть какой-то след? Улики? – обратился к нам Браун.

– Пока ничего, – ответил я. – Мне не дает покоя мысль, что это случилось в день открытия театрального фестиваля.

– Полагаете, это как-то связано?

– Пока рано что-то утверждать. Я вообще не понимаю, что мэр делал дома. Разве ему не надо было быть в Большом театре?

– Да, мы должны были встретиться в семь. Он все не шел, я пытался звонить ему домой, но трубку никто не брал. Пора было начинать спектакль, я экспромтом изобразил вместо Джозефа

какую-то вступительную речь, а его кресло так и оставалось пустым. Мне только в антракте сказали, что случилось.

– Алан, – сказал Харви, – в машине Гордона мы обнаружили чемоданы. Он собирался уезжать вместе с семьей.

– Уезжать? Что значит уезжать? Куда?

– У нас пока нет никаких конкретных предположений, – пояснил я. – Но не казалось ли вам, что мэр в последнее время чем-то озабочен? Он вам не говорил, что ему поступают угрозы? Быть может, он опасался за свою безопасность?

– Угрозы? Нет, он ничего такого не говорил. А... можно мне зайти и посмотреть?

– Лучше лишний раз не топтаться на месте преступления, Алан, – остановил его Харви. – Да и зрелище не из приятных. Суцая мясорубка. Малыша убили в гостиной, Лесли, жену Гордона, в коридоре, а самого Джозефа на кухне.

Браун вдруг почувствовал, что его шатает. Ноги подгибались, и он сел прямо на тротуар. Взгляд его снова упал на белую простыню в нескольких десятках метров.

– Но если они все погибли в доме, то кто же там? – показал он на тело.

– Молодая женщина, Меган Пейделин, – ответил я. – Совершала пробежку и, видимо, столкнулась с убийцей, когда он выходил из дома. Ее тоже застрелили.

– Нет, это невозможно! – Браун закрыл лицо руками. – Это какой-то кошмар!

В этот момент к нам подошел Рон Гулливер.

– У прессы много вопросов, – обратился он к Брауну. – Кто-то должен сделать заявление.

– Я... я не уверен, что смогу это выдержать, – бледнея, пробормотал Алан.

– Алан, ты должен, – ответил Харви. – Теперь мэр города – ты.

Джесси Розенберг

Суббота, 28 июня 2014 года

28 дней до открытия фестиваля

В восемь утра, когда город понемногу просыпался, на забитой пожарными машинами Бендам-роуд царила суматоха. Дом, где жила Стефани, превратился в дымящиеся руины. Ее квартира выгорела полностью.

Мы с Анной стояли на тротуаре и смотрели, как пожарные ходят взад-вперед, сматывают шланги и убирают снаряжение. Вскоре к нам подошел их начальник.

– Это поджог, – уверенно произнес он. – Счастье, что никто не пострадал. В здании был только жилец со второго этажа, он успел выбраться. Он-то нам и позвонил. Идемте, хочу вам кое-что показать.

Мы следом за ним вошли в дом и поднялись по лестнице. В воздухе стоял едкий запах гари. Добравшись до площадки третьего этажа, мы обнаружили, что дверь квартиры Стефани распахнута. Выглядела она совершенно целой. Замочная скважина тоже.

– Как же вы вошли, если не взламывали ни дверь, ни замок? – спросила Анна.

– Именно это я и хотел вам показать, – ответил шеф пожарных. – Когда мы прибыли, дверь была открыта настежь, как сейчас.

– У поджигателя были ключи, – сказал я.

Анна озабоченно взглянула на меня:

– Джесси, по-моему, тот, кого ты здесь застал в четверг вечером, явился довершить свое дело.

Я подошел к порогу и заглянул в квартиру. Там не осталось ничего. Мебель, стены, книги – все превратилось в уголья. Человек, который поджег квартиру, ставил себе единственную цель: сжечь все дотла.

Жилец со второго этажа, Брэд Мелшоу, сидел на ступеньках соседнего дома, завернувшись в одеяло, пил кофе и разглядывал почерневший от огня фасад. По его словам, его смена в кафе “Афина” закончилась около 23.30.

– Я пошел прямо домой. Ничего необычного не заметил. Принял душ, немного посмотрел телевизор и уснул прямо на диване, со мной такое часто бывает. Около трех ночи я вдруг проснулся, как будто кто-то меня толкнул. Вся квартира была в дыму. Я почти сразу понял, что дым идет с лестничной клетки, открыл дверь и увидел, что верхний этаж горит. Сразу спустился на улицу и позвонил с мобильного пожарным. Стефани вроде не было дома. У нее ведь проблемы, да?

– Кто вам сказал?

– Все про это говорят. Городишко-то маленький.

– Вы хорошо знали Стефани?

– Нет. Пересекались, конечно, мы же соседи, но и то редко. Уж больно в разное время работаем. Она сюда в прошлом году переехала, в сентябре. Симпатичная.

– Она вам не говорила, что собирается уехать? Что на время отлучится?

– Нет. Я же говорю, не настолько мы были близки, чтобы она мне что-то рассказывала.

– Она могла попросить вас поливать цветы. Или забирать почту. Нет?

– Она меня никогда ни о чем таком не просила.

Вдруг в глазах Брэда Мелшоу мелькнуло смятение, и он воскликнул:

– Точно! Как я мог забыть? Она тут вечером, на днях, поругалась с полицейским.

– Когда?

– В прошлую субботу.

– Как это было?

– Я возвращался из ресторана, пешком. Около полуночи. Перед домом стояла полицейская машина, Стефани разговаривала с водителем. Говорила: “Ты не можешь со мной так поступить, ты мне нужен”. А тот ответил: “Слышать про тебя больше не желаю. Если ты мне опять будешь звонить, я жалобу подам”. Тронулся с места и уехал. Она с минуту постояла на тротуаре, вид у нее был совершенно потерянный. Я на углу стоял и все видел. Подождал там, пока она поднимется к себе. Не хотел ее смущать.

– Что за полицейская машина? – спросила Анна. – Полиция Орфеа или другого города? Полиция штата? Дорожная?

– Понятия не имею. Я тогда внимания не обратил. Да и темно было.

Наш разговор прервал мэр Браун, коршуном налетевший на меня:

– Полагаю, вы читали сегодняшнюю газету, капитан Розенберг? – в ярости спросил он и сунул мне под нос “Орфеа кроникл”.

На первой полосе красовался портрет Стефани, а над ним – следующий текст:

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ЖЕНЩИНУ?

Стефани Мейлер, журналистка “Орфеа кроникл”, с понедельника не подает о себе вестей. Вокруг ее исчезновения разворачиваются странные события. Полиция штата ведет расследование.

– Я не знал про эту статью, господин мэр, – заверил я.

– Знали или не знали, но это вы устроили всю эту кутерьму! – злился Браун.

Я обернулся к сгоревшему зданию:

– Вы по-прежнему утверждаете, что в Орфеа ничего не происходит?

– Ничего такого, чем не могла бы заняться местная полиция. Может, хоть вы не будете создавать лишний беспорядок? Экономика

города и так не на высоте, все рассчитывают на летний сезон и театральный фестиваль, чтобы оздоровить финансы. Если туристы перепугаются, к нам никто не приедет.

– Позволю себе заметить, господин мэр, что речь может идти о крайне серьезном деле...

– У вас нет никаких фактов, капитан. Гулливер мне вчера сказал, что машину Стефани с понедельника никто не видел. А если она просто-напросто уехала? Я тут навел о вас справки, вы, кажется, в понедельник выходите в отставку?

Анна посмотрела на меня как-то странно:

– Джесси, ты уходишь из полиции?

– Никуда я не уйду, пока не распутая это дело.

Оказалось, что у Брауна длинные руки. Когда мы с Анной, покинув Бендам-роуд, вернулись в отделение полиции Орфеа, мне позвонил мой начальник, майор Маккенна.

– Розенберг, мне непрерывно названивает мэр Орфеа. Утверждает, что ты сеешь в городе панику.

– Майор, в городе пропала женщина, и это может быть связано с убийствами 1994 года.

– Дело об этих убийствах закрыто, Розенберг. И ты это знаешь не хуже меня: ты же его и закрыл.

– Знаю, майор. Но я начинаю сомневаться, не упустили ли мы тогда чего-нибудь...

– Ты что мне тут городишь?

– Пропала молодая женщина, журналистка, она начала расследование заново. По-моему, это знак, что надо копать дальше.

– Розенберг, – раздраженно произнес Маккенна, – шеф местной полиции говорит, что у тебя нет ни единой зацепки. Ты мне изгадил выходной, а сам прослывешь идиотом за два дня до отставки. Ты этого добиваешься?

Я промолчал, и Маккенна заговорил снова, уже более дружелюбным тоном:

– Послушай. Я сейчас уеду с семейством на озеро Шамплейн, на уикенд. Мобильник забуду дома. До завтрашнего вечера связи со мной не будет, на службу я вернусь в понедельник утром. Даю тебе время до понедельника. Если ты прямо к утру не найдешь и не представишь мне чего-нибудь весомого, то как миленький вернешься в отделение, как будто ничего и не было. Мы выпьем по случаю твоей отставки, и я больше никогда не услышу про эту историю. Ясно?

– Ясно, майор. Спасибо.

Время пошло. Мы сели в кабинете Анны и стали лепить на магнитную доску все, что имелось в нашем распоряжении.

– Судя по показаниям журналистов, кража редакционного компьютера имела место в ночь с понедельника на вторник, – сказал я. – В квартиру залезли в четверг вечером. Наконец, сегодня ночью случился пожар.

– Ты к чему клонишь? – спросила Анна, протягивая мне чашку обжигающего кофе.

– Судя по всему, того, что искал этот человек, в редакционном компьютере не нашлось; поэтому ему пришлось обыскать квартиру Стефани. Видимо, безуспешно, раз он пошел на риск – вернулся на следующий вечер и ее поджег. Зачем ему это делать, если не для того, чтобы уничтожить документы, раз не удалось их похитить?

– Значит, то, что мы ищем, возможно, еще существует в природе! – воскликнула Анна.

– Вот именно, – кивнул я. – Но где?

Я выложил на стол детализацию звонков и выписки с банковской карты Стефани, которые забрал накануне в окружном отделении полиции штата.

– Попробуем для начала понять, кто звонил Стефани, когда она вышла из “Кодиака”. – Я порылся в бумажках и извлек список последних исходящих и входящих звонков.

Стефани звонили в 22.03. Потом она сама дважды звонила на один и тот же номер. В 22.05 и в 22.10. Первый звонок длился

меньше секунды, второй – 20 секунд.

Анна села за компьютер. Я продиктовал ей номер, с которого Стефани звонили в 22.03, и она ввела его в поисковую систему, чтобы определить абонента.

– Ни фиги себе, Джесси!

– Что? – спросил я, бросаясь к экрану.

– Это номер телефонной кабины в “Кодиаке”!

– Кто-то звонил Стефани из “Кодиака” сразу после того, как она оттуда вышла? – удивился я.

– За ней кто-то следил, – сказала Анна. – Все то время, пока она ждала, за ней наблюдали.

Я снова взял список и подчеркнул последний номер, который набрала Стефани. Продиктовал Анне, она ввела его в систему.

Имя, которое высветилось на компьютере, повергло ее в изумление.

– Нет, это какая-то ошибка! – произнесла она, внезапно побледнев.

Она попросила меня повторить номер и яростно заколотила по клавишам, заново вводя ряд цифр.

Я подошел к экрану и прочел написанное на нем имя:

– Шон О’Доннел. В чем дело, Анна? Ты его знаешь?

– Еще бы мне его не знать, – растерянно ответила она. – Это один из моих полицейских. Шон О’Доннел – коп из Орфеа.

* * *

Мы показали распечатку звонков Гулливеру, и он не смог отказать мне в просьбе допросить Шона О’Доннела. Вызвал того с патрулирования, усадил в комнате для допросов. Когда мы с Анной и Гулливером вошли туда, Шон с трудом привстал со стула, словно его не держали ноги.

– Может, скажете, что стряслось? – беспокойно осведомился он.

– Сядь, – бросил Гулливер. – Капитан Розенберг хочет задать тебе несколько вопросов.

Он сел. Мы с Гулливером устроились за столом напротив, Анна встала поодаль, у стены.

– Шон, мне известно, что Стефани Мейлер звонила вам вечером в понедельник, – сказал я. – Вы последний, с кем она пыталась связаться. Что вы от нас скрываете?

Шон закрыл лицо руками.

– Капитан, я полный мудака, – простонал он. – Надо было рассказать Гулливеру. Да я и собирался! Мне так жаль...

– Но вы этого не сделали, Шон! Значит, вы должны все нам рассказать сейчас.

Он тяжело вздохнул и начал:

– Мы со Стефани встречались, недолго. Познакомились в баре какое-то время назад. Это я к ней подошел, она, по правде сказать, была не в восторге. Но все-таки разрешила взять ей бокал вина, и мы немножко поговорили. Я не думал, что из этого что-нибудь выйдет. А потом я ей сказал, что я здешний коп, из Орфеа: тут она как будто сразу включилась. И держаться стала иначе, и всяческий интерес ко мне проявлять. Мы обменялись телефонами, несколько раз встретились. Не больше. Но две недели назад все вдруг закрутилось. Мы переспали. Всего один раз.

– Почему вы расстались? – спросил я.

– Потому что я понял, что ее интересую не я, а архивы отдела.

– Архивы?

– Да, капитан. Очень это было странно. Она мне несколько раз про это говорила. Хотела, чтобы я непременно ее туда отвел. Я думал, она шутит, говорил, что это невозможно, само собой. И вот две недели назад просыпаюсь я в ее постели, а она требует, чтобы я пустил ее в архив. Словно я ей обязан за то, что провел с ней ночь. Меня это жутко задело. Я ушел в бешенстве, дал ей понять, что не желаю ее больше видеть.

– И тебе не стало любопытно, с чего это ее интересует архив? – спросил Гулливер.

– Стало, конечно. Какая-то часть меня страшно хотела это выяснить. Но мне не хотелось показывать Стефани, что мне интересна эта ее история. Я чувствовал, что она мной манипулирует, а мне она нравилась по-настоящему, и мне было больно.

– Вы встречались после этого? – спросил я.

– Один-единственный раз. В прошлую субботу. Она мне в тот вечер несколько раз звонила, а я не брал трубку. Думал, она отстанет, но она названивала беспрерывно. Я был на дежурстве, ее назойливость действовала мне на нервы. В конце концов я разозлился и сказал, чтобы она ждала у своего дома. Я даже из машины не вышел, сказал, что, если она еще раз мне позвонит, я подам жалобу на домогательство. Она ответила, что ей нужна помощь, но я ей не поверил.

– Что точно она сказала?

– Сказала, что ей надо посмотреть одно досье, про здешнее преступление, что у нее какие-то сведения по этому поводу. Сказала: “Есть одно расследование, оно закрыто, но в нем ошибка. Там одна деталь, нечто такое, чего никто тогда не заметил, а оно лежит на поверхности”. Для пущей убедительности показала мне руку и спросила, что я вижу. Я ответил: “Твою руку”. – “А надо было увидеть пальцы”. Я решил, что она со своей рукой и пальцами держит меня за идиота. Она осталась на улице, а я уехал и поклялся себе, что больше она меня не проведет.

– И все?

– И все, капитан Розенберг. Больше мы с ней не разговаривали.

Я немного помолчал, прежде чем выложить свой козырь:

– Не держите нас за дураков, Шон! Мне известно, что вы говорили со Стефани в понедельник вечером, как раз перед тем, как она исчезла.

– Нет, капитан! Мы не разговаривали, честное слово!

Я помахал детализацией звонков и шлепнул ее на стол перед ним.

– Перестаньте врать, здесь написано: вы разговаривали 20 секунд.
– Нет, мы не разговаривали! – воскликнул Шон. – Она мне звонила, это правда. Два раза. Но я не ответил! На второй раз она мне оставила голосовое сообщение. Соединение в самом деле было, как тут и написано, но мы не разговаривали.

Шон не лгал. Порывшись в его телефоне, мы обнаружили сообщение, полученное в понедельник в 22.10, длиной 20 секунд. Я нажал на кнопку прослушивания, и в динамике вдруг зазвучал голос Стефани.

Шон, это я. Мне обязательно надо с тобой поговорить, это срочно. Пожалуйста... [Пауза.] Шон, мне страшно. Мне правда страшно.

В ее голосе сквозила паника.

– Я тогда не стал слушать это сообщение, – объяснил Шон. – Думал, опять какие-то сопли. Прослушал в итоге только в среду, когда в полицию пришли ее родители и заявили, что она пропала. Я не знал, что мне делать.

– Почему вы ничего не сказали? – спросил я.

– Побоялся, капитан. И еще мне было стыдно.

– Стефани считала, что ей угрожают?

– Нет... Во всяком случае, ни разу об этом не упоминала. Она тогда первый раз сказала, что ей страшно.

Переглянувшись с Анной и Гулливером, я сказал:

– Шон, мне нужно знать, где вы были и что делали в понедельник около десяти вечера, когда Стефани пыталась с вами связаться.

– В баре был, в Ист-Хэмптоне. У меня там приятель управляющим, мы с друзьями сидели. Весь вечер. Я вам всех назову, можете проверить.

Несколько свидетелей подтвердили, что в тот вечер, когда Стефани пропала, Шон находился в указанном баре с семи вечера

до часу ночи. В кабинете Анны я написал на магнитной доске загадку, которую загадала Стефани: “Что было перед глазами и чего мы не увидели в 1994 году”.

Поскольку ей явно хотелось попасть в полицейский архив Орфеа, чтобы ознакомиться с расследованием убийств 1994 года, мы отправились туда. Без труда нашли большую коробку, где должно было храниться нужное досье. Но, к нашему великому изумлению, коробка оказалась пуста. Досье исчезло. Внутри лежал только пожелтевший от времени листок бумаги, на котором было напечатано на пишущей машинке:

Здесь начинается черная ночь.

Будто в начале квеста.

* * *

В нашем распоряжении был один-единственный конкретный факт: звонок из “Кодиака” сразу после того, как Стефани ушла. Мы поехали в ресторан. Нас встретила та самая официантка, которую мы допрашивали накануне.

– Где у вас телефонная кабина? – спросил я.

– Можете воспользоваться телефоном на стойке, – ответила она.

– Вы очень любезны, но я бы хотел взглянуть на телефонную кабину.

Она провела нас в глубину ресторана, где находились два ряда вешалок на стене, туалеты, банкомат, а в углу – таксофон.

– Здесь есть камера слежения? – спросила Анна, разглядывая потолок.

– Нет, в нашем ресторане вообще нет камер.

– Кабиной часто пользуются?

– Не знаю, тут у нас вечно проходной двор. Туалеты для посетителей, но всегда кто-нибудь заходит и невинно спрашивает, есть ли у нас телефон. Мы отвечаем, что есть. Но кто же знает, в самом деле они хотят позвонить или им приспичило. Сейчас ведь у всех мобильники, верно?

В эту самую минуту у Анны зазвонил телефон. Невдалеке от пляжа нашлась машина Стефани.

* * *

Мы с Анной мчались на огромной скорости по Оушен-роуд: она отходила от Мейн-стрит и вела к пляжу Орфеа. В ее конце находилась парковка, где купальщики оставляли машины на любое время и как попало. Зимой здесь стояли лишь автомобили редких любителей прогулок и отцов семейства, при ехавших с детьми запускать воздушных змеев. Заполняться она начинала весной, в солнечные дни. А в разгар жаркого лета ее с раннего утра брали с бою; удивительно, сколько машин умудрялось туда набиться.

На обочине, метров за сто до парковки, мы увидели полицейский автомобиль. Стоявший рядом сотрудник помахал нам рукой, и я затормозил. Рядом уходила в лес узкая тропинка.

– Машину заметили гуляющие, – объяснил полицейский. – Похоже, она со вторника здесь стоит. Люди прочитали утреннюю газету и решили, что это как-то связано. Я проверил, номера те самые, это машина Стефани Мейлер.

До машины, чинно запаркованной рядом с тропой, нам пришлось пройти метров двести. Да, это была та самая синяя “мазда”, что попала на камеры банка. Я натянул латексные перчатки и быстро обошел ее кругом, рассматривая через стекла кабину. Хотел открыть дверцу, но она была заперта. Анна произнесла вслух то, что вертелось у меня в голове:

– Джесси, думаешь, она в багажнике?

– Есть только один способ это проверить, – ответил я.

Полицейский принес монтировку. Я просунул ее в углубление багажника. Анна стояла за моей спиной, затаив дыхание. Замок поддался без труда, и багажник резко открылся. Я отшатнулся, потом наклонился, заглянул внутрь и убедился, что он пуст.

– Там ничего нет, – сказал я, отходя от машины. – Вызываем криминалистов, пока не затоптали место. Думаю, на сей раз мэр согласится, что пора принимать неотложные меры.

Найденная машина Стефани действительно меняла весь расклад. Брауна известили, он вместе с Гулливером прибыл на место, понял, что пора приступать к поисковой операции и что силами местной полиции здесь не справиться, и вызвал на подмогу полицейские силы из соседних городов.

Через час половина Оушен-роуд была оцеплена вместе с пляжной парковкой. Полиция всего округа прислала своих людей, прибыли патрули полиции штата. У ограждений с обеих сторон собрались кучки зевак.

В лесу криминалисты в белых комбинезонах танцевали вокруг машины Стефани, исследуя там каждый сантиметр. Примчались и кинологи с собаками.

Вскоре шеф кинологов вызвал нас на пляжную парковку.

– Все собаки берут один и тот же след, – сказал он, когда мы подошли. – Идут от машины вот по этой петляющей в траве дорожке и доходят досюда.

Он указал пальцем на тропку, по которой гуляющие срезали путь от пляжа до лесной дороги.

– Собаки останавливаются на парковке. Тут, где я стою. И теряют след.

Полицейский стоял в буквальном смысле посередине парковки.

– И что это значит? – спросил я.

– Что здесь она села в машину, капитан. И на этой машине уехала.

Мэр обернулся ко мне:

– Что скажете, Розенберг?

– Скажу, что Стефани кто-то ждал. У нее была назначена встреча. Человек, с которым она должна была встретиться в “Кодиак”, сидел за столиком в глубине и следил за ней. Она выходит из ресторана, человек звонит ей из телефонной кабины и назначает встречу на пляже. Стефани встревожена: она рассчитывала встретиться с ним в людном месте, а теперь ей надо ехать на пляж, где в это время никого нет. Она звонит Шону, тот не отвечает. В конце концов она решает оставить машину на лесной тропе. Может, чтобы обеспечить себе путь к отступлению? Или чтобы проследить, когда приедет ее таинственный незнакомец? Так или иначе, машину она запирает. Спускается к парковке и садится в машину того, с кем разговаривала. Куда ее увезли? Одному богу известно.

Повисла леденящая пауза. Потом Гулливер пробормотал, словно осознав наконец масштабы случившегося:

– Так начинается история исчезновения Стефани Мейлер.

Дерек Скотт

В тот вечер, 30 июля 1994 года, первые криминалисты из полиции штата и наш шеф, майор Маккенна, прибыли на место преступления не сразу. Оценив ситуацию, Маккенна отвел меня в сторону и спросил:

– Дерек, это ты первым приехал в Орфеа?

– Да, майор, – ответил я. – Мы с Джесси тут уже больше часа. Раз я старший по званию, мне пришлось принимать некоторые решения, в частности перекрыть дороги.

– Правильно. И ситуация, похоже, под контролем. Ты способен взяться за это дело?

– Да, майор. Почту за честь.

Я чувствовал, что Маккенна колеблется.

– Это будет твое первое крупное дело, – сказал он, – а Джесси еще неопытный инспектор.

– У Розенберга отличный нюх, – заверил я. – Положитесь на нас, майор. Мы вас не подведем.

С минуту подумав, майор кивнул:

– Хочется дать вам шанс, Скотт. Вы с Джесси мне нравитесь. Но смотрите не облажайтесь. Ведь когда ваши коллеги узнают, что я доверил вам такое важное дело, крику не оберешься. С другой стороны, могли бы просто быть здесь! Где их всех, к дьяволу, носит? Разъехались по отпускам, что ли? Дебилы недоделанные...

Майор окликнул Джесси и гаркнул в сторону, так чтобы всем было слышно:

– Скотт и Розенберг, поручаю расследование дела вам!

Мы с Джесси были полны решимости оправдать доверие майора. Всю ночь мы провели в Орфеа, собирали первые сведения. Когда я высадил Джесси у его дома в Куинсе, было почти семь утра. Он предложил мне зайти выпить кофе, я согласился. Мы оба валились с

ног от усталости, но были слишком взбудоражены, чтобы уснуть. На кухне, пока Джесси возился с кофеваркой, я стал записывать свои соображения.

– Кто мог иметь такой зуб на мэра, чтобы убить его вместе с женой и сыном? – произнес я вслух, написал эту фразу на листочке и прилепил на холодильник.

– Надо расспросить его близких, – предложил Джесси.

– Что все они делали дома во время открытия театрального фестиваля? Они должны были быть в Большом театре. Да еще эти чемоданы с одеждой в машине. По-моему, они собирались уехать.

– Спасались бегством? Но почему?

– Это-то мы и должны выяснить, Джесси.

Я прилепил на холодильник второй листочек, а он написал на нем:

Были ли у мэра враги?

В дверях кухни появилась сонная Наташа – наверно, ее разбудили наши голоса.

– Что такое стряслось вчера вечером? – спросила она, прижимаясь к Джесси.

– Резня, – ответил я.

– “Убийства на театральном фестивале”, – прочитала Наташа на дверце, открывая холодильник. – Звучит как хорошая детективная пьеса.

– Может, это она и есть, – кивнул Джесси.

Наташа достала молоко, яйца, муку и, выставив их на стойку, собралась жарить оладьи; налила себе кофе, еще раз взглянула на бумажки и спросила:

– Ну, какие у вас предположения?

Джесси Розенберг

Воскресенье, 29 июня 2014 года

27 дней до открытия фестиваля

Поиски Стефани не давали ровным счетом ничего.

Уже сутки весь округ был на ногах. Тщетно. Подразделения полиции и волонтеры прочесывали окрестности. Приступили к работе группы кинологов и водолазов, был вызван вертолет. Волонтеры расклеивали объявления в супермаркетах, обходили магазины и заправочные станции в надежде, что какой-нибудь посетитель или служащий заметил Стефани. Мейлеры-старшие выступили с заявлением в прессе и на местном телевидении, показали фотографию дочери и призвали всякого, кто ее увидит, немедленно известить полицию.

Все рвались участвовать в общем деле. “Кодиак” угощал прохладительными напитками всех, кто принимал участие в поисках. “Палас дю Лак”, один из самых шикарных отелей, расположенных в окрестностях Орфеа, предоставил одну из своих гостиных в распоряжение полиции. Помещение использовалось как сборный пункт волонтеров, желающих присоединиться к операции: оттуда их направляли в зону поисков.

Мы с Анной сидели в ее кабинете в полиции Орфеа и продолжали расследование. Поездка Стефани в Лос-Анджелес оставалась полной загадкой. Именно по возвращении из Калифорнии она внезапно сблизилась с полицейским Шоном О’Доннелом и стала всеми силами рваться в полицейский архив. Что она там могла найти? Мы связались с отелем, где она останавливалась, но ничего полезного нам не сообщили. Зато, разбираясь с ее регулярными поездками в Нью-Йорк – они подтверждались списаниями дорожной пошлины с ее кредитной карты, – мы обнаружили, что у нее было несколько штрафов за парковку в неподобающем месте и за превышение времени; ее машина даже побывала на штрафстоянке. Причем произошло это все на одной и той же улице. Анна без труда нашла список находящихся на улице учреждений: рестораны, врачебные

кабинеты, адвокатские конторы, хиропрактики, прачечная. А главное – редакция “Нью-Йорк литерари ревью”.

– Как это? – удивился я. – Мать Стефани утверждает, что дочь в сентябре уволили из “Нью-Йорк литерари ревью” и она как раз поэтому переехала в Орфеа. Зачем ей туда ездить? Какой смысл?

– Так или иначе, даты дорожной пошлины совпадают с датами штрафов, – сказала Анна. – И, насколько я вижу, протокол на нее составляли в точках, расположенных неподалеку от здания, где находится редакция журнала. Давай позвоним главному редактору и спросим, – предложила она, доставая телефон.

Номер она набрать не успела: в дверь постучали. Пришел офицер из группы криминалистов полиции штата.

– Принес вам результаты, вот что мы нашли в квартире и в машине Стефани Мейлер, – сказал он, помахав толстым конвертом. – Думаю, вам будет интересно.

Он присел на краешек стола для совещаний.

– Начнем с квартиры. Подтверждаю, мы имеем дело с поджогом. Присутствуют следы горючей жидкости. И подожгла квартиру не Стефани Мейлер – если вы вдруг сомневаетесь.

– Почему не она? – спросил я.

Полицейский показал пластиковый пакет с пачками банкнот:

– Мы обнаружили в квартире десять тысяч долларов наличными. Они были спрятаны в резервуаре итальянской кофемашины, поэтому остались целы.

– В самом деле, на месте Стефани, если бы я хранила дома десять тысяч долларов наличными, я бы их забрала, прежде чем устраивать пожар, – согласилась Анна.

– А в машине что вы нашли? – спросил я полицейского.

– К сожалению, никаких следов ДНК, кроме ДНК самой Стефани. Мы сравнили с пробой, взятой у ее родителей. Зато мы обнаружили весьма загадочную записку под сиденьем водителя. Почерк вроде бы Стефани.

Полицейский снова сунул руку в конверт и вытащил оттуда еще один пакетик. В нем лежал листок, вырванный из школьной тетрадки; на листке было написано:

***Черная ночь** → Театральный фестиваль в Орфеа
Поговорить с Майклом Бердом*

– Черная ночь! – воскликнула Анна. – Как в записке, которую оставили вместо материалов дела об убийстве 1994 года.

– Надо ехать к Майклу Берду, – сказал я. – Похоже, он знает больше, чем изволил нам сообщить.

* * *

Майкла мы нашли в редакции “Орфеа кроникл”, в его кабинете. Он подготовил для нас папку со всеми статьями, которые Стефани написала для газеты. В основном речь шла о событиях сугубо местного значения: школьной ярмарке, параде на День Колумба, муниципальном празднестве для одиноких на День благодарения, конкурсе тыкв на Хеллоуин, каком-нибудь мелком ДТП и тому подобном из рубрики происшествий. Пролистывая статьи, я спросил Майкла:

– Сколько Стефани получала в газете?

– Полторы тысячи долларов в месяц, – ответил он. – А почему вы спрашиваете?

– Это может быть важно для расследования. Не буду от вас скрывать: я все еще не могу понять, почему Стефани, уехав из Нью-Йорка, стала писать в Орфеа заметки про День Колумба и конкурс тыкв. Не обижайтесь, Майкл, но это плохо вяжется с образом честолюбивой журналистки, как описали ее родители и друзья.

– Прекрасно понимаю ваш вопрос, капитан. Я и сам его себе задавал. Стефани сказала, что сыта по горло “Нью-Йорк литерари

ревью”. Ей хотелось чего-то нового. Знаете, она такая идеалистка... Хочет изменить мир. Работа в местной газете для нее вызов, и он ее не пугает, наоборот.

– Думаю, дело в другом, – сказал я и показал Майклу бумажку, найденную в машине Стефани.

– Что это? – спросил Майкл.

– Записка, написана рукой Стефани. Она упоминает театральный фестиваль в Орфеа и добавляет, что хочет с вами об этом поговорить. Что вам известно такого, о чем вы нам не сказали, Майкл?

Майкл вздохнул:

– Я ей обещал никому не говорить... Я слово дал.

– Майкл, – заметил я, – по-моему, вы не сознаете всей серьезности ситуации.

– Это вы не сознаете, – возразил он. – Возможно, у Стефани есть веская причина, почему она решила на время исчезнуть. А вы переполошили жителей и все портите.

– Веская причина? – поперхнулся я.

– Может, она знала, что ей грозит опасность, и решила скрыться. А вы поставили на уши всю округу и подводите ее под удар. Вы даже представить не можете, какое серьезное расследование она ведет; не исключено, что в этот момент ее ищет как раз тот, от кого она прячется.

– Вы хотите сказать – полицейский?

– Не исключено. Она все время темнила. Я ее несколько раз просил рассказать подробнее, но она так и не призналась, в чем дело.

– Очень похоже на Стефани, она на днях и со мной так себя вела, – вздохнул я. – Но как это связано с театральным фестивалем?

В редакции не было ни души, да и дверь кабинета закрыта, но Майкл еще понизил голос, словно боялся, что кто-нибудь его услышит:

– Стефани считала, что на фестивале что-то затевается. Ей надо было расспросить волонтеров, но так, чтобы никто ничего не заподозрил. Я ей предложил сделать цикл статей для газеты. Идеальное прикрытие.

– Под видом интервью? – удивился я.

– Не совсем под видом, мы же их потом печатали... Я вам уже говорил, у газеты финансовые трудности, а Стефани меня уверяла, что, когда результаты ее расследования будут опубликованы, деньги в кассу потекут рекой. “Когда мы это опубликуем, газету будут рвать из рук”, сказала она мне однажды.

Вернувшись в кабинет Анны, мы наконец связались с бывшим патроном Стефани, главным редактором “Нью-Йорк литерари ревью” Стивеном Бергдорфом. Он жил в Бруклине. Анна позвонила ему и включила в телефоне громкую связь, чтобы я тоже слышал разговор.

– Бедняжка Стефани, – расстроился Стивен Бергдорф, когда Анна ввела его в курс дела. – Надеюсь, с ней не случилось ничего серьезного. Она очень умная, отличный журналист и пишет бойко. Такая милая, со всеми так приветлива... Не тот человек, чтобы нажить себе врагов и вообще неприятности.

– Если мои сведения верны, прошлой осенью вы ее уволили.

– Это точно. Просто от сердца оторвал, она такая блестящая девушка. Но летом бюджет журнала сократился, подписка резко упала. Мне ничего не оставалось, как экономить, пришлось с ней расстаться.

– Как она отнеслась к увольнению?

– Как вы догадываетесь, без особого восторга. Но мы остались в добрых отношениях. Я ей даже писал в декабре, спрашивал, как дела. Она сказала, что работает для “Орфеа кроникл” и ей там очень нравится. Я был за нее рад, хоть и слегка удивился.

– Удивился?

– Такая девушка, как Стефани Мейлер, – это уровень “Нью-Йорк таймс”, – пояснил Бергдорф. – Что ей делать в заштатной газетенке?

– Мистер Бергдорф, Стефани после увольнения приезжала в редакцию журнала?

– Нет. По крайней мере, насколько я знаю. Почему вы спрашиваете?

– Потому что, по нашим данным, ее машина в последние месяцы часто была запаркована у вашего здания.

* * *

В редакции “Нью-Йорк литерари ревью” в воскресный день было безлюдно. Повесив трубку, Стивен Бергдорф долго сидел в растерянности.

– Что стряслось, Стиви? – спросила двадцатипятилетняя Элис. Она сидела в его кабинете на диване и красила ногти красным лаком.

– Звонили из полиции. Стефани Мейлер пропала.

– Стефани? Она была дура набитая.

– Что значит “была”? – встревожился Стивен. – Ты что-то знаешь?

– Да нет, я сказала “была”, потому что после отъезда ни разу ее не видела. Ты прав, она наверняка и сейчас дура.

Бергдорф поднялся из-за стола и в задумчивости уставился в окно.

– Стиви, котик, – нахмурилась Элис, – ты же не будешь угрызаться?

– Если бы ты меня не заставила ее уволить...

– Не начинай, Стиви! Ты сделал то, что должен был сделать.

– Ты с ней после отъезда не общалась?

– Ну, может, по телефону говорила. Что это меняет?

– Господи, Элис, ты же только что сказала, что больше ее не видела!..

– Я и не видела. Но по телефону говорила. Один раз. Две недели назад.

– Ты еще скажи, что сама ей звонила, чтобы поиздеваться! Она знает, почему ее на самом деле уволили?

– Нет.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что это она мне позвонила, за советом. Беспокойная такая. Говорит: “Мне надо охмурить одного мужика”. А я ей: “Да запросто: ты у него сосеешь, обещаешь дать, а он тебе взамен клянется в верности до гроба”.

– Интересно, про что шла речь. Наверно, надо было сообщить в полицию.

– Никакой полиции... А теперь будь паинькой и замолчи.

– Но...

– Не серди меня, Стиви! Ты знаешь, что бывает, когда ты меня нервируешь. У тебя есть рубашка на смену? А то эта вся жеваная. Давай прихорашивайся, я хочу вечером куда-нибудь пойти.

– Я сегодня не могу, я...

– А я сказала, что хочу куда-нибудь пойти!

Бергдорф понуро вышел из кабинета и поплелся налить себе кофе. Позвонил жене, сказал, что ему нужно срочно доделывать номер и к ужину он не приедет. Нажав на отбой, он закрыл лицо руками. Как он до такого докатился? Как так вышло, что он на шестом десятке связался с этой девчонкой?

* * *

Мы с Анной не сомневались, что деньги, обнаруженные у Стефани, – это один из ключей к расследованию. Откуда у нее дома взялись эти 10 тысяч долларов наличными? Стефани зарабатывала полторы тысячи в месяц; после оплаты жилья и страховки, расходов на машину и еду у нее должно было оставаться всего ничего. Если это личные сбережения, то они бы скорее лежали на счете в банке.

Всю вторую половину дня мы расспрашивали родителей Стефани и ее друзей на предмет этих денег, но так ничего и не выяснили. Родители утверждали, что дочь всегда полагалась только на себя.

Получила стипендию на учебу в университете, а потом жила на зарплату. Друзья говорили, что Стефани под конец месяца часто сидела на мели. Они плохо себе представляли, как она могла что-то откладывать.

Уезжая из Орфеа, я, вместо того чтобы выехать по Мейн-стрит прямо на 17-е шоссе, а оттуда на автостраду, почти безотчетно завернул в квартал Пенфилд и добрался до Пенфилд-кресент. Миновал скверик и затормозил перед домом, где двадцать лет назад, когда все началось, жил мэр города Гордон.

Там я стоял довольно долго. По дороге домой мне захотелось заехать к Дереку и Дарле. Сам не знаю зачем: то ли повидать Дереку, то ли просто неохота было сидеть одному, а кроме него, у меня никого не было.

К их дому я подъехал ровно в восемь. Постоял под дверью, не решаясь нажать на звонок. Из дома доносились громкие веселые голоса, все семейство ужинало на кухне. По воскресеньям у Дереку ели пиццу.

Я тихонько подошел к окну и стал смотреть, как они ужинают. У Дереку было трое детей, все еще учились в школе. Старший на будущий год собирался поступать в университет. Вдруг кто-то из них меня заметил. Все повернулись к окну и уставились на меня.

Дерек вышел на крыльцо с бумажной салфеткой в руке, дожевывая кусок пиццы.

– Джесси, – удивился он, – ты чего на улице торчишь? Идем, поужинаешь с нами.

– Нет, спасибо. Не так уж я голоден. Слушай, тут в Орфеа какие-то странные дела творятся...

– Джесси, – вздохнул Дерек, – ты еще скажи, что все выходные там просидел!

Я быстро пересказал ему последние события.

– Больше никаких сомнений, – подытожил я. – Стефани нашла что-то новое про то четверное убийство девяносто четвертого года.

– Это только твои предположения, Джесси.

– Но послушай! – воскликнул я. – Есть эта бумажка с “Черной ночью”, которую нашли в машине Стефани, записка с теми же самыми словами лежит в коробке вместо полицейского досье об этом убийстве, а само досье исчезло! Причем она связывает это все с театральным фестивалем, который, как ты помнишь, проходил первый раз именно в 1994 году! Это называется никаких фактов?

– Ты видишь связи, которые хочешь видеть, Джесси! Ты хоть понимаешь, что означает пересмотреть дело 1994 года? Это означает, что мы тогда сели в лужу.

– А если мы в самом деле сели в лужу? Стефани сказала, что мы упустили главную деталь, а та лежала прямо у нас перед глазами.

– И что мы тогда сделали не так, интересно? – разозлился Дерек. – Ты мне скажи, Джесси, что мы сделали не так?! Ты же прекрасно помнишь, насколько тщательно мы работали. Досье такое, что комар носу не подточит! По-моему, тебя перед уходом из полиции одолели дурные воспоминания. Нельзя вернуться в прошлое, сделанного не воротишь! Так какого черта тебе не сидится? Зачем пересматривать дело?

– Потому что так надо!

– Никому это не надо, Джесси! Ты с завтрашнего дня больше не коп. Что ты лезешь в какое-то говно, которое тебя не касается?

– Я думаю попросить отсрочку. Не могу я просто так уйти из полиции. Не могу жить со всем этим на совести!

– Ну а я могу!

Он сделал вид, что хочет закрыть дверь и прекратить ненужный разговор.

– Помоги мне, Дерек! – воскликнул я. – Если я завтра не представлю майору прямого доказательства, что Стефани Мейлер связана с расследованием девяносто четвертого года, он меня заставит раз навсегда закрыть это дело.

Он оглянулся:

– Зачем ты так, Джесси? – спросил он. – Зачем тебе ворошить это дерьмо?

– Давай поработаем вместе, Дерек...

– Я уже двадцать лет как не оперативник, Джесси. Что ты меня опять туда тянешь?

– Ты лучший коп, какого я знаю, Дерек. Ты всегда был куда лучшим полицейским, чем я. И это ты должен был стать капитаном нашего подразделения, а не я.

– Не учи меня жить, Джесси, не тебе судить, как мне надо было строить карьеру! Ты прекрасно знаешь, почему я последние двадцать лет сидел за столом и заполнял бумажки.

– По-моему, у нас есть шанс все поправить, Дерек.

– Ничего поправить нельзя, Джесси. Если хочешь зайти и съесть кусок пиццы, добро пожаловать. Но вопрос о расследовании закрыт.

Он толкнул входную дверь.

– Завидую тебе, Дерек, – произнес я.

Он обернулся:

– Ты? Ты мне завидуешь? Да чему тебе завидовать?

– Ты любишь, и тебя любят.

Он досадливо мотнул головой:

– Джесси, Наташи нет с нами уже двадцать лет. Тебе давно пора начать новую жизнь. Мне иногда кажется, что ты будто ждешь, когда она вернется.

– Каждый день, Дерек. Каждый день я говорю себе, что она вернется. Каждый раз я прихожу домой в надежде, что она там.

Он вздохнул.

– Не знаю, что тебе сказать. Мне очень жаль. Ты должен когонибудь себе найти. В жизни надо двигаться вперед, Джесси.

Он вернулся в дом, а я – к своей машине. Трогаясь с места, я увидел, как из дома вышла Дарла и решительно двинулась ко мне. Вид у нее был очень сердитый, и я знал почему. Я опустил стекло.

– Отстань от него, Джесси! Не буди призраки прошлого.

– Послушай, Дарла...

– Нет, Джесси, это ты меня послушай! Дерек не заслужил такого от тебя! Отвяжись от него со своим расследованием! Не мучай его! Если тебе приспичило ворошить прошлое, лучше вообще не приходи. Мне что, напомнить тебе, что случилось двадцать лет назад?

– Нет, Дарла, не надо! Не надо мне ничего напоминать. Я и так все помню, каждый день. Каждый долбаный день, слышишь, Дарла? Каждое долбаное утро, когда просыпаюсь, и каждый вечер, когда ложусь спать.

Она грустно посмотрела на меня, явно жалея, что затронула эту тему.

– Прости, Джесси. Пойдем поужинаем, у нас осталась пицца, я сделала тирамису.

– Нет, спасибо. Домой поеду.

Я нажал на газ.

Дома я налил себе виски и вытащил папку, к которой не притрагивался уже много лет. Внутри лежал ворох газетных статей 1994 года. Я долго просматривал их. Одна привлекла мое внимание.

ПОЛИЦИЯ СЛАВИТ ГЕРОЯ

Вчера на церемонии, состоявшейся в окружном отделении полиции штата, сержант Дерек Скотт был награжден медалью за отвагу, проявленную при спасении жизни своего напарника, инспектора Джесси Розенберга. Скотт совершил подвиг в ходе задержания опасного преступника, убившего четырех человек этим летом в Хэмптонах.

От размышлений меня оторвал звонок в дверь. Я взглянул на часы: кого это несет так поздно? Взял револьвер, лежавший на столе, бесшумно подкрался к двери и посмотрел в глазок. На крыльце стоял Дерек.

Я открыл дверь и с минуту молча глядел на него. Он заметил, что я вооружен:

– Ты правда считаешь, что дело серьезное, да?

Я кивнул.

– Показывай, что там у тебя.

Я достал все, что удалось раздобыть, и разложил на столе в столовой. Дерек изучил фото с камер наблюдения, найденную в машине записку, наличность и выписки с кредитной карты.

– Стефани явно тратила больше, чем зарабатывала, – пояснил я. – Один только билет в Лос-Анджелес стоил девятьсот долларов. У нее должен был быть еще один источник дохода. Надо выяснить какой.

Дерек просматривал счета Стефани, и я заметил в его глазах искорки, которых не видел уже много лет. Он долго перебирал выписки с кредитки, потом взял ручку и обвел ежемесячное автоматическое списание в 60 долларов, возникшее в ноябре.

– Получатель платежа – некая фирма под названием *SVMA*, – сказал он. – Тебе это что-то говорит?

– Нет, ничего.

Он схватил со стола мой ноутбук и забил название в поисковик.

– Это мебельный склад самообслуживания в Орфеа, – сообщил он, поворачивая ко мне дисплей.

– Мебельный склад? – поразился я, вспомнив свою беседу с Трудни Мейлер. Мать Стефани утверждала, что у дочери в Нью-Йорке было совсем немного вещей и она перевезла их прямо на квартиру в Орфеа. Зачем ей понадобилось арендовать с ноября мебельный склад?

Склад был открыт круглосуточно, и мы решили немедленно ехать туда. Я показал ночному сторожу свой жетон, и тот, справившись с реестром, указал номер бокса, арендованного Стефани.

Мы миновали вереницу дверей и опущенных жалюзи и остановились перед металлической шторой, запертой на висячий замок. Я захватил с собой кусачки по металлу, без труда справился с

замком и поднял штору. Дерек осветил помещение карманным фонариком.

Зрелище, представшее нашим глазам, повергло нас в изумление.

Дерек Скотт

Начало августа 1994 года. Со дня убийства прошла неделя.

Мы с Джесси отдавали расследованию все силы, работали день и ночь, забыв про сон, выходные и сверхурочные.

Наш штаб располагался в квартире Джесси и Наташи, там было куда уютнее, чем в холодном кабинете в полиции штата. Мы устроились в гостиной, поставили там две походных койки и приходили и уходили, когда нам удобно. Наташа заботилась о нас. Ей случалось вставать посреди ночи, чтобы приготовить нам поесть. Она говорила, что это лучший способ опробовать блюда, которые она включит в меню своего ресторана.

– Джесси, – говорил я с набитым ртом, смакуя Наташину стряпню, – поклянись, что ты на ней женишься. Это не женщина, а совершенная фантастика.

– А я и собираюсь, – ответил однажды вечером Джесси.

– Когда свадьба? – в восторге воскликнул я.

– Совсем скоро, – улыбнулся он. – Хочешь кольцо посмотреть?

– А то!

Он на секунду отлучился и вернулся с футляром; в нем покоился великолепный бриллиант.

– Бог ты мой, Джесси, да оно обалденное!

– Это бабушкино, – сказал он, быстро пряча футляр в карман: в комнату входила Наташа.

* * *

Баллистический анализ не оставлял сомнений: жертвы были застрелены из одного оружия, пистолета марки “Беретта”. Все убийства совершил один человек. Эксперты полагали, что, скорее всего, это мужчина: не только из-за тяжести преступления, но и

потому, что входную дверь дома выбили сильным ударом ноги. Впрочем, она даже не была заперта.

Следственный эксперимент, проведенный по запросу прокуратуры, позволил восстановить следующую картину событий: убийца вышиб дверь дома Гордонов; вначале столкнулся в прихожей с Лесли Гордон и выстрелил ей в грудь, почти в упор. Потом заметил в гостиной ребенка и убил его в спину двумя пулями, выпущенными из коридора. Затем убийца направился на кухню, видимо услышав шум. Мэр, Джозеф Гордон, пытался выбежать в сад через застекленную дверь кухни. Четырежды выстрелив ему в спину, стрелок направился по коридору к входной двери. Ни одна пуля не прошла мимо цели, значит, стрелок был опытный.

Выйдя из дома через парадный вход, он налетел на Меган Пейделин, совершавшую пробежку. Та наверняка пыталась убежать, и он убил ее двумя выстрелами в спину. Действовал он, вероятно, без маски, потому что затем сделал контрольный выстрел в голову, в упор, словно желая убедиться, что женщина мертва и не заговорит.

Дополнительная сложность заключалась в том, что в деле имелось двое косвенных свидетелей, но они мало чем могли помочь следствию. В момент убийства Пенфилд-кресент была почти безлюдна. Из восьми домов, находящихся на улице, один был выставлен на продажу, а обитатели пяти других ушли в Большой театр. В последнем жила семья Беллами, но в тот вечер дома оставалась только Лина Беллами, молодая мать троих детей, и ее младший сын, которому едва исполнилось три месяца. Ее муж Терренс отправился с двумя старшими на набережную.

Лина Беллами, конечно, слышала выстрелы, но приняла их за салют на набережной по случаю открытия фестиваля. Тем не менее прямо перед этими хлопками она заметила на улице черный фургон с большим логотипом на заднем стекле, но описать его не смогла. Помнила, что там что-то нарисовано, но не присматривалась и не запомнила, что именно.

Вторым свидетелем был одинокий мужчина, Альберт Плант, живший в одноэтажном доме на параллельной улице. Когда-то он попал в аварию, передвигался только в инвалидной коляске и в тот вечер остался дома. Когда раздались выстрелы, он как раз ужинал. Серия хлопков привлекла его внимание, он вышел на крыльцо послушать, что такое творится в квартале. Сообразил посмотреть на часы: было 19.10. Но потом снова воцарилась тишина, и он решил, что это дети забавлялись с петардами. Посидел на пороге, наслаждаясь вечерним теплом, а потом, примерно через час, около 20.20, услышал крики какого-то мужчины, звавшего на помощь. Он немедленно позвонил в полицию.

Одна из главных трудностей заключалась в отсутствии мотива преступления. Чтобы выяснить, кто убил мэра и его семью, нам надо было знать, у кого были причины это сделать. Но на первых порах расследование ни к чему не привело. Мы опросили жителей города, муниципальных чиновников, родных и друзей мэра и его жены – все напрасно. Гордоны, казалось, жили тихо и мирно. Ни явных врагов, ни долгов, никаких драм, никакого мутного прошлого. Ничего. Самая обычная семья. Лесли Гордон, супруга мэра, работала учительницей в начальной школе Орфеа, ее очень ценили; о самом мэре все отзывались в высшей степени положительно, горожане относились к нему неплохо, и все полагали, что на муниципальных выборах в сентябре, на которых против Гордона выдвигался его заместитель Алан Браун, его выберут на второй срок.

Однажды под вечер, когда мы в энный раз перебирали документы, я сказал Джесси:

– А если Гордоны не собирались никуда убежать? Может, мы с самого начала просчитались?

– Это ты к чему, Дерек?

– Гляди, мы уткнулись в тот факт, что Гордон был дома, а не в Большом театре и что у них были сложены чемоданы.

– Согласись, довольно странно, что мэр решил не появляться на открытии фестиваля, который сам же и основал, – возразил Джесси.

– Может, он просто опаздывал, – сказал я. – И как раз собирался туда отправиться. Начало официальной церемонии в 19.30, у него было время добраться до Большого театра. На машине туда минут десять, не больше. Что до чемоданов, то, возможно, Гордоны собирались в отпуск. У его жены и сына летние каникулы, все логично. Они думали уехать на следующий день с раннего утра и хотели сложить вещи перед тем, как двинуться в Большой театр, они ведь знали, что вернутся поздно.

– А как ты объяснишь, что их убили? – поинтересовался Джесси.

– Неудачное ограбление, – предположил я. – Кто-то думал, что Гордоны в этот момент уже в Большом театре и можно спокойно попасть в дом.

– Вот только пресловутый грабитель, похоже, ничего не взял, кроме их жизней. А чтобы войти, вышиб дверь ногой? Не самый незаметный способ. К тому же никто из муниципальных служащих не упоминал, что мэр собирается в отпуск. Нет, Дерек, тут что-то другое. Тот, кто их застрелил, хотел их убрать. Слишком жестокое убийство, чтобы можно было сомневаться.

Джесси достал из дела фото убитого мэра, сделанное в доме, долго его разглядывал, потом спросил:

– Тебя ничто не удивляет на этой фотографии, Дерек?

– Ты имеешь в виду, кроме того, что мэр плавает в луже крови?

– Он не в костюме и без галстука, – сказал Джесси. – Он в домашней одежде. Чтобы мэр отправился открывать фестиваль в таком наряде? Это же чушь. Знаешь, Дерек, что я думаю? Я думаю, что мэр и не собирался на спектакль.

На снимках открытого чемодана рядом с Лесли виднелись фотоальбомы и какая-то безделушка.

– Взгляни, Дерек, – продолжал Джесси. – Лесли Гордон, когда ее убили, укладывала в чемодан вещи. Кто будет брать в отпуск фотоальбомы? Они собирались бежать. Возможно, от того, кто их

убил. От кого-то, кто точно знал, что на театральном фестивале их не будет.

Наташа вошла в комнату как раз на последних словах Джесси.

– Что, парни, напали на след? – улыбнулась она.

– Если бы, – вздохнул я. – Кроме черного фургона с рисунком на заднем стекле, ничего. Да и с ним ничего конкретного.

Нас прервал звонок в дверь.

– Кто это? – спросил я.

– Дарла, – ответила Наташа. – Пришла взглянуть на планы обустройства ресторана.

Я собрал все документы и сложил в картонную папку.

– Ни слова ей о расследовании, – велел я Наташе, направившейся к двери.

– Ладно, Дерек, – равнодушно сказала она.

– Это очень серьезно, Нат, – повторил я. – Мы должны соблюдать тайну следствия. Нас тут быть не должно, ты не должна все это видеть. У нас с Джесси могут быть неприятности.

– Я ничего не скажу, обещаю, – заверила Наташа.

Наташа открыла дверь, и Дарла, войдя в квартиру, сразу заметила папку у меня в руках.

– И как движется расследование? – спросила она.

– Ничего, – ответил я.

– Ну Дерек, неужели это все, что ты можешь мне сказать? – игриво настаивала Дарла.

– Тайна следствия, – отрезал я.

Ответ, помимо моей воли, прозвучал довольно сухо. Дарла сердито насупилась:

– Фу-ты ну-ты, тайна следствия! Наташа-то небось в курсе всего.

Джесси Розенберг

Понедельник, 30 июня 2014 года

26 дней до открытия фестиваля

Я разбудил Анну в половине второго ночи и попросил приехать к нам с Дерекком на мебельный склад. Она знала, где он находится, и через двадцать минут была на месте. Мы встретили ее на парковке. Ночь стояла теплая, в небе сияли звезды.

Я представил Анне Дерекка и сказал:

– Это Дерек выяснил, где Стефани вела свое расследование.

– На мебельном складе? – удивилась она.

Мы с Дерекком одновременно кивнули и повели Анну вдоль рядов металлических штор к номеру 234-А. Я поднял штору и зажег свет. Перед Анной открылась маленькая, два на три метра, комнатка, вся заваленная документами, относившимися к убийствам 1994 года. Там были статьи из тогдашних местных газет, в частности, подборка статей из “Орфеа кроникл”. Были увеличенные фотографии каждой жертвы, фото дома мэра, сделанное в день преступления и, судя по всему, вырезанное из какой-то статьи. На переднем плане мы с Дерекком и группа полицейских стояли у белой простыни, скрывавшей тело Меган Пейделин. На снимке Стефани написала фломастером:

То, что было у нас перед глазами и чего никто не увидел.

Из мебели там был только стул и столик, за которым Стефани, по-видимому, провела долгие часы. На этом импровизированном письменном столе – бумага и ручки. А на стене, так чтобы был перед глазами, прилеплен листок с надписью:

Найти Курка Харви

– Кто такой Кирк Харви? – вслух спросила Анна.
– Когда случились эти убийства, он был шефом полиции Орфеа, – ответил я. – Вел с нами расследование.
– И где он теперь?
– Не имею понятия. Думаю, давно вышел в отставку. Мы обязательно должны с ним связаться, возможно, он говорил со Стефани.
Роясь в куче бумаг на столе, я обнаружил еще кое-что.
– Погляди, Анна, – сказал я, протягивая ей квадратный листочек.
Это был билет на самолет до Лос-Анджелеса. Стефани написала на нем:

Черная ночь → Архивы полиции

– Опять эта Черная ночь, – прошептала Анна. – Что это может значить?
– Что ее поездка в Лос-Анджелес была связана с расследованием, – предположил я. – И теперь у нас есть полная уверенность в том, что Стефани действительно расследовала убийства девяносто четвертого года.
На стене висело фото мэра Брауна по крайней мере двадцатилетней давности. Похоже, кадр из видеозаписи. Браун стоял перед микрофоном с листком в руке, словно произносил речь. Листок также был обведен фломастером. Задний план походил на сцену в Большом театре.
– Наверно, это Браун произносит приветственную речь на фестивале в Большом театре в вечер убийства, – сказал Дерек.
– Откуда ты знаешь, что это вечер убийства? – спросил я. – Ты что, помнишь, как он был тогда одет?
Дерек взял в руки фото из газетной статьи, где тоже был запечатлен Браун:
– Костюм вроде тот же самый.

На мебельном складе мы просидели всю ночь. Камер там не было, сторож ничего не видел: по его словам, ему нужно было там появляться, если возникнут проблемы, но до сих пор никаких проблем не возникало. Клиенты приходили и уходили, когда хотели, никто за ними не следил и не задавал лишних вопросов.

Группа криминалистов из полиции штата примчалась на место и приступила к осмотру. В ходе тщательного обыска был обнаружен компьютер Стефани, спрятанный в пустой коробке с двойным дном: кто-то из полицейских хотел ее переставить и удивился, почему она такая тяжелая.

– Вот что искал тот, кто поджег квартиру и ограбил редакцию, – произнес я.

Криминалисты забрали компьютер на изучение. А мы с Анной и Дерекком взяли с собой все документы, наклеенные на стену склада, и развесили их в точно таком же порядке в кабинете Анны. В 6.30 утра Дерек, с трудом продирая слипающиеся глаза, прикинул фото дома Гордона, долго всматривался в него и еще раз прочитал вслух сделанную Стефани надпись: “То, чего никто не увидел”. Водя носом по снимку, он изучал лица людей на нем.

– Так, это мэр Браун, – показал он на человека в светлом костюме. И добавил, ткнув пальцем в крошечную головку: – А вон тот – шеф Кирк Харви.

Мне пора было ехать в окружное отделение полиции штата, отчитываться о своих достижениях перед майором Маккенной. Дерек отправился со мной. Когда мы ехали вниз по Мейн-стрит, залитой утренним солнцем, Дерек, тоже впервые за два десятилетия оказавшийся в Орфеа, произнес:

– Ничего тут не изменилось. Словно и не было этих лет.

Через час мы сидели в кабинете майора, и тот ошарашенно слушал мой рассказ о прошедших выходных. Обнаружив мебельный склад, мы наконец получили доказательство того, что Стефани

расследовала убийства 1994 года и, возможно, установила что-то важное.

– Едрить твою в корень, Джесси, – выдохнул Маккенна, – неужели это дело будет гоняться за нами всю жизнь?

– Надеюсь, что нет, майор, – ответил я. – Но расследование надо довести до конца.

– Ты хоть понимаешь, что это значит, если вы тогда налажали?

– Что ж тут не понимать. Именно поэтому я бы хотел остаться в полиции, пока не доведу все до конца.

Он вздохнул:

– Ты же знаешь, Джесси, какую уйму времени это у меня займет – бумажки, объяснения с начальством...

– Знаю, майор. Простите.

– А что будет с пресловутым проектом, из-за которого ты решил подать в отставку?

– Никуда не денется, подождет, пока я не закрою дело, – заверил я.

Маккенна, ворча, вытащил из ящика какие-то формуляры.

– Только ради тебя, Джесси. Потому что ты лучший коп, какого я когда-либо знал.

– Я вам очень признателен, майор.

– Между прочим, я уже кому-то отдал твой кабинет с зав трашнего дня.

– Кабинет мне не нужен, майор. Сейчас схожу заберу вещи.

– И я не хочу, чтобы ты вел расследование в одиночку. Назначу тебе напарника. Правда, ты сегодня должен был уйти, и остальные пары в вашем подразделении уже составлены, но не волнуйся, я тебе кого-нибудь подыщу.

Дерек, сидевший рядом со мной, наконец нарушил молчание:

– Я готов пособить Джесси, майор. Поэтому я и здесь.

– Ты, Дерек? – удивился Маккенна. – А ты когда последний раз занимался оперативной работой?

– Двадцать лет назад.

– Мебельный склад мы обнаружили только благодаря Дереку, – вставил я.

Майор опять вздохнул. Он явно был взволнован.

– Дерек, я правильно понимаю, что ты хочешь заново взяться за расследование, из-за которого ушел с оперативной работы?

– Да, – решительно ответил Дерек.

Майор долго смотрел на нас, потом спросил:

– Где твоё табельное оружие, Дерек?

– В письменном столе лежит.

– Ты ещё не забыл, как им пользоваться?

– Нет.

– Ладно, только сделай милость, сходи в тир и разряди обойму в мишень, прежде чем гулять с этой штукой на поясе. Господа, закройте мне это дело быстро и чисто. У меня нет никакого желания получать громы небесные на нашу голову.

* * *

Пока мы с Дерекком были у Маккенны, Анна времени зря не теряла. Она загорелась идеей разыскать Кирка Харви, но это оказалось куда более сложным делом, чем она думала. Несколько часов она пыталась выйти на след бывшего шефа полиции, но безуспешно. Он вообще пропал с горизонта: ни адреса, ни телефона. Исчерпав все возможности, она решила обратиться к единственному человеку в Орфеа, которому доверяла, – к своему соседу Коди, и отправилась к нему в книжный магазин, находившийся поблизости от редакции “Орфеа кроникл”.

– Хоть бы кошка какая сегодня забежала, что ли, – вздохнул Коди, увидев ее.

Ясно: услышал, как открылась дверь, и надеялся увидеть покупателя, поняла Анна.

– Надеюсь, хоть Четвертого июля на фейерверк народ подвалит, – продолжал Коди. – Июнь вообще кошмарный был.

Анна взяла с рекламной стойки какой-то роман:

– Хороший?

– Ничего.

– Тогда беру.

– Анна, ты вовсе не обязана...

– Мне читать нечего. Как раз кстати.

– Но ты же не за этим пришла, я так думаю.

– Не *только* за этим, – улыбнулась она, протягивая ему бумажку в пятьдесят долларов. – Можешь мне рассказать про убийство четырех человек в 1994 году?

Он нахмурился:

– Давненько я ничего не слышал об этой истории. Что тебя интересует?

– Просто любопытно, какая тогда атмосфера была в городе.

– Ужасная, – ответил Коди. – Люди, естественно, были в шоке. Сама понимаешь, целую семью прикончили, с маленьким мальчиком. И Меган. На редкость милая была девушка, ее тут все обожали.

– Ты хорошо ее знал?

– Еще бы мне ее не знать, она у меня в магазине работала. Книги тогда улетали как горячие пирожки, причем в основном благодаря ей. Сама посуди, молодая красивая продавщица, увлеченная, блестящая, просто прелесть! Со всего Лонг-Айленда народ приезжал ради нее. Такой ужас! Такая несправедливость! Для меня это был страшный удар. В какой-то момент я даже думал все бросить и уехать отсюда. Но куда? У меня все связи здесь. Знаешь, Анна, что хуже всего? Люди сразу поняли: Меган умерла, потому что узнала убийцу Гордонов. Значит, он здешний. Кто-то, кого мы знаем. С кем встречаемся в супермаркете, на пляже или даже в книжной лавке. Когда убийцу нашли, к несчастью, выяснилось, что мы не ошиблись.

– Кто он такой?

– Тед Тенненбаум, вполне симпатичный человек, приветливый, из хорошей семьи. Активный, равнодушный. По профессии ресторатор. Член добровольной пожарной охраны. Помогал организовывать первый фестиваль.

Коди вздохнул:

– Не хочется обо всем этом говорить, слишком больно.

– Прости, Коди. Только один вопрос, последний: тебе что-то говорит имя Кирк Харви?

– Да, он раньше был шефом полиции. Как раз перед Гулливером.

– И куда он делся? Я пытаюсь его разыскать.

Коди как-то странно посмотрел на нее.

– Он почти сразу исчез, – ответил он, отсчитывая сдачу и засовывая книгу в бумажный пакет. – И больше о нем никто ничего не слышал.

– А почему, что случилось?

– Никто не знает. Просто в один прекрасный день, осенью 1994 года, взял и пропал.

– То есть в том же году, когда случилось убийство?

– Да, через три месяца. Потому и помню. Странное выдалось лето. Жители по большей части постарались забыть, что тогда случилось.

С этими словами он взял ключи и сунул в карман мобильник, лежавший на стойке.

– Уходишь? – спросила Анна.

– Да, раз все равно никого нет, пойду немножко поработаю с волонтерами в Большом театре. Кстати, тебя что-то давно не видно.

– Знаю, просто сейчас работы выше головы. Хочешь, подвезу? Как раз собиралась в Большой театр, расспросить волонтеров насчет Стефани.

– С удовольствием.

Большой театр находился рядом с кафе “Афина”, то есть в конце Мейн-стрит, почти напротив курортного комплекса.

Вход в общественные здания в Орфеа не охранялся, как и во всех мирных городах, и Анна с Коди просто толкнули входную дверь и оказались в театре. Миновали вестибюль, потом прошли через зрительный зал по центральному проходу, меж рядов красных бархатных кресел.

– Представь, каково здесь будет через месяц, сколько народу, – с гордостью сказал Коди. – И все благодаря волонтерам.

Он одним прыжком взлетел по лесенке, ведущей на сцену, Анна поднялась за ним. Откинув занавес, они попали за кулисы и, пройдя по лабиринту коридоров, оказались у двери, за которой гудел рой сновавших туда-сюда волонтеров: одни занимались билетами, другие решали вопросы логистики. В одной из комнат готовили афиши для расклейки и вычитывали буклеты перед отправкой в типографию. В мастерской еще одна команда сооружала деревянные каркасы декораций.

Анна успела переговорить со всеми волонтерами. Большинство из них накануне не приходили в Большой театр, потому что участвовали в операции по поиску Стефани; они окружили ее, спрашивали, как продвигается расследование.

– Не так быстро, как мне бы хотелось, – призналась она. – Но, насколько я знаю, она часто приходила в Большой театр. Сама с ней несколько раз пересекалась.

– Да, – подтвердил низенький господин, занимавшийся билетами, – она писала статьи про волонтеров. А тебя она не расспрашивала, Анна?

– Нет.

Ей самой это даже в голову не пришло.

– Меня тоже, – заметил другой мужчина, недавно поселившийся в Орфеа.

– Наверняка потому, что вы новенькие, – предположил кто-то.

– Да, верно, – подхватил еще один волонтер. – Вас же в 1994 году здесь не было.

– В 1994 году? – удивилась Анна. – Стефани говорила с вами про девяносто четвертый год?

– Ага. Ее в основном интересовал самый первый театральный фестиваль.

– И что она хотела знать?

На этот вопрос Анна получила ворох самых разных ответов, но один всплывал регулярно: Стефани почти всех расспрашивала о пожарном, находившемся в театре во время открытия фестиваля. Она собирала свидетельства волонтеров, словно пытаясь во всех подробностях восстановить программу того вечера.

В конце концов Анна направилась к Коди, в клетушку, служившую ему кабинетом. Он сидел за каким-то столом, перед ним стоял старый компьютер, а вокруг громоздились целые горы бумаг.

– Ну что, Анна, перестала отвлекать моих волонтеров? – пошутил он.

– Коди, ты, случайно, не помнишь, кто был тот пожарный, что дежурил на открытии фестиваля 1994 года? Он еще живет в Орфеа?

Коди вытаращил глаза:

– Не помню ли я? Господи, Анна, сегодня правда какой-то день призраков. Это был Тед Тенненбаум, тот самый, что убил четырех человек в девяносто четвертом. А найти ты его не найдешь, потому что его нет в живых.

Анна Каннер

Осенью 2013 года добродушная атмосфера, царившая в полиции Орфеа в момент моего появления, продержалась от силы пару дней. Вскоре началась притирка, первые трудности. Для начала всплыла организационная деталь: встал вопрос, как быть с туалетами. В той части помещения, что была отведена полицейским, туалеты находились на каждом этаже, но все мужские, с рядами писсуаров и кабинок.

– Надо просто сделать один туалет женским, – сказал кто-то из полицейских.

– Да, но тогда придется ходить писать на другой этаж, не удобно, – возразил другой.

– Можно считать, что туалеты смешанные, – предложила я, чтобы не усугублять ситуацию. – Если, конечно, это никого не смущает.

– А мне неловко писать, когда в кабинке за спиной делает свои дела женщина, – отозвался еще один мой новый коллега, поднимая руку, как школьник.

– Заедает у тебя, что ли? – хихикнул кто-то.

Все дружно расхохотались.

Оказалось, что возле приемной, прямо рядом с окошком, есть мужской и женский туалет. Мы решили, что я буду пользоваться гостевым женским туалетом. Всякий раз, захотев в туалет, я должна была спускаться в приемную, но меня это вполне устраивало. До тех пор, пока я однажды не заметила, что полицейский в приемной, хихикая, подсчитывает мои походы.

– Что-то она больно часто писает, – шепнул он коллеге, высунувшись в окошко. – Уже третий раз сегодня.

– Может, у нее месячные, – ответил тот.

– Или пальчиком работает, мечтает о Гулливере.

Оба прыснули.

– А тебе надо, чтобы она о тебе мечтала, что ли? Она же с прибабахом, не видишь?

Другой проблемой смешанного личного состава стала раздевалка. Во всем здании была только одна большая раздевалка, с душами и шкафчиками; здесь полицейские могли переодеться перед началом и после конца смены. В результате моего появления доступ в раздевалку для всего мужского населения оказался закрыт, притом что я об этом вовсе не просила. Шеф полиции Гулливер повесил на дверях, под гравированной металлической табличкой раздевалка, бумажку с надписью “женская”. “Раздевалки для мужчин и женщин должны быть отдельные, так полагается, – объяснил Гулливер ошарашенным полицейским. – Мэр Браун требует, чтобы Анне было где переодеться. Стало быть, отныне, господа хорошие, вы будете переодеваться у себя в кабинете”. Все дружно заворчали; я сказала, что лучше сама буду переодеваться в кабинете, но Гулливер не согласился: “Того гляди, парни застанут тебя в трусах, мне только этих историй не хватало для полного счастья. – И добавил с сальным смешком: – И вообще, штаны держи застегнутыми на все пуговицы, смекаешь, что к чему?” В конце концов был найден компромисс: мы решили, что я буду переодеваться дома и приезжать на службу прямо в форме. Все остались довольны.

Но назавтра, не успела я выйти из машины на служебной парковке, как Гулливер вызвал меня к себе в кабинет.

– Анна, я не хочу, чтобы ты разъезжала в форме на личной машине.

– Но на работе мне негде переодеться, – сказала я.

– Знаю. Поэтому хочу предоставить в твое распоряжение одну из наших немаркированных машин. Когда ты в форме, ездь на ней.

Так я оказалась обладательницей служебного авто – черного внедорожника с тонированными стеклами и скрытыми маячками над лобовым стеклом и за решеткой радиатора.

Но я не знала, что в автопарке полиции Орфеа всего две такие машины. Одну шеф Гулливер забрал в свое личное пользование, и

вторая, стоявшая на парковке, была вождленным сокровищем для всех моих коллег. И теперь это сокровище выделили мне, что, естественно, вызвало всеобщее раздражение.

– Почему ей привилегии? – возмущались коллеги на стихийном собрании в комнате отдыха. – Не успела явиться, а уже на особом положении.

– Выбирайте, парни, – сказала я, когда они ввалились ко мне. – Хотите, берите себе машину и отдайте мне раздевалку. Меня это вполне устроит.

– Да чего ты тут ломаешься, просто переодевайся в кабинете! – возразил кто-то. – Боишься, что ли? Мы тебя не изнасилуем.

Из-за этой машины случился мой первый невольный конфликт с Монтейном. Он уже давно на нее нацелился, а я ее увела у него из-под носа.

– Она должна была быть моя, – ныл он у Гулливера. – Я помощник или что? Ты меня на посмешище выставил!

Но Гулливер объяснил ему причину отказа:

– Слушай, Джаспер, я понимаю, ситуация непростая. Для всех и для меня первого. Поверь, я бы без этой дамы прекрасно обошелся. Женщины всегда создают напряжение в команде. Вечно что-то кому-то доказывают. Я уж не говорю про то, что, когда она забеременеет, нам придется выходить на сверхурочные, чтобы ее заменять!

Неприятности шли одна за другой. После проблем логистики под вопросом оказались мои знания и навыки. Я занимала пост второго помощника шефа полиции, созданный специально для меня. Официальная версия сводилась к тому, что Орфеа растет и развивается, у городской полиции прибавилось работы, ее штат вырос и появление в руководстве третьего человека позволит немного разгрузить Гулливера и его помощника Джаспера Монтейна.

Первым делом меня спросили:

– Зачем им понадобилось создавать для тебя специальный пост? Потому что ты женщина?

– Нет, – возразила я. – Они сначала создали пост, а потом стали искать, кто его займет.

Потом все обеспокоились:

– А если тебе придется драться, как мужику? Ты ведь женщина, одна в патрульной машине. Ты можешь задержать какого-нибудь парня в одиночку?

– А ты можешь? – в свой черед спросила я.

– Конечно.

– Так почему я не смогу?

Наконец меня попытались оценить:

– У тебя есть опыт оперативной работы?

– У меня опыт работы на улицах Нью-Йорка.

– Это разные вещи, – возражали мне. – Ты в Нью-Йорке чем занималась?

– Была переговорщиком в группе чрезвычайных ситуаций. Выезжать приходилось постоянно. Захваты заложников, семейные драмы, угрозы убийства.

Но коллеги пожимали плечами и твердили:

– Нет, это совершенно разные вещи.

* * *

Первый месяц я работала в паре с Льюисом Эрбаном, пожилым потрепанным полицейским; он собирался в отставку, и я должна была занять его место. Я быстро привыкла к ночному патрулированию на пляже и в городском парке, к протоколам ДТП, к выездам на потасовки после закрытия баров.

Но если в оперативной работе я быстро показала себя и как старший по званию, и как участник операций, то бытовые отношения складывались с трудом: пошатнулась сложившаяся к тому времени иерархия. Долгие годы Рон Гулливер и Монтейн были неким двуглавым начальством: два волка во главе стада. В октябре

следующего года Гулливер выходил в отставку, и считалось, что его место займет Монтейн. К тому же именно Монтейн фактически заправлял всем в местной полиции, Гулливер лишь делал вид, что отдает приказы. Гулливер был человек, в сущности, симпатичный, но плохой руководитель; Монтейн вертел им, как хотел, и уже давно возглавил командную цепочку. Но теперь все изменилось: после моего вступления в должность второго помощника мы командовали втроем.

Одного этого факта было вполне достаточно, чтобы Монтейн развернул широкую кампанию по моей дискредитации. Остальным полицейским он дал понять, что со мной лучше особо не сближаться. Ссориться с Монтейном никому не хотелось, и коллеги изо всех сил старались избегать любых вне служебных отношений со мной. Я знала, что в раздевалке, когда парни после дежурства договаривались сходить выпить пива, он их предупреждал:

– Не вздумайте позвать эту дуру. Если не хотите ближайшие десять лет чистить в отделении сортиры.

И полицейские хором заверяли его в своей верности:

– Нет, конечно!

Из-за этих интриг Монтейна мне было нелегко прижиться в Орфеа. Коллеги после службы видеть меня не желали. Если я приглашала их с женами на ужин, они либо сразу отвечали отказом, либо отказывались в последнюю минуту, а то и просто не приходили. Сейчас и не сосчитать, сколько раз я по воскресеньям сидела одна у стола, накрытого на восемь – десять человек, перед горами еды. Круг общения у меня был очень ограниченный: иногда я куда-нибудь ходила с женой мэра Шарлоттой Браун. Особенно мне нравилось кафе “Афина” на Мейн-стрит, я немного сблизилась с его владелицей, Сильвией Тенненбаум, мы порой болтали, но подругами нас назвать было трудно. Чаще всего я заходила к соседу, Коди Иллинойсу. Когда мне бывало скучно, я шла к нему в книжный магазин; время от времени ему помогала. К тому же Коди возглавлял ассоциацию волонтеров театрального фестиваля, и к лету

я вступила в нее: теперь, по крайней мере, один вечер в неделю у меня был занят, мы готовили театральный фестиваль, который открывался в конце июля.

Как только мне начинало казаться, что дела на работе идут получше, Монтейн снова принимался за дело. Теперь он перешел на новый уровень, копался в моем прошлом и награждал меня прозвищами с подтекстом, вроде “Анна-гашетка” или “Убивица”. Потом заявил коллегам: “Вы, парни, поосторожней, Анна, чуть что, стреляет. – И, заржав как ненормальный, добавил: – Анна, а народ знает, почему ты уехала из Нью-Йорка?”

Однажды утром я обнаружила на двери своего кабинета вырезку из старой газеты. Заголовок гласил:

МАНХЭТТЕН: ПОЛИЦИЯ УБИЛА ЗАЛОЖНИКА В ЮВЕЛИРНОМ МАГАЗИНЕ

Я влетела в кабинет Гулливера и ткнула ему в лицо этот клочок газеты:

– Это вы ему сказали, шеф? Это вы все рассказали Монтейну?

– Я здесь ни при чем, – отнекивался он.

– Тогда объясните, откуда он знает!

– Это лежит в твоём личном деле. Наверно, как-то оно попало ему в руки.

Решив от меня избавиться, Монтейн подстраивал так, чтобы меня отправляли на самые скучные и неблагодарные вызовы. Когда я в одиночку несла патрульную службу в городе или окрестностях, со мной нередко связывались по радио: “Каннер, говорит диспетчер. Срочный вызов”. Я мчалась по указанному адресу с сиреной и маячками, а по приезде выяснялось, что случилась сушная ерунда.

Дикие гуси перекрыли 17-е шоссе? Это ко мне.

Кот не может слезть с дерева? Это ко мне.

Пожилая дама впала в старческий маразм, постоянно слышит подозрительные шорохи и звонит по три раза за ночь? Это тоже ко

мне.

Я даже удостоилась фотографии в “Орфеа кроникл”, в статье о сбежавших из загона коровах. На снимке я, перемазанная с головы до ног, смешно тащу корову за хвост, тщетно пытаюсь вернуть ее на пастбище. И подпись: “Полиция в действии”.

После статьи на мне, само собой, оттоптались все коллеги в меру своего юмора; одну вырезку из газеты я нашла под дворниками служебной машины, неизвестная рука написала на ней черным фломастером: “Две коровы в Орфеа”. В довершение всех бед именно на тех выходных ко мне решили приехать из Нью-Йорка родители.

– Так вот зачем ты здесь? – вопрошал отец, тыча мне в нос номер “Орфеа кроникл”. – Пустила свой брак коту под хвост, чтобы возиться с коровами?

– Папа, мы с тобой что, уже ссоримся?

– Нет, но, по-моему, ты могла бы стать неплохим адвокатом.

– Знаю, папа. Ты мне уже лет пятнадцать об этом твердишь.

– Уму непостижимо, столько времени изучать право, чтобы стать копом в каком-то городишке! Какая чушь!

– Я люблю свою работу, это важнее всего, разве нет?

– Я собираюсь сделать Марка компаньоном, – наконец сообщил он.

– Господи, папа, – вздохнула я, – ты что, жить не можешь без моего бывшего мужа?

– Знаешь, он классный парень.

– Папа, не начинай! – взмолилась я.

– Он готов тебя простить. Вы могли бы сойтись снова, ты бы поступила к нам в адвокатскую контору...

– Я горжусь тем, что я коп, папа.

Джесси Розенберг

Вторник, 1 июля 2014 года

25 дней до открытия фестиваля

Стефани пропала уже неделю назад.

В округе все только об этом и говорили. Кто-то пребывал в уверенности, что она сама все подстроила, но таких было немного. Большинство считали, что с ней случилось несчастье, и тревожились: кто станет следующей жертвой? Мать семейства, отправившаяся в магазин? Девушка по дороге с пляжа?

В то утро, 1 июля, мы с Дерекком и Анной завтракали в кафе “Афина”. Анна рассказала нам о загадочном исчезновении Кирка Харви; ни я, ни Дерек в свое время ничего об этом не знали. Стало быть, он исчез после того, как убийство было раскрыто.

– Я заезжала в архив “Орфеа кроникл”, – сказала Анна. – Копалась в статьях девяносто четвертого года о первом фестивале. И смотрите, что я нашла...

Она положила перед нами ксерокопию статьи; заголовок гласил:

ВЕЛИКИЙ КРИТИК ОСТРОВСКИ ДЕЛИТСЯ СВОИМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ОТ ФЕСТИВАЛЯ

Я быстро проглядел начало статьи. Знаменитый нью-йоркский критик Мита Островски высказывал свое мнение о программе первого фестиваля. Вдруг мой взгляд зацепился за одну фразу.

– Послушай-ка, – сказал я Дерекку. – Журналист спрашивает у Островски, что его приятно и неприятно поразило на фестивале. Островски отвечает: “Безусловно, приятной неожиданностью – думаю, все со мной согласятся – стала великолепная постановка “Дяди Вани” с блистательной Шарлоттой Кэрелл в роли Елены. А неприятной – конечно же нелепый монолог Кирка Харви.

Катастрофа от первого до последнего слова. Включать подобное ничтожество в программу – значит унижать фестиваль. Я бы даже сказал, это значит оскорблять зрителей”.

– Он сказал “Кирка Харви”? – недоуменно переспросил Дерек.

– Он сказал “Кирка Харви”, – подтвердила гордая своей находкой Анна.

– Это еще что за ребус? – удивился я. – Шеф полиции Орфеа принимал участие в фестивале?

– Больше того, – добавил Дерек, – Харви расследовал убийства 1994 года. То есть он связан и с убийствами, и с фестивалем.

– Может, Стефани потому его и разыскивала? – задумался я. – Нам непременно надо его откопать.

В поисках Кирка Харви нам мог помочь Льюис Эрбан – полицейский, на чье место Анна приехала в Орфеа. Он всю жизнь проработал в местной полиции, а значит, не мог не знать Харви.

Мы с Анной и Дерекотом отправились к нему домой и застали его в пышном цветнике перед домом. При виде Анны его лицо просияло ласковой улыбкой.

– Анна, вот так радость! – воскликнул он. – Ты первая из коллег, кто надумал меня навестить.

– Мы к тебе по делу, – с ходу призналась Анна. – Со мной сотрудники полиции штата. Нам бы хотелось поговорить с тобой о Кирке Харви.

Мы устроились на кухне. Льюис Эрбан, пожелавший непременно угостить нас кофе, рассказал, что не имеет ни малейшего представления о том, что случилось с Кирком Харви.

– Он что, умер? – спросила Анна.

– Понятия не имею, но вряд ли. Сколько ему сейчас? От силы лет пятьдесят пять.

– Значит, он исчез в октябре 1994 года, сразу после того, как было раскрыто убийство мэра и его семьи, так? – продолжала Анна.

– Да. Почти сразу. Оставил очень странное заявление об уходе по собственному желанию. Мы так и не поняли, почему и отчего.

– А расследования не было?

– Практически нет, – несколько смущенно ответил Льюис, уткнувшись в чашку.

– Как же так? – Анна даже подскочила. – У вас куда-то девается шеф полиции, и никто не пытается выяснить, что стряслось?

– По правде сказать, его все ненавидели, – ответил Эрбан. – К тому моменту, как Харви исчез, он в полиции уже ничего не значил. Власть взял в свои руки его помощник, Рон Гулливер. Ни один полицейский не желал иметь с ним дело. Мы его на дух не выносили. И прозвали его “шеф-одиночка”.

– Шеф-одиночка? – удивилась Анна.

– Именно так. Харви все презирали.

– Почему же его назначили начальником? – вступил в разговор Дерек.

– Потому что поначалу мы его очень любили. Он обаятельный был и очень умный. К тому же хороший руководитель. Страстный театрал. Знаете, чем он занимался на досуге? Писал пьесы! Отпуск всегда проводил в Нью-Йорке, ходил там на все спектакли. Одну свою пьесу даже поставил со студенческой труппой университета Олбани, она имела некоторый успех. О нем написали в тамошней газете и все такое. И подружку себе прелестную нашел, прямо куколку, студентку из труппы. В общем, все при нем, по полной программе.

– И что было потом? – спросил Дерек.

– Его слава не продлилась и года, – объяснил Льюис Эрбан. – Окрыленный успехом, он написал новую пьесу. Все уши нам прожужжал, говорил, что это будет шедевр. Когда в Орфеа организовали театральный фестиваль, он буквально землю носом рыл, чтобы его пьесу сыграли на открытии. Но мэр Гордон ему отказал. Сказал, что пьеса плохая. Они все время ссорились по этому поводу.

– Но ведь его пьесу все-таки сыграли на фестивале, разве нет? Я видел в архиве “Орфеа кроникл” критическую статью про нее.

– Он читал монолог собственного сочинения. Это был полный провал.

– Я вот о чем, – уточнил Дерек. – Каким образом Кирку Харви все-таки удалось принять участие в фестивале, если мэр был против?

– Так ведь Гордона уколошили как раз в тот вечер, когда открылся фестиваль! Бразды правления принял его тогдашний заместитель Алан Браун, и Кирк Харви сумел протащить свою пьесу в программу. Не знаю, почему Браун согласился. Наверно, у него были дела поважнее.

– Значит, Кирк Харви выступал только потому, что Гордон погиб, – подытожил я.

– Именно так, капитан. Каждый вечер выступал в Большом театре после основного спектакля. Это было полное фиаско. Вы себе не представляете, до чего жалкое зрелище. Выставил себя на посмешище перед всеми. В общем, для него это стало началом конца: репутация погорела, подружка его бросила, все пошло прахом.

– Но разве полицейские из-за пьесы возненавидели Харви?

– Нет, – ответил Льюис Эрбан, – во всяком случае, не только. За несколько месяцев до фестиваля Харви нам объявил, что у его отца рак и он лежит в больнице в Олбани. Сказал, что возьмет отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за ним, пока тот лечится. Мы все ему страшно сочувствовали. Бедный Кирк, у него умирает отец. Попытались собрать ему денег взамен жалованья, устраивали всякие мероприятия, даже вычли для него из своих отпускных, чтобы он не оставался без средств на время своих отлучек. Он был наш шеф, мы его ценили.

– И что произошло?

– Правда выплыла наружу. Его отец был жив-здоров, а Харви просто выдумал эту историю, чтобы ездить в Олбани ставить свою пресловутую пьесу. С этого момента никто про него и слышать не

хотел, а тем более ему подчиняться. Он оправдывался, говорил, что запутался в собственной лжи и ему даже в голову не могло прийти, что мы скинемся ему в помощь. Нас это бесило еще больше, ведь это значило, что мозги у него устроены не так, как у нас. С того дня мы его больше не считали шефом.

– Когда это случилось?

– Все раскрылось в июле месяце девяносто четвертого года.

– Как же полиция с октября по июль управлялась без шефа?

– Де-факто шефом стал Рон Гулливер. У парней он пользовался авторитетом, все обошлось хорошо. Происходило все неофициально, но никто ничего не заметил, потому что вскоре убили мэра, а Брауну, который занял его место, пришлось в следующие месяцы разгрести более важные дела.

– Но мы же регулярно общались с Кирком Харви, когда расследовали убийство, – возразил Дерек.

– А кто еще из наших с вами сотрудничал? – спросил Эрбан.

– Никто, – согласился Дерек.

– Вам не показалось странным, что вы работаете только с Кирком Харви?

– Мне это тогда не пришло в голову.

– Вы не подумайте, мы все тоже были при деле, – уточнил Эрбан. – Убийство все-таки, четыре трупа. Ко всем сообщениям от населения, ко всем запросам полиции штата относились очень серьезно. Но, помимо этого, Харви вел собственное расследование, у себя в углу. Он совершенно помешался на этом деле.

– Значит, было и досье?

– Конечно. Харви его собрал. Оно должно лежать в архиве.

– Там ничего нет, – сказала Анна. – Пустая коробка.

– Может, в его кабинете в подвале? – предположил Эрбан.

– Что за кабинет в подвале? – спросила Анна.

– В июле девяносто четвертого, когда раскрылось вранье про рак у отца, все ребята явились в кабинет к Харви, чтобы потребовать объяснений. Его на месте не было. Мы стали там рыться и поняли,

что он не столько работал, сколько писал свою пьесу: там всюду были разные рукописи, планы. Тогда мы решили навести порядок и выкинули в шредер все, что не относилось к работе; надо сказать, там мало что осталось. Потом мы выдернули из розетки его компьютер, взяли письменный стол и стул и перетащили все в подвальную комнату. Такой чулан без окон, он не проветривался, и туда сваливали всякие ненужные вещи. С того дня Харви, являясь на службу, сразу спускался в свой новый кабинет. Мы думали, он в подвале и недели не протянет, а он все-таки три месяца просидел, но в октябре девяносто четвертого пропал с концами.

Мы с минуту помолчали, переваривая сцену бунта, описанную Эрбаном. Потом я произнес:

– Значит, в один прекрасный день он исчез.

– Да, капитан. Помню, как сейчас, потому что накануне ему позарез понадобилось со мной поговорить.

* * *

Орфея, конец октября 1994 года

Войдя в туалет, Льюис Эрбан столкнулся с Кирком Харви. Тот мыл руки.

– Льюис, мне надо с тобой поговорить.

Эрбан сперва сделал вид, что не слышит. Но Харви пристально смотрел на него, и он пробормотал:

– Кирк, я не хочу, чтобы нас засекли...

– Послушай, Льюис, я знаю, что опростоволосился...

– Да блин, Кирк, что на тебя нашло? Мы же ради тебя все скинулись из отпускных.

– Я вас ни о чем не просил! – возразил Харви. – Я взял отпуск за свой счет. Ни к кому не прикапывался. Вы сами во все это влезли.

– То есть мы еще и виноваты?

– Слушай, Льюис, ты вправе меня ненавидеть. Но мне нужна твоя помощь.

– Даже не заикайся. Если ребята узнают, что я с тобой разговариваю, меня тоже отправят в подвал.

– Тогда давай встретимся в городе. Буду ждать тебя вечером, около восьми, на парковке у причала. Я тебе все расскажу. Это очень важно. Это касается Теда Тенненбаума.

* * *

– Теда Тенненбаума? – переспросил я.

– Да, капитан, – кивнул Льюис. – Естественно, я никуда не пошел. Если бы меня увидели с Харви, я бы стал прокаженным. Это был наш последний разговор. Назавтра, придя на службу, я узнал, что Рон Гулливер обнаружил у себя на столе заявление за его подписью. Он извещал, что уехал и никогда больше не вернется в Орфеа.

– И как вы к этому отнеслись? – спросил Дерек.

– Подумал: и слава богу. Честно говоря, так было лучше для всех.

Когда мы вышли из дома Льюиса Эрбана, Анна сказала:

– Стефани в Большом театре расспрашивала волонтеров, выясняла, где именно находился Тед Тенненбаум в тот вечер, когда произошло убийство.

– О, черт, – выдохнул Дерек. И добавил, словно уточняя: – Ведь Тед Тенненбаум был...

– Убийцей тех четверых, я знаю, – перебила Анна.

А Дерек добавил:

– По крайней мере, мы так двадцать лет считали. Что же такое нашел про него Кирк Харви и почему ничего не сказал нам?

В тот же день мы получили от криминалистов анализ содержимого компьютера Стефани. На жестком диске оказался один-

единственный вордовский документ, защищенный паролем, который тамошние специалисты без труда сумели взломать.

Мы открыли его и все втроем прилипли к компьютеру.

– Это текст, наверно, статья, – сказал Дерек.

– Скорее книга, – заметила Анна.

Она была права. Мы прочли документ и обнаружили, что Стефани посвятила этому делу целую книгу. Приведу здесь ее начало:

Стефани Мейлер
НЕВИНОВНЫЙ

Объявление затерялось между рекламой сапожника и анонсом китайского ресторана, предлагавшего шведский стол меньше чем за 20 долларов.

ХОТИТЕ НАПИСАТЬ КНИГУ, КОТОРАЯ ВАС ПРОСЛАВИТ?
ЛИТЕРАТОР ИЩЕТ ЧЕСТОЛЮБИВОГО ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ
СЕРЬЕЗНОЙ РАБОТЫ. РЕКОМЕНДАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

Сначала я не восприняла это всерьез. Но все равно решила из любопытства набрать указанный номер. Мне ответил мужчина, по голосу я его не узнала. И поняла, кто он, только на следующий день, когда мы встретились с ним в кафе в Сохо.

– Вы? – удивилась я, увидев его.

Казалось, он был удивлен не меньше меня. Объяснил, что ему нужен человек, чтобы написать книгу, которая давно занимает все его мысли.

– Я уже двадцать лет даю это объявление, Стефани, – сказал он. – Но все, кто на него за эти годы откликнулся, оказались один другого хуже.

– Но зачем вам искать кого-то, кто напишет книгу вместо вас?

– Не вместо меня. Для меня. Я вам даю сюжет, а вы будете моим пером.

– Почему бы вам не написать ее самому?

– Мне? Это невозможно! Вы только представьте, что скажут люди... Короче, я оплачиваю все ваши расходы, пока вы пишете. А потом вам не о чем будет беспокоиться.

– Почему? – спросила я.

– Потому что благодаря этой книге вы станете богатой и знаменитой писательницей, а у меня будет спокойнее на душе. Я наконец получу ответы на вопросы, которые преследуют меня двадцать лет. И буду счастлив оттого, что эта книга существует. Если вы найдете ключ к разгадке, получится отличный детектив. Читатели будут в восторге.

Книга, надо признать, получилась захватывающая. Стефани рассказывала, как она устроилась в “Орфеа кроникл”, чтобы под этим прикрытием спокойно расследовать убийство четырех человек в 1994 году.

Однако грань между документальным повествованием и вымыслом уловить было сложно. Если она описывает только реальные факты, тогда кто тот таинственный заказчик, что попросил ее написать книгу? И зачем он это сделал? Имени его она не называла, но из ее слов вроде бы следовало, что она с ним знакома и что в день убийства он находился в Большом театре.

– Возможно, поэтому мне и не дает покоя это происшествие. Я был в зале, смотрел спектакль. Очень посредственную постановку “Дяди Вани”. А настоящая, захватывающая трагедия разворачивалась в это время всего в нескольких улицах от меня, в квартале Пенфилд. С того вечера я постоянно задаюсь вопросом, что там могло произойти, и постоянно говорю себе, что из этой истории получился бы обалденный детектив.

– Но, насколько я знаю, убийцу нашли. Им был некий Тед Тенненбаум, ресторатор из Орфеа.

– Знаю, Стефани. И знаю, что все улики подтверждают его вину. Но полной уверенности у меня нет. В тот вечер он дежурил в театре как пожарный. А я без чего-то семь вышел на улицу размять ноги и видел, как мимо проехал фургон. Оpoznать его было легко, у него наклейка на заднем стекле. Позже я понял из газет, что это машина Теда Тенненбаума. Проблема в том, что за рулем был не он.

– Что еще за история с фургоном? – спросила Анна.

– Фургон Теда Тенненбаума был одной из главных улик, из-за фургона его и задержали, – объяснил Дерек. – Один из свидетелей официально подтвердил, что машина эта стояла перед домом мэра непосредственно перед убийством.

– Стало быть, фургон его, но за рулем был не он? – задумалась Анна.

– Ну, так утверждает этот человек, – произнес я. – Потому-то Стефани и подошла ко мне со словами, что мы промахнулись с преступником.

– Значит, кто-то все эти годы сомневался в том, что он виновен, но ничего нам не сказал? – удивился Дерек.

Для всех нас троих было очевидно одно: если бы Стефани исчезла по доброй воле, она бы никогда не уехала без компьютера.

К несчастью, наша уверенность подтвердилась. На следующее утро, в среду 2 июля, одна дама, орнитолог-любитель, прогуливалась на заре возле Оленьего озера; она заметила, что вдали, в зарослях кувшинок и тростника, плавает какой-то тук. Ей стало любопытно, она достала бинокль. Долго вглядывалась в озеро и наконец поняла, что видит человеческое тело.

Дерек Скотт

Август 1994 года. Расследование наше топталось на месте: ни подозреваемого, ни мотива преступления. Если Гордон в самом деле собирался бежать с семьей из Орфеа, то куда и почему? Неясно. Мы не нашли ни единой зацепки, никаких следов. Ничто в поведении Лесли или Джозефа не настораживало близких, их выписки с банковских счетов были вполне обычными.

За неимением мотива убийства нам нужны были конкретные факты, позволяющие выйти на след преступника. Благодаря экспертам-баллистам мы знали, что все жертвы были застрелены из пистолета марки “Беретта”; судя по меткости стрельбы, убийца владел им хорошо. Но мы буквально тонули в реестрах оружия и списках членов ассоциаций любителей стрельбы.

Тем не менее у нас в руках был важный элемент, способный изменить ход расследования: пресловутый автомобиль, который Лина Беллами видела на улице незадолго до убийства. К несчастью, никаких деталей у нее в памяти не осталось. Ей лишь смутно помнился черный фургон с большим рисунком на заднем стекле.

Мы с Джесси часами сидели с ней, показывая картинки всех возможных и невозможных машин.

– Может, примерно в этом роде? – спрашивали мы.

Она внимательно рассматривала череду фотографий и отвечала:

– Трудно сказать, не знаю.

– Вы говорите “фургон”; вы имеете в виду вэн или скорее пикап?

– А какая между ними разница? Знаете, чем больше машин вы мне показываете, тем больше у меня в голове все путается.

Несмотря на все добрые намерения Лины Беллами, мы ходили по кругу. И время играло против нас. Майор Маккенна жутко на нас давил:

– Ну, парни? Скажите наконец, что у вас что-то есть, – непрерывно спрашивал он.

– Ничего, майор. Головоломка какая-то.

– Черт, пора уже сдвигаться с мертвой точки. Неужто я в вас ошибся? Такое крупное дело, весь отдел так и ждет, что вы сядете в лужу. Знаете, что про вас говорят у кофейного автомата? Что вы дилетанты. Сами прослывете идиотами, меня выставите идиотом, и у всех будут неприятности. Мне надо, чтобы вы в лепешку разбились, а нашли зацепку. Четверо убитых среди бела дня, не могли же все следы сквозь землю провалиться.

Мы ушли в расследование с головой. Работали без выходных, по двадцать часов в сутки. Ничем другим не занимались вообще. Я фактически жил у Джесси с Наташей. Теперь у них в ванной стояли три зубные щетки.

Ход следствия переломила Лина Беллами.

Однажды вечером, спустя десять дней после убийства, муж вечером повез ее ужинать на Мейн-стрит. С той страшной ночи 30 июля Лина не выходила из дому. Она была встревожена, подавлена. Не разрешала детям играть в парке напротив дома. Предпочитала увозить их подальше, хоть им и приходилось по сорок пять минут сидеть в машине. Собиралась даже переехать. Терренс, ее муж, всячески старался ее отвлечь и в конце концов убедил посидеть где-нибудь вдвоем. Ему хотелось сходить в новый ресторан на Мейн-стрит, рядом с Большим театром. Все вокруг только и говорили, что про кафе “Афина” – модное заведение, открывшееся как раз к фестивалю. Столики брали с бою: наконец-то в Орфеа по явился ресторан, достойный этого имени.

Вечер стоял теплый. Терренс оставил машину на парковке у причала, и они неспешно прошли до ресторана. Место было чудесное, на террасе горели свечи, вокруг множество цветов. На застекленном фасаде ресторана были нарисованы линии и точки: на первый взгляд они выглядели каким-то индейским узором, а при ближайшем рассмотрении складывались в сову.

Взглянув на фасад, Лина Беллами в ужасе задрожала:

- Тот самый рисунок!
- Какой рисунок? – спросил муж.
- Который я видела сзади на фургоне.

Терренс Беллами немедленно позвонил нам с Джесси из телефона-автомата, и мы примчались в Орфеа. Супругов Беллами мы нашли на парковке курортного комплекса, они сидели в машине. Лина рыдала. К тому же, пока мы ехали, перед кафе “Афина” появился пресловутый черный фургон: на его заднем стекле в самом деле красовался тот же логотип, что на фасаде. За рулем был мужчина внушительных размеров, супруги Беллами видели, как он входил в заведение. Его личность мы установили по номерам машины: это был Тед Тенненбаум, владелец кафе “Афина”.

Мы решили не спешить с арестом Тенненбаума и для начала тайно навести о нем справки. Вскоре стало ясно, что он вполне соответствует имеющимся у нас сведениям об убийце: год назад Тенненбаум обзавелся ручным огнестрельным оружием – правда, не “береттой” – и регулярно тренировался в местном тире, владелец которого считал его далеко не бездарным стрелком.

Мы выяснили, что Тенненбаум происходил из зажиточной семьи, жившей в Манхэттене: этакий папенькин сынок, вспыльчивый, любитель распускать руки. Из-за своей драчливости он был отчислен из Стэнфордского университета и даже отсидел несколько месяцев в тюрьме. Что не помешало ему впоследствии приобрести оружие. В Орфеа он поселился несколько лет назад и, судя по всему, вел себя тихо. Работал в отеле “Палас дю Лак”, потом завел собственное дело – кафе “Афина”. Причем именно из-за своего ресторана сильно повздорил с мэром.

Уверенный, что заведение будет иметь бешеный успех, Тенненбаум купил идеально расположенное здание на Мейн-стрит; прежний владелец запрашивал за него такую цену, что распугал всех покупателей. Оставалась, однако, изрядная проблема: согласно кадастровому назначению здания, ресторан на этом месте открывать

было нельзя. Тенненбаум не сомневался, что мэрия легко выдаст ему разрешение, но мэр считал иначе. Он решительно воспротивился проекту кафе “Афина”. Тенненбаум собирался открыть фешенебельное заведение наподобие манхэттенских, а Гордон не видел в этом никакой пользы для Орфеа и запретил любые отклонения от кадастра. По словам служащих мэрии, мужчины неоднократно ссорились.

Мы обнаружили еще один факт. Однажды ночью, в феврале, здание сгорело дотла. Для Тенненбаума это была удача: необходимость заново отстраивать здание позволяла изменить его назначение. Про этот эпизод нам рассказал шеф полиции Харви.

– То есть вы хотите сказать, что Тенненбаум благодаря этому пожару смог открыть свой ресторан.

– Совершенно верно.

– Полагаю, это был поджог.

– Разумеется. Но никаких доказательств того, что его устроил Тенненбаум, мы не нашли. Так или иначе, пожар случился как нельзя вовремя: у Тенненбаума оставалось время закончить работы и открыть “Афину” прямо к началу фестиваля. С тех пор народу там хоть отбавляй. Он не мог себе позволить никаких проволочек со стройкой.

Именно этот момент и оказался решающим. Несколько свидетелей утверждали, что Гордон неявно грозил Тенненбауму затянуть работы. В частности, помощник шефа Рон Гулливер рассказал, что однажды мужчины чуть не подрались прямо на улице и ему пришлось вмешаться.

– Почему нам никто не сказал об этом конфликте с Тенненбаумом? – удивился я.

– Потому что дело было в марте, – ответил Гулливер. – У меня уже из головы вылетело. Знаете, политики по любому поводу горячатся. У меня тонны таких историй. Достаточно сходить на заседание муниципального совета: так и норовят сойтись врукопашную. Это же не значит, что они в итоге друг друга перестреляют.

Но для нас с Джесси этого было более чем достаточно. Досье получалось железобетонное: у Тенненбаума был мотив убить мэра, он был опытным стрелком, а его фургон, стоявший перед домом Гордонов за несколько минут до бойни, был официально опознан. Двенадцатого августа 1994 года, на рассвете, Тед Тенненбаум был арестован у себя дома по подозрению в убийстве Джозефа, Лесли и Артура Гордонов, а также Меган Пейделин.

Мы вернулись в окружное отделение полиции штата с победой и под восхищенными взглядами коллег и майора Маккенны препроводили Тенненбаума в камеру.

Но ликовали мы недолго, всего несколько часов. За это время Тед связался с Робинот Старром, крупным нью-йоркским адвокатом, и тот примчался из Манхэттена, как только сестра Тенненбаума перевела ему 100 тысяч долларов аванса.

В комнате для допросов Старр на глазах у раздосадованного майора буквально размазал нас по стенке; коллеги наблюдали за происходящим через зеркало без амальгамы и помирали со смеху.

– Много я повидал на своем веку бездарных копов, – гремел Робин Старр, – но эти двое всех перещеголяли. Ну-ка повторите свою сказку, сержант Скотт!

– Вам бы стоило померить спесь, – возразил я. – Мы знаем, что у вашего клиента в последние месяцы были трения с мэром по поводу перестройки кафе “Афина”.

Старр с любопытством взглянул на меня:

– Но по-моему, работы завершены, так в чем проблема, сержант?

– Строительство “Афины” не терпело отлагательства, а Гордон, по моим сведениям, угрожал вашему клиенту остановить работы. После очередной ссоры Тед Тенненбаум убил мэра, всю его семью и эту несчастную женщину, оказавшуюся во время пробежки у дома Гордона. Вам наверняка известно, мэтр Старр, что ваш клиент – опытный стрелок.

– Вы меня просто сразили, сержант, – иронически поддакнул Старр. – Какая упоительная галиматья!

Тенненбаум сидел молча, предоставив говорить адвокату, и пока это неплохо работало.

– У вас все, других рассказней нет? – продолжал Старр. – А теперь позвольте, я вам отвечу. Мой клиент не мог быть дома у Гордона 30 июля в 19 часов по той простой причине, что он был дежурным пожарным в Большом театре. Спросите любого, кто был в тот вечер за кулисами, вам все скажут, что видели Теда.

– В тот вечер была изрядная суматоха, – возразил я. – Тед вполне мог отлучиться. От театра до дома мэра на машине всего несколько минут.

– А, ну конечно! Вы, стало быть, полагаете, что мой клиент побыстрому сиганул в свой фургон, заскочил на минуточку к мэру, укокошил всех, кто оказался у него на пути, и преспокойно вернулся на свое место, в Большой театр.

Я решил выложить главный козырь. Так сказать, сделать контрольный выстрел. Намеренно выдержав паузу, я сказал:

– Фургон вашего клиента стоял перед домом Гордонов за несколько минут до убийства, его официально опознали. Именно поэтому ваш клиент находится здесь, и именно по этому выйдет он отсюда лишь затем, чтобы отправиться в федеральную тюрьму, где будет ждать суда.

Старр сурово уставился на меня. Я было решил, что попал в точку. Но он захлопал в ладоши:

– Bravo, сержант! Спасибо, давно я так не смеялся. Значит, весь ваш карточный домик держится на этой абракадабре с фургоном? Который ваша свидетельница десять дней не могла опознать, а теперь вдруг опамятовалась?

– Откуда вы знаете? – возмутился я.

– Просто я, в отличие от вас, работаю, – взорвался Старр. – А вам полезно было бы знать, что ни один судья не сочтет доказательством подобную чушь! У вас нет никаких реальных улик. Стыдитесь,

сержант, ваше расследование достойно бойскаута. Если вам нечего добавить, позвольте нам с моим клиентом откланяться.

Дверь комнаты открылась. Майор испепелил нас взглядом, пропустил Старра и Тенненбаума, а когда они удалились, влетел в комнату и в бешенстве так пнул стул, что тот отлетел к стене. Я никогда не видел его в таком гневе.

– Значит, это и есть ваше хваленое расследование? – заорал он. – Я вас просил ускориться, а не заниматься черт-те чем!

Мы с Джесси, не проронив ни слова, опустили глаза, отчего майор только больше разъярился:

– Ну, что вы можете сказать в свое оправдание, а?

– Майор, я убежден, что это сделал Тенненбаум, – произнес я.

– Убеждены, Скотт? И что это за убежденность? Убежденность копа, та, что не дает ни есть, ни спать, пока дело не раскрыто?

– Да, майор.

– Ну так работайте! Вон отсюда оба, и чтобы все расследовали заново!

– 6. Убийство журналистки

Среда, 2 июля – вторник, 8 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Среда, 2 июля 2014 года

24 дня до открытия фестиваля

Целая армада машин экстренных служб и скорой помощи, пожарных фургонов и полицейских автомобилей со всего округа, скопившаяся на 17-м шоссе, перекрыла все подступы к Оленьему озеру. Дорожная полиция всех отправляла в объезд, луга между двумя перелесками были обнесены заграждениями, у которых дежурили сотрудники полиции, оттеснявшие поток любопытных и журналистов.

Мы с Анной и Дерекком, а также шефом Гулливером и кучкой полицейских стояли в нескольких десятках метров оттуда, на пологом склоне, поросшем высокой травой и зарослями ежевики, и молча смотрели на расстилавшуюся перед нами изумительную водную гладь, покрытую разнообразной растительностью. Среди зелени, прямо посреди озера, отчетливо виднелось белесое пятно. В кувшинках запуталось человеческое тело.

Издалека невозможно было понять, Стефани это или нет. Мы ждали водолазов из полиции штата. А пока беспомощно созерцали неподвижный водный простор, не говоря ни слова.

На противоположном берегу вязли в грязи полицейские: пытались подойти к озеру.

– А что, этот район не прочесывали? – спросил я Гул ливера.

– Досюда мы не добрались. Место труднодоступное. И к берегу не подойдешь, грязь да тростник...

Вдали послышались сирены. Прибыло подкрепление. Затем появился мэр Браун в сопровождении Монтейна: тот заехал за ним в мэрию и доставил сюда. Наконец примчались подразделения полиции штата, и все пришло в движение: полицейские и пожарные тащили надувные лодки, за ними шли водолазы с тяжелыми ящиками оборудования.

– Что происходит в этом городе? – пробормотал мэр, подходя к нам и оглядывая пышные заросли кувшинок.

Водолазы облачились в костюмы, надувные лодки были спущены на воду. Мы с Гулливером сели в одну из них и понеслись по озеру, за нами двинулась вторая лодка, с водолазами. Лягушки и водяные птицы разом смолкли, и, когда мы заглушили лодочные моторы, настала невыносимая тишина. Лодки, двигаясь по инерции, смяли ковер цветущих кувшинок и вскоре подплыли к телу. Водолазы соскользнули в воду и исчезли в облаке пузырьков. Я перебрался на нос лодки и перегнулся через борт, всматриваясь в высвобожденное водолазами тело. Когда им наконец удалось его перевернуть, я невольно отшатнулся. Представшее мне лицо, обезображенное водой, безусловно, принадлежало Стефани Мейлер.

Известие о том, что тело Стефани Мейлер обнаружено в Оленьем озере, быстро разнеслось по окрестностям. У полицейских заграждений толпились зеваки. Прибыла едва ли не вся местная пресса. Обочина 17-го шоссе превратилась в подобие шумной ярмарки.

Тело доставили на берег, и судмедэксперт, доктор Ранджит Сингх, приступил к осмотру. Вскоре он, подозвав нас с Анной и Дерексом, мэра Брауна и Гулливера, доложил первые свои выводы:

– Полагаю, Стефани Мейлер была задушена.

Браун закрыл лицо руками.

– Подождем результатов вскрытия, – продолжал судмедэксперт, – тогда мы будем точно знать, что произошло. Пока я обнаружил обширные гематомы на шее и признаки сильного цианоза. У нее

также имеются царапины на руках и лице, кожа на локтях и коленях содрана.

– Как же ее раньше не заметили? – спросил Гулливер.

– Утопленники всплывают не сразу. Судя по состоянию трупа, смерть наступила восемь-девять дней назад. Во всяком случае, больше недели.

– То есть мы возвращаемся к той ночи, когда она пропала, – сказал Дерек. – Значит, Стефани похитили и убили.

– Боже! – прошептал потрясенный Браун, хватаясь за голову. – Как это возможно? Кто мог такое сделать с бедной девушкой?

– Именно это нам и предстоит выяснить, – ответил Дерек. – Ситуация очень серьезная, господин мэр. В округе, а может, и в самом городе орудует убийца. Его мотивы нам пока неизвестны, нельзя исключать, что он нанесет новый удар. Пока мы его не задержали, следует соблюдать предельную осторожность. Ввести на время повышенные меры безопасности, привлечь в помощь полицию штата.

– Повышенные меры безопасности? – забеспокоился Браун. – Даже не думайте, вы же всех перепугаете! Поймите, Орфеа – курортный город. Если пойдут слухи, что здесь бродит убийца, весь летний сезон пойдет насмарку! Вы отдаете себе отчет, что это для нас значит?

Мэр повернулся к Гулливеру и Анне:

– Сколько времени вы сможете не допускать утечки информации?

– Все и так уже в курсе, Алан, – ответил Гулливер. – Слух разлетелся по всему округу. Ступайте сами посмотрите: там, наверху, уже целый парк аттракционов!

Внезапно наш разговор прервали крики: на склоне показались Мейлеры-старшие. “Стефани!” – в ужасе кричала Труди Мейлер; за ней бежал муж. Увидев, что они спускаются, мы с Дерекком бросились к ним: их надо было задержать, они не должны были видеть тело дочери, лежащее на берегу в мешке для трупов.

– Вам не надо на это смотреть, миссис Мейлер, – прошептал я прижавшейся ко мне Трудю. Она кричала и плакала. Мы отвели Денниса и Трудю Мейлер в полицейский фургон, там их ждала штатный психолог.

Надо было делать заявление для прессы. Я с удовольствием предоставил это мэру. Гулливер, не упуская случая покрасоваться перед камерами, взялся его сопровождать.

Оба поднялись по склону к заграждениям, за которыми нетерпеливо топтались журналисты со всей округи. Здесь были все каналы местного телевидения, фотографы, корреспонденты газет и журналов. Брауна и Гулливера немедленно окружил целый лес протянутых микрофонов и объективов. Первым, перекрывая голоса коллег, прозвучал вопрос Майкла Берда:

– Стефани Мейлер действительно убита?

Повисла леденящая тишина.

– Нужно дождаться результатов расследования, – ответил Браун. – Большая просьба не спешить с выводами. Со временем вам будет представлено официальное коммюнике.

– Но чье тело обнаружено в озере, Стефани Мейлер? – снова спросил Майкл.

– Больше я ничего вам сказать не могу.

– Мы все видели, что прибыли ее родители, господин мэр, – настаивал Майкл.

– Да, скорее всего, это Стефани Мейлер, – неохотно признал прижатый к стенке Браун. – Родители ее пока официально не опознали.

Все сразу загалдели, журналисты наперебой задавали свои вопросы. Из общего шума снова вырвался голос Майкла:

– Значит, Стефани убита, – заключил он. – И не надо говорить, что пожар в ее квартире – простое совпадение. Что происходит в Орфеа? Что вы скрываете от населения, господин мэр?

Браун не терял присутствия духа.

– Я понимаю вашу заинтересованность, – спокойно ответил он, – но сейчас главное – не мешать работать следствию. На данном этапе я воздержусь от комментариев, чтобы не затруднять работу полиции.

Майкл, явно взволнованный, не отступал.

– Господин мэр, – крикнул он, – собираетесь ли вы проводить празднества по случаю Четвертого июля, когда весь город в трауре?

Вопрос застал Брауна врасплох, но на ответ ему понадобилась лишь доля секунды:

– Пока я принимаю решение отменить фейерверк Четвертого июля.

По толпе журналистов и зевак прокатился ропот.

Со своей стороны, мы с Анной и Дерекком осматривали берега озера, пытаясь понять, как Стефани могла сюда попасть. Дерек считал, что убийство не было преднамеренным:

– По-моему, любой мало-мальски расчетливый убийца привязал бы к телу Стефани груз, чтобы быть уверенным, что оно со временем не всплывет. Тот, кто это сделал, не собирался убивать ее здесь и таким образом.

Берега Оленьего озера были по большей части недоступны для пешеходов: их покрывали плотные, словно стена, заросли гигантского тростника. Именно это и превращало их в орнитологический рай – здесь, в девственном лесу, гнездились и обитали в полном покое десятки видов птиц. В других местах к озеру подступал густой сосновый бор, тянувшийся вдоль 17-го шоссе до самого океана.

Сперва нам показалось, что подойти к озеру можно только на том берегу, куда мы приехали. Но, внимательно изучив местность, мы заметили, что высокая трава со стороны леса недавно примята. Добрались мы туда с огромным трудом: почва была зыбкая и болотистая. Перед нами лежал плоский безлесный участок берега, грязь на нем была взрыта. Похоже на следы ног, но точно сказать невозможно.

– Тут что-то произошло, – уверенно проговорил Дерек. – И я не думаю, что Стефани шла тем же путем, что и мы. Склон чересчур крутой. По-моему, попасть на этот берег можно только одним способом...

– Через лес? – подсказала Анна.

– Точно.

Мы с группой полицейских из Орфеа стали прочесывать прилегающий лес и обнаружили сломанные ветки. Здесь кто-то прошел. На кусте висел клочок ткани.

– Возможно, лоскут майки, в которой Стефани была в понедельник, – сказал я Анне с Дерекком, натягивая латексную перчатку и беря лоскут.

Судя по тому, что я видел в озере, на Стефани была только одна туфля. На правой ноге. Левую туфлю мы нашли в лесу, она зацепилась за корень.

– Значит, по лесу она бежала, – заключил Дерек, – спасалась от кого-то. Иначе бы остановилась и надела туфлю.

– И преследователь нагнал ее у озера и утопил, – добавила Анна.

– Да, Анна, наверняка ты права, – кивнул Дерек. – Но ведь не от пляжа же она сюда прибежала?

Отсюда до пляжа было больше пяти миль.

Двигаясь по лесу по ее следу, мы вышли на дорогу. Примерно в двухстах метрах от полицейских заграждений.

– Видимо, она вошла здесь, – сказал Дерек.

Поблизости мы заметили на обочине следы покрышек. Значит, преследователь был на машине.

* * *

В это время в Нью-Йорке

Мита Островски сидел в своем кабинете в редакции “Нью-Йорк литерари ревью” и наблюдал в окно за белкой, скакавшей по газону в сквере. Он давал телефонное интервью – на почти идеальном французском – какому-то мутному парижскому журналу интеллектуальной направленности, их интересовало его мнение касательно восприятия европейской литературы в Соединенных Штатах.

– Ну конечно! – жизнерадостно воскликнул Островски. – Если я на сегодняшний день один из самых влиятельных критиков в мире, то лишь потому, что в последние тридцать лет не ведаю снисхождения. Незыблемая дисциплина ума – вот мой секрет. Главное, не любить. Любовь – это слабость!

– Но некоторые злые языки утверждают, что все критики – несостоявшиеся писатели, – заметила заокеанская журналистка.

– Вздор, моя дорогая, – усмехнулся Островски. – Я никогда, подчеркиваю, никогда не встречал критика, который бы мечтал писать сам. Критики выше этого. Литература – искусство вторичное. Что такое писать? Писать – это составлять слова так, чтобы получались фразы. Этому можно научиться даже мартышку!

– Какова же тогда роль критики?

– Устанавливать истину. Давать возможность массам отделять хорошее от ничтожного. Видите ли, только крохотная часть населения способна разобраться сама, что в самом деле хорошо, а что нет. А поскольку сейчас, к несчастью, все непременно желают судить обо всем на свете и, бывает, возносят до небес полное ничтожество, мы, критики, призваны навести какой-никакой порядок в этом балагане. Мы – полиция интеллектуальной истины. Вот и все.

Завершив интервью, Островски посидел в задумчивости. Как красиво он говорил! Как нетривиально! Какая блестящая аналогия: мартышка – писатель! В нескольких словах он описал закат человечества. Какое счастье, что мысль его столь быстра, а мозг работает на все сто!

В дверь его неприбранного кабинета без стука вошла усталая секретарша.

– Черт возьми, стучать надо, когда входите! – заорал Островски. – Вы что, не понимаете, чей это кабинет?

Он ненавидел эту женщину, она казалась ему унылой.

– Сегодняшняя почта, – сказала она, не удостоив его замечание ответом. И положила на стопку книг, ожидающих прочтения, одноединственное письмо.

– И это все? – разочарованно спросил Островски.

– Все, – ответила секретарша, выходя и закрывая за собой дверь.

Как мало теперь приходит писем, просто беда! Работая в “Нью-Йорк таймс”, он получал их целыми мешками. Восторженные читатели не пропускали ни одной его критической статьи, ни одной заметки. Но так было прежде, в незапамятные времена, в те золотые деньки, когда он был всемогущ. Сегодня ему больше не писали, его перестали узнавать на улице, зрители в театре больше не перешептывались, когда он проходил мимо, писатели не поджидали его у дома, чтобы вручить свою книгу, и не набрасывались на воскресное литературное приложение в надежде прочесть на нее рецензию. Сколько успешных карьер зиждилось на его статьях, сколько имен он уничтожил убийственными фразами! Он возносил на небеса, он повергал в прах. Но то было раньше. Теперь его уже почти никто не боялся. За его статьями следили только читатели “Нью-Йорк литерари ревью” – весьма почтенного, конечно, но с несравнимо меньшей аудиторией.

В тот день, прямо с утра, у Островски возникло какое-то предчувствие. Должно было случиться нечто важное, нечто такое, что снова приведет его к успеху. Он понял, что это то самое письмо. Важное письмо. Инстинкт никогда его не обманывал: он мог понять, хороша книга или плоха, просто подержав ее в руках. Но что такое в этом письме? Ему не хотелось чересчур поспешно его вскрывать. И почему письмо, а не телефонный звонок? Он напряженно размышлял. Может, какой-то продюсер решил снять о нем фильм?

Он еще повертел письмо в руках – какой шикарный конверт! Сердце у него колотилось. Наконец он разорвал его, осторожно достал вложенный листок и сразу взглянул на подпись: “Алан Браун, мэр Орфеа”.

Дорогой мистер Островски,

С радостью приглашаем Вас на 21-й национальный театральный фестиваль, который состоится в этом году в Орфеа, штат Нью-Йорк. Принимать на фестивале критика со столь блестящей репутацией – огромная честь для нас. Двадцать лет назад Вы осыпали нас своим присутствием на самом первом фестивале, и мы с огромной радостью отпраздновали бы его двадцатилетний юбилей с Вами. Разумеется, все издержки, связанные с Вашим пребыванием в городе, мы берем на себя и постараемся устроить Вас как можно лучше.

Письмо заканчивалось обычными пышными изъявлениями почтения. К нему была приложена программа фестиваля и проспект городской туристической конторы.

Чертово письмо, какое разочарование! Чертово неважное, ничтожное письмо от ничтожного мэра какого-то ничтожного захолустного городишки! Почему его не зовут на более престижные мероприятия? Он выбросил конверт в корзину.

Чтобы отвлечься, он решил написать очередной критический обзор. Взял, как обычно, последний рейтинг книжных продаж в Нью-Йорке, ткнул пальцем в верхнюю строчку таблицы и настроил убийственный текст о беспомощном романе, которого в глаза не видел. Его труды прервал звоночек компьютера: на почту упало письмо. Островски поднял глаза на экран. Писал Стивен Бергдорф, главный редактор. Интересно, что вдруг понадобилось Бергдорфу.

Тот и раньше пытался ему звонить, но он был занят, давал интервью. Островски открыл письмо:

Мита, поскольку на мои звонки Вы ответить не соизволили, извещаю Вас письменно: с настоящего момента Вы больше не работаете в “Нью-Йорк литерари ревью”. Стивен Бергдорф.

Островски слетел с кресла, бросился вон из кабинета и, проскочив коридор, рывком открыл дверь главного редактора. Тот сидел за письменным столом.

– Так поступить со мной! – заорал он.

– Надо же, Островски, – невозмутимо произнес Бергдорф. – А я уже два дня все пытаюсь вам дозвониться.

– Как вы смеете меня увольнять, Стивен? Вы в своем уме? Нью-Йорк вас линчует! Разъяренная толпа протащит вас по Манхэттену до Таймс-сквер и вздернет на фонарь, слышите? А я ничего не смогу для вас сделать. Я буду говорить им: “Довольно! Оставьте этого несчастного человека, он не ведал, что творил!” – а они мне ответят в бешенстве: “Только смерть может смыть оскорбление, нанесенное великому Островски!”

Бергдорф раздумчиво посмотрел на штатного критика.

– Вы, кажется, угрожаете меня убить, Островски?

– Отнюдь нет! – возразил Островски. – Наоборот, спасаю вам жизнь, пока еще не поздно. Народ Нью-Йорка любит Островски!

– Ох, старина, перестаньте молоть чушь! Жителям Нью-Йорка до вас дела не больше, чем до прошлогоднего снега. Они вообще не знают, кто вы такой. Вы безнадежно устарели.

– Я был самым грозным критиком все последние тридцать лет!

– Вот именно, пора найти кого-то другого.

– Читатели меня обожают! Я...

– “Бог, но больше смог”, – перебил его главный редактор. – Я знаю ваш девиз, Островски. Но прежде всего вы старик. Хватит. Пора уступить место новому поколению. Мне очень жаль.

– Актеры, узнав, что я в театре, ходили в мокрых штанах!

– О да, но так было раньше, в эпоху телеграфа и дирижаблей!

Островски еле удержался, чтобы не съездить ему по морде. Опускаться до оплеух не хотелось. Он развернулся и вышел, не попрощавшись, – хуже оскорбления он не знал. Вернулся к себе в кабинет, велел секретарше принести коробку, сгрузил в нее самые дорогие сердцу вещи, взял ее под мышку и выбежал вон. Такого унижения он не переживал никогда.

* * *

Орфеа бурлил. Жители были взбудоражены – кто из-за обнаруженного трупа Стефани, кто из-за решения мэра отменить фейерверк на Четвертое июля. Пока мы с Дерекком продолжали обследовать берега Оленьего озера, Анну вызвали на подмогу к мэрии, там намечался митинг. У здания собралась кучка демонстрантов из числа городских торговцев: они требовали не отменять фейерверк, размахивали плакатами и громко жаловались.

– Если в пятницу вечером не будет фейерверка, мне впору закрывать лавку, – негодовал лысый коротышка, державший палатку мексиканской еды. – Для меня это главный вечер сезона.

– А я вложил кучу денег, снял помещение возле набережной, персонал нанял, – вторил ему другой. – Может, мэрия возместит мне расходы, если фейерверк отменят?

– Малышку Мейлер, конечно, жалко, это ужасно, но какое отношение это имеет к национальному празднику? Каждый год к нам приезжают тысячи людей, полюбоваться фейерверком на набережной. Заранее приезжают, ходят по магазинам на Мейн-стрит, потом ужинают в городских ресторанах. Если не будет фейерверка, никто не приедет!

Митинг был мирный, и Анна решила подняться на третий этаж, в кабинет Брауна. Мэр стоял у окна. Он поздоровался с ней, не сводя

глаз с демонстрантов.

– Радости политики, – вздохнул он. – Это убийство всколыхнуло весь город, и теперь я прослышу бессердечным, если не отменю празднества, а если отменю – безумцем, уничтожающим торговлю.

Они с минуту помолчали. Анна попыталась немного его приободрить:

– Люди очень вас любят, Алан...

– К несчастью, Анна, я вполне могу провалиться на выборах в сентябре. Орфеа уже не тот город, что прежде, жители требуют перемен. Надо выпить кофе. Хочешь кофе?

– С удовольствием, – ответила она.

Анна думала, что мэр попросит секретаршу принести две чашки, но он потащил ее в коридор, в конце которого стоял автомат с горячими напитками. Опустил в машину монетку, и черноватая жидкость потекла в картонный стаканчик.

Браун был весьма импозантным мужчиной – бархатистый взгляд, актерская внешность; одет всегда с иголочки, сидящая шевелюра уложена волосок к волоску. Первый стаканчик наполнился, он протянул его Анне и повторил операцию.

– А это так важно, что вас могут не переизбрать? – спросила Анна, пригубив отвратительную жижу.

– Анна, знаешь, что мне в тебе понравилось, когда мы с тобой прошлым летом первый раз встретились на набережной?

– Нет...

– У нас у обоих высокие идеалы, общие устремления и взгляды на общество. Ты могла бы сделать головокружительную карьеру в полиции Нью-Йорка. А я давно мог бы поддаться на зов политических сирен и выдвинуться в сенат или в конгресс. Но нас с тобой это, в сущности, не интересует, потому что в Орфеа мы можем реализовать то, что никогда бы не осуществили в Нью-Йорке, Вашингтоне или Лос-Анджелесе, – идею справедливого города, с настоящей общественной жизнью, без особого неравенства. Когда в девяносто втором году Гордон предложил мне стать его

заместителем, все надо было начинать с нуля. Этот город был как чистый лист. Мне более или менее удалось выстроить его в соответствии с моими убеждениями. Я всегда старался думать о *справедливости*, о том, как будет лучше для блага нашего сообщества. С тех пор как я стал мэром, люди больше зарабатывают, их жизнь улучшилась благодаря отличной сфере услуг, более высоким социальным выплатам, причем все это было сделано без повышения налогов.

– Тогда почему вы считаете, что жители Орфеа могут вас в этом году не переизбрать?

– Потому что прошло время, и они все забыли. С первого моего мандата сменилось почти целое поколение. Сегодня у них иные ожидания, да и требования тоже, ведь все это уже считается нормой. К тому же Орфеа процветает, а это разжигает аппетиты: куча мелких честолюбцев, жаждущих урвать хоть капельку власти, спят и видят, как бы пробраться в мэрию. Ближайшие выборы могут стать концом для города. Его ис портит жажда власти, эгоистическое желание править любой ценой, которыми будет движим мой преемник.

– Ваш преемник? И кто он?

– Пока не знаю. Но рояль в кустах найдется, вот увидишь. До конца месяца еще можно выдвигать свои кандидатуры на пост мэра.

Самообладание у Брауна было поразительное. В этом Анна убедилась, когда под вечер отправилась с ним в Саг-Харбор, к родителям Стефани.

Атмосфера у дома Мейлеров, обнесенного полицейскими заграждениями, была очень напряженной. На улице стояла плотная толпа. Кто просто пришел поглазеть на суматоху, кто хотел выразить поддержку семье. Многие держали в руках зажженные свечи. У фонаря возник импровизированный алтарь с горой цветов, записок и мягких игрушек. Кто-то пел, кто-то молился, кто-то фотографировал. Туда же съехалось множество журналистов со всего округа, тротуар был частично заставлен фургонами местных

телеканалов. Заметив мэра, журналисты окружили его и стали спрашивать об отмене фейерверка Четвертого июля. Анна хотела отстранить их, позволить мэру пройти, не отвечая на вопросы, но он ее удержал. Ему хотелось сделать заявление для прессы. От подавленного человека, которого она только что видела в кабинете, не осталось и следа: он снова был на коне и излучал уверенность в себе.

– Я знаю, что беспокоит коммерсантов нашего города, – громко произнес он. – Я прекрасно их понимаю и отдаю себе полный отчет в том, что отмена празднеств по случаю Четвертого июля может поставить под угрозу и без того шаткую местную экономику. Я провел консультации со своей администрацией и принял решение не отменять фейерверк, а посвятить его памяти Стефани Мейлер.

Довольный произведенным эффектом, мэр не стал отвечать на другие вопросы и двинулся дальше.

В тот вечер Анна, доставив Брауна домой, задержалась на парковке причала у океана. Было восемь часов. Упоительное тепло струилось через опущенные стекла в кабину машины. Ей не хотелось сидеть дома одной, но еще больше не хотелось идти в ресторан в полном одиночестве.

Она позвонила своей подруге Лорен, но та была в Нью-Йорке.

– Тебя, Анна, не поймешь, – сказала Лорен. – Когда тебя зовешь поужинать, ты каждый раз отказываешься под любым предлогом, а стоит мне уехать в Нью-Йорк, как ты мне предлагаешь сходить в ресторан?

Препираться Анне не хотелось. Она нажала на отбой и пошла купить себе еды навынос в какой-нибудь палатке на набережной. Потом поехала на службу, к себе в кабинет, и стала ужинать, изучая магнитную доску с документами расследования на стене. Глядя на имя “Кирк Харви”, написанное на доске, она вдруг вспомнила рассказ, услышанный накануне от Льюиса Эрбана – про насильственное переселение бывшего шефа полиции в подвал. В

подвале действительно было помещение, служившее чуланом. Она решила немедленно спуститься туда. У двери ее охватило странное чувство, ей чуть не стало дурно: она представила себе, как двадцать лет назад на этом месте стоял Кирк Харви.

Лампочка перегорела, ей пришлось освещать дорогу фонариком. Все помещение было завалено стульями, шкафами, колченогими столами и коробками. Она расчистила себе проход через это мебельное кладбище и наконец добралась до деревянного, покрытого лаком письменного стола, заваленного всякими предметами; среди них под слоем пыли виднелась металлическая табличка с гравированной надписью: “Шеф полиции К. Харви”. Это был его стол. Она стала выдвигать ящики. Три были пусты, а четвертый не поддавался. В нем была замочная скважина, он запирался на ключ. Она сходила в соседнюю мастерскую, попросила монтировку. Замок легко поддался, и ящик открылся, издав сухой щелчок. Внутри лежал один-единственный листок бумаги. На нем было написано от руки:

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Анна Каннер

Больше всего на свете я люблю ночное патрулирование в Орфеа.

Больше всего на свете люблю тихие, спокойные улицы, купающиеся в теплой летней мгле, когда темно-синее небо усыпано звездами. Медленно катить по мирно спящим кварталам, мимо закрытых ставней. Повстречать бессонного прохожего или счастливую пару, проводящую ночь на террасе и дружески машущую вам рукой.

Больше всего на свете люблю улицы в центре, когда зимней ночью вдруг начинает идти снег и земля быстро покрывается пышным белым налетом. Когда ты одна не спишь, когда еще не закружились снегоуборщики и ты первая оставляешь след на нетронutom снегу. Выйти из машины, пешком обойти сквер, слышать, как снег скрипит под ногами, и с наслаждением наполнить легкие сухим бодрящим морозцем.

Больше всего люблю встретить на рассвете лису, трусящую по главной улице.

Больше всего люблю восход над побережьем, в любое время года. Смотреть, как на чернильно-синем горизонте вдруг проклевывается розовая точка, как она наливается рыжим светом, а потом огненный шар медленно поднимается над волнами.

Я переехала в Орфеа через несколько месяцев после того, как подписала все бумаги о разводе.

Замуж я выскочила поспешно, за человека, исполненного всяческих достоинств, но не своего. Наверно, я так поспешила с браком из-за отца.

Мы с отцом всегда были в очень близких и тесных отношениях. С самого моего раннего детства мы с ним были одним целым. Я хотела делать то же, что и он. Повторяла все, что говорил он. Шла за ним, куда бы он ни направлялся.

Отец любит теннис. Я тоже играла в теннис, в одном с ним клубе. По воскресеньям мы с ним часто разыгрывали матчи, и чем старше я становилась, тем жестче делались наши поединки.

Отец обожает играть в скрэбл. По странной случайности я тоже обожаю эту игру. Много лет мы с ним на зимних каникулах отправлялись кататься на лыжах в Уистлер, в Британскую Колумбию. Каждый вечер после ужина мы садились в холле отеля и сражались в скрэбл, тщательно записывая все партии – кто выиграл и с каким количеством очков.

Мой отец – адвокат, окончил Гарвард, и я, само собой, без лишних вопросов поехала в Гарвард изучать право. Мне всегда казалось, что прямо с рождения я только этого и хотела.

Отец мной очень гордился, всегда и во всем. В теннисе, в скрэбле, в Гарварде. В любых обстоятельствах. Ему никогда не надоедало слушать потоки похвал, которые расточали в мой адрес. Больше всего на свете он любил, чтобы ему говорили, какая я умная и красивая. Я видела, с какой гордостью он перехватывал обращенные на меня взгляды, когда я где-нибудь появлялась – на вечеринке, куда мы приходили вместе, на теннисном корте, в холле нашей гостиницы в Уистлере. И в то же время он на дух не переносил всех моих парней. С шестнадцати-семнадцати лет у меня начались романы, но ни один мальчик в глазах отца не был для меня достаточно хорош, достаточно красив или достаточно умен.

– Ну, Анна, – говорил он, – могла бы найти себе кого-нибудь получше!

– Он мне очень нравится, папа, это все-таки главное, нет?

– Ты что, можешь представить себя замужем за этим типом?

– Папа, мне семнадцать лет! Я пока не собираюсь замуж!

Чем дольше длилась связь, тем мощнее становилась отцовская кампания обструкции. Вел он ее подспудно, не в лоб. Пользуясь любой возможностью, он каким-нибудь невинным замечанием, подмеченной деталью, брошенным вскользь соображением медленно, но верно разрушал образ очередного возлюбленного. И в

конце концов я неизбежно с ним расставалась – в уверенности, что сама хотела разрыва; по крайней мере, мне хотелось так считать. Но хуже всего было то, что, когда появлялся новый, отец неизменно говорил: “Предыдущий у тебя был просто чудесный парень – жаль, между прочим, что вы расстались, – а что ты в этом нашла, я вообще не понимаю”. И я каждый раз попадалась. Неужели я в самом деле была такой простофилей, позволяла отцу без моего ведома управлять моими отношениями? Не знаю; скорее всего, я уходила от них не по каким-то конкретным причинам, а потому, что не решалась любить кого-то, кого не любит отец. Для меня было невыносимо оставаться с человеком, который не нравится отцу.

Окончив Гарвард, я сдала экзамен на адвоката в Нью-Йорке и стала работать в отцовском бюро. Продолжалось это год, за который я обнаружила, что правосудие с его возвышенными принципами – это лишь машина, неспешная и затратная, плодящая вороха бумаг и крючкотворство, из чрева которой даже победители, по сути, не могли вырваться без потерь. Вскоре я пришла к мысли, что куда успешнее смогу служить правосудию на его начальной стадии и принесу больше пользы на улице, чем в комнатах для свиданий с заключенными. Я подала документы в школу полиции – к величайшему огорчению родителей, особенно отца: он был очень недоволен моим уходом из конторы, но надеялся, что это не отречение, а мимолетная прихоть и я брошу учебу на полпути. Через год я сдала выпускные экзамены с отличными результатами, снискав единодушные похвалы наставников, и поступила инспектором в отдел уголовных расследований 55-го участка в Нью-Йорке.

И немедленно влюбилась в эту работу – главным образом, из-за множества мелких ежедневных побед, позволивших мне осознать, что хороший коп способен многое поправить в бурном хаосе жизни.

Мое место в отцовском бюро предложили адвокату по имени Марк; он был на несколько лет старше меня и уже довольно опытный.

Первый раз я услышала имя Марка за семейным ужином. Отец восхищался им. “Блестящий молодой человек, одаренный, красавец мужчина, – говорил он. – Все при нем. Даже в теннис играет”. А потом вдруг произнес слова, которые я услышала от него впервые в жизни: “Он тебе понравится, ни капли не сомневаюсь. Мне бы хотелось вас познакомить”.

Мне в тот период жизни очень хотелось с кем-нибудь познакомиться. Но из всех моих знакомств ничего серьезного не выходило. С тех пор как я пошла работать в полицию, все мои связи обрывались после первого же ужина или первого выхода “в свет”: узнав, что я коп, да еще из уголовки, все страшно возбуждались и начинали засыпать меня вопросами. Сама того не желая, я привлекала всеобщее внимание, все лучи света сходились на мне. И зачастую мой роман завершался на фразе вроде: “С тобой очень тяжело, Анна, всем интересна только ты, а я как будто не существую. Кажется, мне нужен кто-то другой, кто оставит мне больше места”.

Наконец однажды, зайдя как-то под вечер в контору проведать отца, я встретила пресловутого Марка и с радостью обнаружила, что он подобными комплексами не страдает: врожденное обаяние притягивало к нему все взгляды, он легко вписывался в любой разговор. Знал все обо всем, почти все умел, а если не умел, то умел восхищаться чужим умением. Я смотрела на него так, как никогда ни на кого не смотрела прежде – быть может, потому, что в глазах отца читалось упоение. Он обожал Марка. Тот был его любимчиком, они даже стали вместе играть в теннис. Отец говорил о нем не иначе как с придыханием.

Марк пригласил меня выпить кофе. Ток между нами пробежал немедленно. Идеальная алхимия, бешеный подъем. Третий кофе он принес мне в постель. Ни он, ни я ничего не говорили отцу, и однажды вечером, за ужином, он сказал:

- Как бы я хотел, чтобы у нас все было серьезно, по-настоящему...
- Но что?.. – с опаской спросила я.

– Я знаю, как тебя обожает отец, Анна. Он слишком высоко задрал планку. Не знаю, насколько он меня ценит.

Когда я передала слова Марка отцу, тот стал обожать его еще сильнее, даром что это было невозможно. Пригласил к себе в кабинет, откупорил бутылку шампанского.

Марк описал мне эту сцену, и я хохотала до слез. Схватила стакан, подняла его и, подражая отцовскому голосу и жестам, провозгласила: “За мужчину, который трахает мою дочь!”

Так начался наш с Марком страстный роман, переросший в самую настоящую привязанность в лучшем смысле слова. Первое серьезное испытание мы прошли, когда отправились на ужин к моим родителям. И я впервые за последние пятнадцать лет увидела, что отец сияет, что он приветлив и предупредителен по отношению к моему спутнику. Всех предыдущих он отметал с порога, а этот приводил его в экстаз.

– Какой парень! Какой парень! – твердил мне отец по телефону на следующий день.

– Просто потрясающий! – слышался на заднем плане голос матери.

– Ты уж постарайся, чтобы он не сбежал, как все прочие, – не постеснялся добавить отец.

– Да, ценный кадр, – сказала мать.

Момент, когда мы с Марком собирались пройти второе испытание – отпраздновать годовщину наших отношений, – совпал с традиционными лыжными каникулами в Британской Колумбии. Отец предложил отправиться в Уистлер всем вместе, и Марк охотно согласился.

– Если ты выживешь после пяти вечеров с отцом и особенно после матчей по скрэбблу, тебе впору давать медаль.

Он не только выжил, но еще и трижды выиграл. В довершение всего на лыжах он катался как бог, а в последний вечер, когда мы ужинали в ресторане и посетителю за соседним столиком стало

плохо с сердцем, именно Марк вызвал скорую, а пока та ехала, оказывал больному первую помощь.

Мужчину спасли и доставили в больницу. Когда спасатели выносили его на носилках, врач, приехавший с ними, с восхищением пожал Марку руку: “Вы спасли человеку жизнь, вы настоящий герой”. Ему аплодировал весь ресторан, а владелец отеля не позволил нам заплатить за ужин.

Эту историю отец рассказывал полтора года спустя, на нашей свадьбе, объясняя приглашенным, какой Марк исключительный человек. А я сидела в белом платье и сияла, не сводя с мужа глаз.

Нашему браку суждено было продержаться меньше года.

Джесси Розенберг

Четверг, 3 июля 2014 года

23 дня до открытия фестиваля

Первая полоса “Орфеа кроникл”:

УБИЙСТВО СТЕФАНИ МЕЙЛЕР СВЯЗАНО С ТЕАТРАЛЬНЫМ ФЕСТИВАЛЕМ?

Весь город взволнован убийством Стефани Мейлер, молодой журналистки “Орфеа кроникл”, чье тело было обнаружено в Оленьем озере. Горожане в тревоге, городским властям в начале летнего сезона приходится нелегко. Неужели среди нас бродит убийца?

Записка с упоминанием театрального фестиваля в Орфеа, найденная в машине Стефани, наводит на мысль, что она заплатила жизнью за журналистское расследование убийства в 1994 году мэра Гордона, основателя фестиваля, и его семьи.

Газету нам с Дерекком показала Анна, когда мы встретились утром в окружном отделении полиции штата. Мы ждали доктора Ранджита Сингха, судмедэксперта: он должен был представить первые результаты вскрытия тела Стефани.

– Этого еще не хватало! – рассердился Дерек.

– Это я, дурак, сказал Майклу про записку, – произнес я.

– Я его встретила в кафе “Афина” перед тем, как сюда приехать. По-моему, он сильно переживает из-за смерти Стефани. Сказал, что чувствует себя немного виноватым. Что слышно от криминалистов?

– Следы автомобильных покрышек на обочине 17-го шоссе, к сожалению, не поддаются анализу. Зато туфля точно принадлежит

Стефани, а лоскут ткани – от футболки, которая была на ней. Еще они нашли след ее туфли на обочине.

– Это подтверждает, что в лес она зашла именно в этом месте, – подытожила Анна.

Наш разговор прервало появление доктора Сингха.

– Спасибо, что так быстро все сделали, – сказал ему Дерек.

– Хотел, чтобы вам было с чем работать до выходных Четвертого июля, – ответил тот.

Доктор Сингх, щеголеватый обходительный мужчина, водрузил на нос очки и зачитал нам основные пункты заключения:

– Я отметил несколько не вполне обычных деталей, – сразу приступил он к делу. – Стефани Мейлер умерла от утопления. Я обнаружил большое количество воды в легких и в желудке, а также тину в трахее. Присутствуют выраженные признаки цианоза и дыхательной недостаточности; это означает, что она боролась или, в данном случае, отбивалась. Имеются гематомы на затылке в форме отпечатка широкой ладони: по-видимому, ее крепко держали за шею и погружали головой в воду. Помимо следов тины в трахее, следы тины обнаружены на губах и зубах, а также на концах волос; это свидетельствует о том, что ее голову удерживали в воде на небольшой глубине.

– Есть ли следы насилия перед утоплением? – спросил Дерек.

– Следы сильных ударов отсутствуют, я имею в виду, что Стефани не забили до смерти и не избивали. Следов сексуального насилия также нет. Полагаю, что Стефани убегала от убийцы, и он ее настиг.

– Он? – переспросил Дерек. – По-твоему, это мужчина?

– Учитывая, какая нужна сила, чтобы удержать человека под водой, да, я бы скорее предположил, что это мужчина. Но могла быть и достаточно сильная женщина, почему нет.

– Значит, она бежала по лесу? – вмешалась Анна.

Сингх кивнул:

– Я обнаружил также множественные ушибы и царапины на лице и руках от соприкосновения с ветками. Имеются повреждения на

стопе босой ноги. Очевидно, она со всех ног бежала через лес и содрала кожу на ступне о сухие ветки и камни. Присутствуют также следы земли под ногтями. Полагаю, что она, вероятнее всего, упала на берегу, и убийце оставалось лишь погрузить ее головой в воду.

– Следовательно, преступление непредумышленное, – сказал я. – Тот, кто это сделал, не собирался ее убивать.

– Как раз собирался об этом сказать, – подхватил доктор Сингх и показал нам фото плеч, локтей, кистей и коленей Стефани крупным планом.

На них были видны красноватые грязные раны.

– Вроде бы ссадины, – пробормотала Анна.

– Именно так, – подтвердил Сингх. – Более или менее поверхностные повреждения кожи, в которых я обнаружил фрагменты асфальта и гравия.

– Асфальта? – переспросил Дерек. – Что-то я не совсем понимаю, док.

– Смотрите, – пояснил Сингх, – судя по расположению ран, она катилась кувырком по асфальту. Возможно, это означает, что Стефани сама выпрыгнула на ходу из машины и побежала в лес.

Заключение Сингха вскоре было подтверждено двумя важными свидетельствами. Первым стал рассказ подростка, находившегося на отдыхе с родителями: по вечерам он встречался с компанией приятелей на пляже, вблизи которого мы обнаружили машину Стефани. Допрашивала его Анна, которой позвонили родители мальчика. Их встревожила шумиха в прессе, и они связались с полицией, полагая, что их сын, возможно, видел что-то важное. Они были правы.

Согласно заключению доктора Сингха, смерть Стефани произошла в ночь с понедельника на вторник, то есть в ночь, когда она пропала. Подросток рассказал, что как раз 23 июня отошел в сторонку от остальной компании, чтобы спокойно поговорить по телефону со своей подругой, оставшейся в Нью-Йорке.

– Я сел на какой-то камень, оттуда была хорошо видна парковка, – рассказывал мальчик. – Там никого не было, я точно помню. А потом вдруг я увидел, что по тропинке из леса вышла молодая женщина. Подождала немножко, до половины одиннадцатого. Это я знаю, потому что как раз кончил разговаривать. Я в телефоне проверял. В эту минуту на парковку въехала машина. Девушку я видел в свете фар, потому и помню, что она была в белой футболке. Стекло со стороны пассажирского сиденья опустилось, девушка перекинулась парой слов с человеком за рулем, потом села рядом с ним. Машина сразу уехала. Это та самая девушка, которая умерла?..

– Я проверю, – ответила Анна, чтобы не пугать его напрасно. – Ты не мог бы описать машину? Может, ты заметил какую-нибудь деталь и она тебе запомнилась? Может, видел номер? Хотя бы часть? Или название штата?

– Нет, простите.

– А кто был за рулем, мужчина или женщина?

– Не могу сказать. Слишком темно было, и все так быстро случилось. Да я особо и внимания не обратил. Если бы я знал...

– Ты мне уже очень, очень помог. Значит, ты подтверждаешь, что девушка села в машину добровольно?

– Да, совершенно! Она ее ждала, это точно.

Мальчик был последним, кто видел Стефани живой. К его показаниям добавилось свидетельство одного коммивояжера из Хиксвилла, который явился в окружное отделение полиции штата. По его словам, в понедельник 26 июня он приезжал в Орфеа к клиентам.

– Из города я выехал около половины одиннадцатого, двигался по 17-му шоссе в сторону автострады. Проезжая мимо Оленьего озера, я увидел на обочине машину с работающим мотором, обе дверцы были открыты. Мне, естественно, стало любопытно, я притормозил, подумал, может, кому помощь нужна. Бывает такое.

– В котором часу это было?

– Около 22.50. Во всяком случае, одиннадцати еще не было, это точно.

– Значит, вы притормозили, и?..

– Ну да, притормозил, странно мне показалось, что эта машина тут стоит. Огляделся и увидел, что по склону кто-то поднимается, какой-то силуэт. Я подумал, что, наверно, кому-то срочно приспичило. Не стал дальше разбираться, решил, что если бы этому человеку нужна была помощь, он бы подал знак. Поехал своей дорогой, вернулся домой и выкинул это все из головы. Вот только сейчас услышал в новостях, что на берегу Оленьего озера в понедельник вечером произошло убийство, связал это с тем, что видел, и подумал, что это может быть важно.

– Вы видели этого человека? Это был мужчина? Или женщина?

– По силуэту больше похоже на мужчину. Но темно слишком было.

– А машина какая?

Судя по тому немногому, что описал свидетель, речь шла о той же машине, какую четвертью часа раньше видел подросток на пляже. Вернувшись в кабинет Анны, мы связали во едино все детали и восстановили хронологию последнего вечера в жизни Стефани Мейлер.

– В восемнадцать часов она приезжает в “Кодиак”, – сказал я. – Кого-то ждет – видимо, убийцу, – но тот не показывается, а тайком следит за ней в ресторане. В двадцать два часа Стефани выходит из “Кодиака”. Вероятный убийца звонит ей из ресторанного таксофона и назначает встречу на пляже. Стефани встревожена и звонит полицейскому, Шону, но тот не отвечает. Тогда она направляется на место встречи. В двадцать два тридцать убийца заезжает за ней на машине. Она соглашается в нее сесть. Значит, она ему более или менее доверяет или, возможно, с ним знакома.

Анна прочертила красным маркером на громадной карте района, висящей на стене, предположительный маршрут автомобиля: отъехав от пляжа, должен был свернуть на Оушен-роуд, затем на 17-

е шоссе на северо-восток, вдоль озера. От пляжа до Оленьего озера было пять миль, то есть четверть часа на машине.

– Около двадцати двух сорока пяти, – продолжал я, – Стефани, понимая, что ей грозит опасность, выпрыгивает из машины и бежит по лесу; убийца нагоняет ее и топит. Он забирает у нее ключи от дома и едет туда, вероятно, в тот же вечер, в понедельник. Не найдя ничего там, проникает в редакцию и выносит компьютер Стефани, но и там его ждет облом. Стефани была слишком осторожна. Чтобы выиграть время, он в полночь отправляет эсэмэску Майклу Берду, зная, что тот главный редактор газеты; он все еще надеется завладеть результатами расследования Стефани. Когда он понимает, что полиция штата подозревает исчезновение человека при невыясненных обстоятельствах, все ускоряется. Убийца возвращается в квартиру Стефани, но тут появляюсь я. Он меня вырубает, а на следующую ночь приходит снова и поджигает дом, надеясь уничтожить так и не найденную документацию.

Первый раз с тех пор, как началось это дело, у нас что-то прояснилось. Наши тиски начали сжиматься. Однако обитатели города пребывали на грани массового психоза, и первая полоса сегодняшней “Орфеа кроникл” подливала масла в огонь. До конца я это осознал, когда Анне позвонил Коди:

– Ты читала газету? Убийство Стефани связано с фестивалем. Я сегодня в пять вечера собираю волонтеров в кафе “Афина”, мы думаем объявить забастовку. Мы не чувствуем себя в безопасности. Возможно, фестиваль в этом году не состоится.

* * *

В это время в Нью-Йорке

Стивен Бергдорф с женой возвращались домой пешком.

– Я знаю, у журнала сложности, – ласково сказала ему жена, – но почему бы тебе все-таки не уйти в отпуск? Ты же знаешь, это пойдет на пользу нам всем.

– По-моему, с точки зрения финансов, сейчас не время для сумасбродных путешествий, – резко одернул ее Стивен.

– Сумасбродных? – возразила жена. – Моя сестра одолжит нам трейлер. Поедем по стране. Никаких особых расходов не потребуется. Доедем до Йеллоустонского национального парка. Дети мечтают побывать в Йеллоустоне.

– В Йеллоустоне? Там слишком опасно, медведи и все такое.

– Господи, Стивен, да что на тебя нашло? – рассердилась жена. – В последнее время только и делаешь, что ворчишь.

Они подошли к дому, и Стивен вздрогнул от неожиданности: их поджидала Элис.

– Здравствуйте, мистер Бергдорф, – сказала она.

– Элис, какой приятный сюрприз! – пробормотал он.

– Я принесла все нужные документы, вам осталось только подписать.

– Ну, разумеется, – отозвался Бергдорф; актер из него был никудышный.

– Документы срочные. Поскольку после обеда вас не было в офисе, я решила, что завезу их вам на подпись домой.

– Очень любезно с вашей стороны, – поблагодарил Стивен, глупо улыбаясь жене.

Элис протянула ему папку со всякими письмами. Он проглядел первое письмо, держа папку так, чтобы супруга ничего не видела, – рекламная рассылка. Изобразив на лице интерес, он взглянул на следующее письмо. Это был листок, на котором Элис написала:

Наказание за то, что целый день не давал о себе знать: 1000 долларов.

Снизу был приколот скрепкой уже заполненный чек на ее имя из его чековой книжки. Книжку она у него изъяла.

– Вы уверены, что это корректная сумма? – дрожащим голосом спросил Бергдорф. – По-моему, дороговато.

– Цена справедливая, мистер Бергдорф. За качество надо платить.

– Ну, тогда подписываю, – еле выдавил он.

Подписав чек на 1000 долларов, он закрыл папку и протянул ее Элис. Попрощался с кривой улыбкой и ринулся вместе с женой в дверь. Через несколько минут он уже звонил ей из туалета, пустив воду из крана.

– Элис, ты рехнулась? – прошептал он, примостившись между унитазом и раковиной.

– Где тебя носило? Исчезаешь, и ни слуху ни духу?

– Мне надо было кое-куда смотаться, – промямлил Бергдорф, – а потом я заехал к жене на работу.

– Смотаться? Это еще куда?

– Мне велели никому не говорить.

– Если ты немедленно все не расскажешь, я сейчас заявлюсь к тебе и все расскажу твоей жене.

– Ладно, ладно, – взмолился Стивен. – В Орфея я ездил. Послушай, Элис, Стефани убили...

– Что?! И ты туда ездил, трижды кретин! Боже, ну почему ты такой кретин? Что мне с тобой делать, дурак ты безмозглый?

Элис в бешенстве бросила трубку. Прыгнула в такси и отправилась в Манхэттен, в конец Пятой авеню, где расположены шикарные бутики. У нее есть тысяча долларов на карманные расходы, и она ни в чем себе не будет отказывать.

Элис вышла из такси неподалеку от застекленной башни, где находился офис “Канала 14”, влиятельной частной телестудии. В конференц-зале на 53-м этаже генеральный директор Джерри Райс проводил совещание руководства канала:

– Как вы знаете, наш рейтинг с начала лета сильно понизился, я бы даже сказал, катастрофически рухнул. Потому я вас и собрал. Мы должны срочно что-то предпринять.

– Где главная проблема? – спросил кто-то из креативщиков.

– Проблема с нашей восемнадцатичасовой программой. Нас заткнул за пояс “Смотри!”.

Канал “Смотри!” был прямым конкурентом “Канала 14”: примерно та же аудитория, равный рейтинг, сходный контент. Каналы вели ожесточенную борьбу за рекордные рекламные бюджеты на самые популярные передачи.

– “Смотри!” крутит дико успешное реалити-шоу, – пояснил директор по маркетингу.

– В чем там фишка? – спросил Джерри Райс.

– Вообще-то ни в чем. Показывают трех сестер. Как они обедают, ходят по магазинам, на гимнастику, ссорятся, мирятся. Их типичный день.

– И где они работают?

– Нигде не работают, – отозвался программный директор. – Им за то и платят, что они ни фиги не делают.

– Такое мы сами можем сделать, даже лучше! – заявил Джерри. – Нужно еще более бытовое реалити-шоу.

– Но целевая аудитория реалити-шоу – люди скорее бедные и малообразованные, – заметил шеф-редактор. – Они включают телевизор, чтобы им дали мечту.

– Вот именно, – ответил Джерри, – нам нужна идея, как обратить зрителя к самому себе, к его стремлениям. Реалити-шоу, влекущее его вперед! К осени мы могли бы представить новую концепцию. Надо нанести решающий удар! У меня уже есть слоган: “Канал 14. Ваша мечта – в вас самих!”

Предложение было принято на ура.

– О, звучит круто! – одобрил директор по маркетингу.

– Я хочу, чтобы к осени у нас была ломовая передача. Чтобы все на ушах стояли! Чтобы мы к сентябрю запустили гениальную

концепцию и вся аудитория была нашей! Даю вам ровно десять дней: в понедельник четырнадцатого июля мне нужны предложения по главной программе осени.

Джерри распустил собравшихся. Когда все стали расходиться, у него запищал телефон. Звонила его жена, Синтия. Он снял трубку.

– Джерри, – с упреком сказала Синтия, – я уже не первый час не могу тебе дозвониться.

– Прости, у меня было совещание. Ты же знаешь, у нас сейчас напряженка, готовим программы к следующему сезону. Что случилось?

– Дакота сегодня вернулась в одиннадцать утра. И опять пьяная.

Джерри беспомощно вздохнул:

– Синтия, ну я-то что могу поделаться?

– В конце концов, эта наша дочь, Джерри! Ты же слышал, что сказал доктор Лерн: ее надо увозить из Нью-Йорка.

– Увозить из Нью-Йорка! Как будто это что-то изменит.

– Джерри, не будь ты таким фаталистом! Ей всего девятнадцать. И ей нужна помощь.

– Как будто мы не пытаемся ей помочь...

– Ты себе не представляешь, каково ей сейчас, Джерри!

– Зато я прекрасно себе представляю, что моя девятнадцатилетняя дочь – наркоманка! – взорвался он, но успел понизить голос на последней фразе, чтобы никто не услышал.

– Давай не по телефону, – предложила Синтия, чтобы его успокоить. – Ты где?

– Как ты думаешь, где я могу быть?

– Вот я и спрашиваю. Сеанс у доктора Лерна в семнадцать ноль-ноль, – напомнила Синтия. – Ты что, забыл?

У Джерри глаза полезли на лоб: совсем вылетело из головы! Он пулей вылетел из кабинета и помчался к лифту.

Каким-то чудом в кабинете доктора Лерна на Мэдисон-авеню он оказался вовремя. Полгода назад Джерри согласился ходить на

еженедельные сеансы семейной терапии вместе с женой Синтией и дочерью Дакотой, девятнадцати лет.

Райсы устроились втроем на диване; доктор Лерн, как всегда, восседал напротив, в кресле.

– Ну, – поинтересовался доктор, – что случилось за время после нашего последнего сеанса?

– Вы хотите сказать, за две недели, – фыркнула Дакота, – папочка ведь на прошлой неделе забыл явиться?..

– Уж прости, пожалуйста, я работаю! Оплачиваю безумные семейные расходы! – огрызнулся Джерри.

– Ох, Джерри, очень тебя прошу, не начинай! – взмолилась жена.

– Я сказал просто “нашего последнего сеанса”, – заметил терапевт бесстрастным тоном.

Синтия попыталась направить разговор в более конструктивное русло:

– Я сказала Джерри, что ему надо больше времени проводить с Дакотой.

– И что вы об этом думаете, Джерри? – спросил доктор Лерн.

– Думаю, что летом с этим будет сложно: нам надо полностью проработать концепцию передачи. Конкуренция – штука жесткая, мы во что бы то ни стало должны к осени запустить новую программу.

– Джерри, – раздраженно сказала Синтия, – кто-то же может тебя заменить? У тебя вечно ни для кого нет времени, одна работа!

– Мне надо кормить семью и психиатра, – бесцеремонно отозвался Джерри.

Доктор Лерн и бровью не повел.

– Ты вообще думаешь только о своей говенной работе, папа! – воскликнула Дакота.

– Потрудись не прибегать к подобной лексике, – одернул дочь Джерри.

– Джерри, – обратился к нему терапевт, – как вы думаете, что Дакота пытается вам сказать в подобной форме?

– Что благодаря этой “говенной работе” ей оплачивают телефон, шмотки, ее долбаную машину и то, что она пихает себе в нос!

– Дакота, ты это пытаешься сказать отцу?

– Не-а. Я собаку хочу, – ответила Дакота.

– Час от часу не легче, – взвыл Джерри. – Сперва тебе нужен компьютер, теперь еще и собака...

– Не говори мне больше про этот компьютер! – вскрикнула Дакота. – Никогда больше про него не говори!

– Вы купили компьютер по просьбе Дакоты? – продолжал свои расспросы Лерн.

– Да, она так любила писать, – объяснила Синтия Райс.

– Тогда почему бы не завести ей собаку?

– Потому что она безответственная, – ответил Джерри.

– Откуда ты знаешь, ты же мне не даешь попробовать! – возразила Дакота.

– Вижу, как ты обращаешься с собой, мне вполне достаточно! – парировал отец.

– Джерри! – вскрикнула Синтия.

– И вообще она хочет собаку, потому что ее подружка Нейла завела собаку, – с умным видом объяснил Джерри.

– Она Лейла, а не Нейла! Ты даже не знаешь, как зовут мою лучшую подругу!

– Эта девица – твоя лучшая подруга? Она собаку назвала Марихуаной.

– Ну и что, Марихуана очень милая! – возразила Дакота. – Ей всего два месяца, а она уже просится на улицу!

– Черт, да не в том же проблема! – рассердился Джерри.

– В чем же тогда проблема? – спросил доктор Лерн.

– Проблема в том, что эта Лейла плохо влияет на мою дочь. Когда они вместе, они всякий раз черт-те чем занимаются. Если хотите знать мое мнение, все случилось не из-за компьютера, а из-за этой Лейлы!

– Проблема в тебе, папа! – закричала Дакота. – В том, что ты совсем дурак и ничего не понимаешь!

Она вскочила с дивана и выбежала из кабинета. Сеанс продолжался от силы четверть часа.

* * *

В 17.15 мы с Анной и Дерекком приехали в кафе “Афина” в Орфеа. Нашли столик в углу и незаметно устроились там. Зал был битком набит волонтерами и любопытными, сбежавшимися поглазеть на странное сборище. Коди, близко к сердцу принимавший свои обязанности главы волонтеров, стоял на стуле и чеканил слова, а толпа хором их подхватывала.

– Мы в опасности! – кричал Коди.

– Да, в опасности! – отозвались внимавшие ему волонтеры.

– Мэр Браун скрывает от нас правду о смерти Стефани Мейлер. Знаете, почему ее убили?

– Почему? – проблеял хор.

– Из-за театрального фестиваля!

– Фестиваля! – возопили волонтеры.

– Зачем мы тратим свое время? Чтобы нас всех перебили?

– Нееееет! – взывала толпа.

Официант принес нам кофе и меню. Я не первый раз видел его в ресторане. Это был явный потомок индейцев, с длинными волосами, тронутыми сединой. Мне запало в память его имя: его звали Массачусетс.

Волонтеры поочередно брали слово. Многих встревожила заметка в “Орфеа кроникл”, они боялись стать следующими жертвами убийцы. Мэр, находившийся здесь же, выслушивал упреки каждого и пытался своими ответами урезонить волонтеров и успокоить их.

– Никакого серийного убийцы в Орфеа нет, – отчеканил он.

– Как же нет убийцы, если Стефани Мейлер убили, – заметил какой-то коротышка.

– Послушайте, случилась трагедия, это верно. Но никакого отношения ни к вам, ни к фестивалю она не имеет. Вам не о чем беспокоиться.

Коди, снова взобравшись на стул, обратился к мэру:

– Господин мэр, мы не позволим себя убивать ради театрального фестиваля!

– В сотый раз повторяю, – возразил Браун, – это дело, каким бы ужасным оно ни было, не имеет к фестивалю ни малейшего отношения! Это полный абсурд! Вы отдаете себе отчет, что без вас фестиваль не состоится?

– То есть вас только это и заботит, господин мэр? – возмутился Коди. – Только ваш дурацкий фестиваль, а не безопасность ваших сограждан?

– Я просто предупреждаю вас о последствиях неразумного решения. Если театральный фестиваль не состоится, город не оправится от такого удара.

– Это знак! – закричала вдруг одна женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

НОВЫЙ РОМАН АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
“ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА” И “КНИГА БАЛТИМОРОВ”

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

CoRpus

СТЕФАНИ МЕЙДЕР

Примечания

1

Хэмптоны (Hamptons) – фешенебельные курортные поселки Ист-Хэмптон, Бриджхэмптон, Саутхэмптон и др., давшие название местности на Лонг-Айленде, где они расположены. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.)

[Вернуться](#)

2

Американский государственный праздник, День независимости США. (Прим. автора.)

[Вернуться](#)